

КОНСЕРВАТОР № 3

КОНФУЦИЙ И ДРУГИЕ
О ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРЕ И ДУХАХ

*Какими глупостями заставляют заниматься
и отвлекают от дел, гораздо важнейших!*

Александр I. Сувалки, 1825

Санкт-Петербург

2008

Альманах

Консерватор

Почти научное, популярное издание

Редакционная коллегия:

Кириллов Алексей Николаевич *редактор*

Васильев Виктор Петрович

Осипов Александр Васильевич *издатель*

ISBN 5 – 93569 – 002 – 9

© A.B. Osipov, 2008

© А.Л. Неучев, “Родословная чисел“, 2008

© Издательство “АВИС“, 2008

РАЗГОВОР О ГРЯЗИ, ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРЕ И ДУХАХ

Ты не отличаешь мудрости от глупости, значит, у тебя грязные глаза. Ты не читаешь вслух книг и стихов, значит, грязен твой рот. Ты не выносишь правдивых слов, значит, грязны твои уши. Не отличаешь старого от нового, значит, ты грязен телом. Мечтаешь о захвате власти, значит, ты грязен душой.

По Гуаньчжун. Троеподательство.

Ред.: Итак, грязь в прямом смысле, грязь в переносном смысле. Не очень понял я, почему мудрость от глупости отличают глазами. Быть может, Вы умеете это делать, но, на мой взгляд, здесь налицо просто неаккуратность в выражении мыслей или неаккуратность перевода. Ну а неаккуратность — одна из ипостасей этого многозначного понятия «грязь».

В.П.: Но ведь Вы сами же и сказали «на мой взгляд»! Разве Вы «взглядываете» не глазами? Разве мы не упрекаем человека, сделавшего обидную ошибку: «Куда же ты смотрел?» Или Гамлет разве не восклицает перед матерью: «Есть у вас глаза? С такой горы пойти в таком болоте Исскать свой корм! О, есть у вас глаза?»

Ред.: Но здесь ведь речь идет не совсем о мудрости. Вряд ли уместно было Гамлету упрекать свою мать в отсутствии большого ума. Скорее, Гамлет обращает внимание на благородство, достоинство, словом, на какие-то другие качества.

В.П.: Но мудрость не есть «большой ум». А те человеческие свойства, о которых Вы говорите, близки к ней и, по-видимому, к ним также применим и термин «взгляд», и термин «глупость».

Чувства есть у вас,
Раз есть движенья; только эти чувства
Разрушены; безумный различил бы,
И, как бы чувства ни служили бреду,
У них бы все ж явился некий выбор
Перед таким несходством. Что за бес
Запутал вас, играя с вами в жмурки?
Глаза без ощупи, слепая ощупь,

Слух без очей и рук, нюх без всего,
Любого чувства хилая частица
Так не сглупят.

Кстати говоря, и остальные предложения эпиграфа мне также представляются точными и важными. Распространение «грязной речи», которое мы сегодня наблюдаем, а вместе с ним и обеднение речи обычной, связано, конечно, с разными социальными проблемами, но, как мне представляется, и с тем, что исчезает чтение вслух как элемент домашнего воспитания. Впрочем, почти то же самое и в школе. И на концерте сегодня невозможно представить среди тотального ерничества чтение хороших стихов.

Но интересен и еще один феномен. Китайский язык не похож на русский. И, тем не менее, образы, которые возникают у китайца, совершенно естественны и для русского языка.

Ред.: Наверное, в течение нескольких столетий (если не тысячелетий) происходит какая-то «языковая притирка», постепенно срабатывает резонанс. Впрочем, язык – штука действительно таинственная. Но спустимся на землю и вернемся к аккуратности. Во втором выпуске «Консерватора» мы упрекали издателей книги «Беседы и суждения Конфуция» в том, что они не вполне буквально привели перевод П.С. Поповым отрывка 5:1 из «Изречений». Известно, что после того, как обнаружишь соломинку в глазу собрата, следует немедленно приступить к поиску бревна в глазу своем, что я и сделал, взявши перечитывать тексты переводов, напечатанные в нашем альманахе. Результат не замедлил сказаться. В диалоге 3:8 у Вас пропущена целая фраза в русском переводе.

В.П.: Это печально. В том издании, из которого мы цитируем тексты, это место выглядит так:

Цзы-ся спросил: Что значит стих Ши-цзина «прелестна ее лукавая улыбка, выразительны ее прекрасные очи, словно разрисованные по грунту». Философ сказал: Разрисовка производится после грунтовки. В таком случае и церемонии отходят на задний план, сказал (Цзы-ся). Философ сказал: Понимающий меня это Шан (Цзы-ся), с которым только и можно говорить о Ши-цзине.

Но я хочу заметить, что и Вы, как редактор, должны были бы разделить ответственность за такую небрежность.

Ред.: Нет уж. Вам нужно было иметь более глазастого редактора. Трудно прослеживать текст, в котором «смысл... манит к себе даже в бессмыслице».

В.П.: Пояснение дает сам Попов в примечании:

Смысл этого разговора заключается в том, что как в живописи грунт является основой для рисования, так и преданность и искренность являются основами, сущностью

церемоний или правил, определяющих жизнь человека, которые, поэтому, как наружное проявление этих принципов, занимают второстепенное место.

Конечно, каждому понятен и более приземленный, бытовой смысл этой аллегории. Если мы хотим побелить стену дома, то сначала следует убедиться, что она не прогнила, општукатурить ее и лишь потом белить. Если вы хотите покрасить стальную трубу, то сначала следует избавиться от ржавчины, затем покрыть грунтовкой и лишь затем окрашивать. Иначе пятна ржавчины через некоторое время вновь проявятся.

Ред.: То есть что-то типа того, что «в человеке все должно быть прекрасно...». А если, для упрощения, идти от «обратного» примера, то можно вспомнить стих из «Евгения Онегина»:

И прекрасна как день, но душою словно демон коварна и зла.

В.П.: Это не совсем «Евгений Онегин». Пушкин небольшой был любитель давать отрицательные характеристики женским персонажам. У него, если «коварна», то «его коварная душа», если «зла», то «глупость ветрена и зла», если «обманчива», то «наружность его была обманчива» или «обманчивая нежность его» и т.д. Это, наверное, инициатива либреттиста. Модесту Чайковскому, по-видимому, это понадобилось для большого динамизма или более упрощенного понимания поведения Ленского. Кстати говоря, это особенность Пушкина, а не стиль того времени. Например, у Лермонтова:

*В той башне высокой и тесной царица Тамара жила:
Прекрасна, как ангел небесный, как демон, коварна и зла.*

Или у Баратынского:

*Страхись прелестицы опасной,
Не подходи: обведена
Волшебным очерком она;
Кругом ее заразы страстью
Исполнен воздух!*

Я приведу другой «обратный» пример, из Библии. Он, мне кажется, ближе к сути разговора. В «Деяниях Апостолов» (23:1-5) описывается сцена суда над Апостолом Павлом:

Павел, устремив взор на синедрион, сказал: мужи братия! Я всею доброю совестью жил перед Богом до сего дня. Первосвященник же Анания стоявшим перед ним приказал быть его по устам. Тогда Павел сказал ему: Бог будет быть тебя, стена подбеленная! Ты сидишь, чтобы судить по закону, и, вопреки закону, велиши быть меня.

Здесь Павел использует выражение «стена подбеленная», вкладывая в этот образ тот самый смысл, который мы и обсуждаем.

Ред.: Мне нравятся Ваши комментарии. И то, как Вы заразительно и искренне, совсем по-детски, восхищаетесь тому, что «учиться полезно» и, следовательно, «если утром это осознаешь, то в вечером можешь спокойно помирать»; «нельзя в одну и ту же реку входить дважды» и, следовательно, «все течет, все изменяется»; «разрисовка происходит после грунтовки» и, следовательно, «форма определяется содержанием». Количество таких банальностей, может быть, и переходит в некоторое новое качество, но непонятно в какое.

В.П.: Сентенция 4:8 звучит в переводе Попова так: «Если человек поутру узнает истинный закон вещей, то вечером он может умереть без сожаления». Думаю, что здесь неправильно понят смысл, и речь идет не о паре «утро – вечер», а о паре «заход солнца – наступление ночи». «Daybreak» – переводит Lyall, что означает зарю. Заря может быть утренней и вечерней. «Вечерняя заря» – аллегория красивая и грустная, которая каждому, к сожалению, в свое время становится очень даже понятной. На юге промежуток времени между заходом солнца и наступлением ночи очень короток, а на севере он длиннее, но в любом случае это часть суток, имеющая свою прелесть.

Я хочу еще раз повторить, что у Конфуция почти все основные предложения имеют параллельные места. Например, когда он говорит о чистой основе, о «грунтовке», которая производится перед раскрашиванием (3:8), он вводит параллельный эпизод, диалог 5:9, в котором подчеркивает эту мысль: «гнилое дерево не годится для резьбы». Точно так же обстоит дело и с мыслью, связанной с заходом солнца. Обратите внимание на объяснение самого Конфуция в 2:4. В переводе Попова это выглядит так:

В пятнадцать лет у меня появилась охота к учению; в тридцать лет я уже установился; в сорок лет у меня не было сомнений; в пятьдесят лет я знал волю неба; в шестьдесят лет мой слух был открыт для немедленного восприятия истины; а в семьдесят лет я следовал влечениям своего сердца, не переходя должной меры.

Ред.: Это надо было столько лет познавать волю неба, чтобы потом «следовать влечениям сердца»! Не лучше ли поступать так с самого начала? Я являюсь сторонником не только Конфуция, но и всех, кто утверждает, что «учиться, учиться и еще раз учиться» – очень хорошо. Желательно, чтобы это происходило «по велению сердца», то есть сознательно и охотно. И я знаю многих детей, которые это делают, не дожидаясь семидесяти лет.

В.П.: Если они при этом понимают гармонию (то есть меру) вещей, то и слава Богу. Чтобы понять, о чем говорит Конфуций, давайте предположим, что вы захотели выучить английский язык. Сначала вы учите слова и начинаете со стандартных фраз, затем вы уверенно переводите со словарем, на следующем этапе вы уже «чувствуете язык», потом начинаете хорошо понимать, когда находитесь в компании англичан. Но сказать, что человек знает язык по-настоящему, можно лишь когда он не задумывается в подборе слов или переводе услышанного, а говорит на языке, как на родном, вдумываясь

лишь в существо разговора (следуя велениям сердца). И при этом говорит правильно (то есть «не переходит должностной меры» или «соблюдает ритуал»).

Конфуций не говорит, что человек, который потратил всю жизнь на обучение, получит награду, не называет это удовольствием, которое компенсирует труды, это нечто другое, что я бы назвал ощущением свободы. Чтобы стало яснее, я приведу еще один пример. Обучение молодого человека игре в футбол происходит примерно по той же схеме. Предположим, что он уже достиг того уровня, который соответствует шестидесяти годам по Конфуцию, то есть не только понимает игру, умеет исполнять «стандарты» и т.п., но и «слух его открыт», то есть он впитывает все футбольные новинки. Увидел, например, на стадионе какой-то новый трюк, интересный удар в исполнении классного футболиста и на ближайшей тренировке пытается повторить его и отрабатывает до тех пор, пока не научится уверенно его исполнять. Но это еще не все. Вот здесь есть нетривиальный момент! Должно пройти еще некоторое время, чтобы футболист «забыл» то, чему его учили. То есть приобретенные знания переходят в «подсознание», на уровень рефлексов. Так и художник становится свободным, когда при написании портрета задумывается лишь о характере изображаемого персонажа, а не о технике мазка.

Это непросто описать. «Оперативная» память у человека устроена совсем не так, как у компьютера, и возможность «забывать» — это свойство, которое надо тоже уметь использовать. Если футболист задумывается во время удара не о том, в какой угол ворот ему надо послать мяч, а о том, как ему развернуть стопу, то он еще не достиг необходимой «свободы» действий, когда человек следует «велениям сердца», а не размышлений.

Что же касается утверждения, что форма определяется содержанием, то, во-первых, это не совсем так. В том смысле, что есть и обратное влияние. Если ребенок приучается с детства к правилам поведения, соблюдает определенный ритуал, то это, конечно, подействует и на его образ мыслей, на его «духовное содержание», если можно так выразиться. Во-вторых, Конфуций говорит не о неопределенной связи формы и содержания, а о конкретном эффекте: негативные оттенки характера раньше или позже каким-то образом проявятся во внешности человека.

Ред.: Не вижу ничего подобного в текстах Конфуция. По-моему, это Вы сами придумываете на ходу.

В.П.: Я хочу заметить, что обсуждаемый образ из 3:8 является как бы формулой. Подставляя в обычную формулу различные численные значения, вы получаете различные соотношения. Так и здесь, вы можете подставлять различные интерпретации, говорить, например, о государственной деятельности. Кстати говоря, в 5:9 есть помимо «гнилого дерева» и вторая часть, в которой Конфуций отмечает, что сначала он слушал речи людей и верил им, а теперь слушает речи, но присматривается к их поступкам. То есть все-таки мудрость отличают глазами.

Ред.: Можно, конечно, за уши вытягивать аллегорию на государственный уровень, но боюсь, что и без Конфуция всем достаточно хорошо понятно, что означает, что «система прогнила» и что «гнилое дерево не годится для

резьбы». Всегда найдутся желающие указать на это. А иногда от них просто нет отбоя. В результате гниль цветет и пахнет, но «порядка нет как нет». И ни о какой «оперативной памяти» и тем более свободе у Конфуция нет и речи.

В.П.: Свобода — это и есть возможность (включающая в себя и умение) следовать велениям сердца.

Ред.: Свобода — это возможность?

В. П.: Иногда мы это имеем в виду, когда произносим это слово. Но вообще-то, свобода — это состояние души. Ощущение. Для того, чтобы ощутить это состояние, необходимо, наверное, «наличие возможности», или «отсутствие необходимости», или что-то в этом роде, но основное, на что указывает Конфуций, — что свобода есть дух.

Ред.: «Водяной дух»? Или дух «великого ада черной веревки с 16 малыми адскими отделениями»? Или дух «земли и неба»?

В. П.: Понятие духа не является языческим, хотя в сказках, мифах и легендах духов более чем достаточно, но в сказках встречаются и библейские персонажи. Дух — понятие вполне христианское и совсем не мистическое. Это — определенное состояние человеческого сознания, состояние его психики, его нервной системы, его организма и одновременно совокупность обстоятельств, внешних сил, приводящих к такому состоянию. В Библии перечисляются разные духи и указывается на то, что их большое количество. При этом «вызывать духов» и «управлять ими» позволено только Богу. Может, наверное, это делать и человек. Но, по-видимому, религия не поощряет, если, скажем, кто-то умело вызывает демонов «гнилой системы» или духа «гнилого дерева».

Ред.: Например, если я упомянул «гнилую систему», то меня сочтут «обаятелем,зывающим духов». Могут побить камнями, а то и вообще «не оставить в живых».

В. П.: Не думаю, что вам это грозит. Вы ведь не собираетесь пить теплую кровь! Я думаю, что ветхозаветные законы (Втор.18:11) в отношении «обаятелей,зывающих духов, волшебников и вопрошающих мертвых» столь радикальны из-за увеличившегося в те времена увлечения «патологическими учениями».

Ред.: Это грозит тем, кто вызвал дух свободы? Или бунтарский? И с ними следует поступить, как поступили с теми, кто разбудил Герцена?

В. П.: «Революционный дух», «бунтарский дух», «дух свободы» — это все духи, однако я не думаю, что возможно слишком уж конкретизировать их свойства. И вряд ли можно указывать на конкретных персон. В России (впрочем, и не только в России) не принято указывать на кого-либо пальцем. Детей от этого отучают. Говорят, что на кончике пальца всегда находится черт.

Ред.: И как же тогда определить «обаятеля»? Кого будем «забрасывать камнями»?

В. П.: У Конфуция нет столь жесткого отношения к «обаятелям», но он говорит, что следует отдавать должное духам.

Ред.: В частности, приносить им жертвы?

В.П.: Конечно. К примеру, если вы приносите жертву духу спортивных состязаний, то это заключается в том, что вы тратите время на подготовку к ним, вы отвлекаетесь от других дел, расходуете средства на подготовку инвентаря и т.п. Если хотите разбогатеть, то должны быть готовы либо больше работать или пожертвовать какими-то моральными принципами — смотря по тому, какому именно духу вы хотите принести жертву.

Ред.: Очень аллегорично! И какую же жертву я должен принести, например, духу под названием «свобода».

В.П.: Здесь-то как раз меньше всего проблем. Здесь-то как раз у человека и меньше всего недопонимания.

Ред.: Да уж, жертвы приносят регулярно. Но как-то не в коня корм.

И вот вам еще один пример к предыдущему.

Мы всегда с восторгом повторяли слово «свобода», и когда доходит до действительности, то получается полное третирование свободы.

И.П. Павлов. О русском уме

В.П.: Здесь, конечно, недоразумение. Умный человек должен, отдавая должное духам, держаться от них в отдалении, в соответствии с правилом Конфуция 6:20.

Ред.: А Павлов не был умным человеком?

В.П.: Был, наверное. Но он был «захвачен духами». Вся его статья «Об уме вообще, о русском уме в частности» слишком политизирована. Думаю, что она была написана в возбужденном состоянии. Этого следует стараться избегать, если человек хочет проанализировать ситуацию.

Ред.: Итак, Вы считаете, что к духу нельзя приближаться, его нельзя вызывать, на него (или его «носителя») нельзя указывать пальцем. Чего еще нельзя?

В.П.: Духов нельзя «измерять» и «сравнивать». Невозможно сказать, например, что этот герой «более мужественен», чем другой. Или этот писатель более гуманист, чем другой.

Нельзя говорить, что этот художник более «гениален», чем другой. Это подчеркивает Конфуций и в своем отрывке про стрелу и мишень.

Ред.: Что же, нельзя теперь говорить о «выдающихся мастерах», сказать, что такой-то — «заурядный поэт», назвать музыку такого-то «слишком простой» и так далее?

В.П.: Здесь мы говорим уже о другом — о мастерстве. Если мастерство велико, то, как правило, появляется и дух — гений. Но одного гения с другим сравнивать нельзя. Человек должен стремиться к мастерству, а уж посетит ли его гений — не следует беспокоиться. Если есть скворечник, то, как правило, будут в нем и птицы.

Ред.: Итак, возвращаясь к свободе, — следует держаться от нее подальше! Приятно это слышать от Вас. Вполне соответствует духу и названию нашего альманаха.

В.П.: Вы могли это слышать не только от меня. Это известный феномен.

*Alle Freiheitsapostel, sie waren mir immer zuwider;
Willk̄r suchte doch nur jeder am Ende für sich.
Willst du viele befrein, so wag es, vielen zu dienen.
Wie gefährlich das sei, willst du es wissen? Versuch's!*

Goethe. Epigramme Venedig. 1790

Ред.: Примерно то же самое, что пишет и Павлов. Оба они консерваторы. В этой эпиграмме речь идет, насколько я понимаю, о либералах, которые противны автору, о человеческой природе и ее противоречивости. Разумеется, либералы, как и всякие демагоги, вызывают не только у Гете отрицательные эмоции. А какие еще чувства они должны вызывать? Все тот же лидер на броневике, который хочет «viele befrein», все тот же «человек с ружьем», простенький такой, защищающий свободу. Все те же символы, лозунги в большом количестве, переходящие в некоторое другое качество, являющее свою противоположность на деле. Все это вызывает отторжение, но при чем тут философия? Или Вы говорите об эффекте перехода от желаемого к противоположному? Я не совсем понимаю, что Вы пытаетесь мне объяснить. Человеческая глупость необъятный предмет, и вряд у нас хватит ума с ним разобраться. Но при чем тут философские проблемы? Свобода воли? Эта тема как омут — мы из нее уже не выберемся.

В.П.: Я тоже не совсем понимаю. Я не предлагал Вам решать философские проблемы. По-моему, мы говорим немного о разных вещах. Желание держаться подальше от духов — естественное, но выражается по-разному. Например, в молитве:

*Господи и Владыко живота моего,
Дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми.
Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми,
рабу Твоему.
Ей, Господи, Царю!
Даруй ми зрести моя прегрешения,
И не осуждати брата моего
Яко благословен еси во веки веков.
Аминь.*

Молитва Ефрема Сирина

Ред.: То есть Вы хотите сказать, что «нищие духом» — это те, кто избавлен от духов «праздности, уныния, любоначалия, и празднословия»?

В.П.: Да, наверное, так.

Ред.: Но тогда, следуя логике, чтобы войти в «царствие Божие» Вам надо избавиться и от духа «целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви»! В правиле ведь не сказано, каких именно духов должно быть мало.

В.П.: Мне кажется, что Вы лукавствуете. Те, кто обращается к Богу в мо-

литве, понимают ответ.

Ред.: Призову на помошь духа «смирения и любви» и пропущу Ваше обвинение. Разумеется, человек в молитвенном состоянии не должен заниматься грамматическим или смысловым разбором предложений. Однако сама формула разве не должна быть точна?

В.П.: Она и является таковой.

Ред.: Если мы каждый раз будем в нее вкладывать «хороший» смысл, то она и станет «хорошой». На этом пути мы много формул сможем получать. Я уже не говорю о том, что не вполне понимаю, что означают перечисленные слова. «Празднословием», по-моему, мы и занимаемся вместе с Конфуцием. Если, конечно, считать, что следует отдавать должное духам, то вроде бы и ничего. Удобная формула. Но и по отношению к «любоначалию» она годится. Например, солдат, который хочет стать генералом, лишь отдает должное духу «любоначалия».

В.П.: Про эти слова много сказано.

Не даждь духа, который, вселившись в Ангела светоносного, омрачил его и низринул навсегда с неба, — который, возобладав прародителями нашими, изгнал их невозвратно из рая, того духа, коим ослепленный Фараон спрашивал: кто есть Бог, его же послушаю гласа? (Исх. 5:2), коим прельщенные, Дафан и Авирон сошли за свое возмущение против Моисея во ад живы, того духа, который заставлял еретиков идти против власти Церкви, возмутителей и крамольников — терзать недра своего отечества, буйных писателей — сеять плевелы и порчу нравов в целых поколениях, того духа, который, несмотря на чудовищную величину свою, может вселяться в самого малого человека, и в кого ни вселится, делает его недовольным ничем, тем паче своим состоянием.

Архиепископ Иннокентий. «Молитва святого Ефрема Сирин»

Ред.: Ужас! Спаси и сохрани от порчи нравов в целых поколениях!

В.П.: Вы зря иронизируете. Комментарий архиепископа Иннокентия объясняет и последнее предложение эпиграфа. Это ведь социальное явление, феномен. И явление непростое.

*Старый год уходит. Рвется сгнивший полог.
И готова рухнуть ветхая стена.
Как кошмар больного, сон был страшно долог,
Но разбиты чары векового сна.
Старый год уходит. Еле брезжит новый,
Впереди — быть может, долгий, тяжкий бой.
Но сомкнувшись дружно, мы к борьбе готовы
И победы знамя видим перед собой.
Новому — дорогу! Зазвените струны!
Мертвому нет места в пиршестве живых!*

*Наши силы грозны, наши души юны...
Громче смелый оклик добрых часовых!
Прочь, дитя неволи — жалкое бессилье,
Жизнь зовет на площадь, на борьбу зовет,
Зазвените струны, развернитесь крылья,
Рассступитесь шире — новое идет!*

Л.М. Василевский. 1905

Ред.: Ужас! Спаси и сохрани! Что же про «нищих духом»? Или Вы опять про «хорошее толкование»?

В.П.: Конечно. Есть канонические книги, а есть толкования. Есть молитва «Отче наш», в которой мы не можем изменить ни слова, и есть молитвы, которые написаны людьми святыми или просто уважаемыми и которые мы можем принимать со своим пониманием и даже изменением. Хотя и к этому следует относиться очень осторожно, чтобы не внести свое, наивно упрощенное понимание.

Я попробую объяснить Вам свое понимание на следующем примере. Представьте себе группу детей (например, группу детского сада), которые спокойно играют в куклы, машинки или разговаривают на прогулке. У вас ведь и не появится мысли о «праздности» этих детей и не появится потребность в «точном толковании» или в «формулах». Вы обратите внимание на это только когда заметите, что дети начали ссориться, или какой-то ребенок вдруг станет «унылым» или раздражительным. Первое, что придет вам в голову — проверить, не заболел ли он. Я хочу сказать, что в нормальном, здоровом состоянии в человеке уже присутствует этот дух «целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви».

Ред.: Зачем же его «просить у Бога»?

В.П.: Но Вы же говорите другому человеку: «Дай тебе Бог здоровья!» Это и есть некоторая формула речи. Вы на самом деле желаете ему избавиться от недугов. Когда это произойдет, то остаток, то есть то, что останется, — это и есть здоровье. Здесь же речь идет о душевном здоровье. Мне кажется очень красивым и точным стихотворение Пушкина, посвященное этой молитве.

*Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольных бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,*

*И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце ожivi.*

А.С. Пушкин

Ред.: Красивая философия. Консервативная! Пожалуй, кое-что Вы мне объяснили. Осталось признать, что лучше держаться подальше от духа «свободы», который, если я правильно понял Гете, Павлова и Вас, находится в одном ряду с духами любоначалия, уныния и празднословия. Особенно он похож на последнего. Непонятно, правда, как быть со «свободным футболистом», ну да ладно, пожертвуем им.

В.П.: Нет, я не так все это себе представляю. Свобода – наше внутреннее, естественное состояние, признак здоровья, если угодно. Дух, данный от Бога, но который нельзя превращать в страсть. Так, например, и с духом любви, который можно «оживить», но нельзя «прелюбодействовать», превращая любовь в страсть. Так же и со здоровьем. Нельзя превращать заботу о своем здоровье в цель жизни, в страсть. Конфуций так и говорит: «не переходя должной меры». Впрочем, слова, которые мы используем в этих случаях, имеют слишком много оттенков, значений, от возвышенных до самых обычных, бытовых. Поэтому формулировать какие-либо рациональные правила, то есть правила, которые были бы совершенно отчетливы и пригодны во всех случаях употребления соответствующего слова, наверное, невозможно. Кроме того, здесь действительно много таинственного. Чтобы это стало понятнее, я расскажу такую историю.

Некоторое время я жил на окраине небольшого городка на севере, у полярного круга. Окна моей квартиры выходили на полузаросшее озеро. Осенью каждое утро из окна я наблюдал, как утки ныряли в камышах. На рассвете озеро бывало подернуто тонким слоем льда, и оставалась лишь одна большая полынь, в которой плавали утки. Некоторые из них поднимались в воздух, делали один два круга и вновь возвращались к своим привычным занятиям. И вот в одно утро, которое, казалось, ничем не отличалось от предыдущих, сначала одна, затем другая, третья утка захлопали крыльями по воде, оторвались и сделали пару кругов. Из камышей появились другие и присоединились к ним. Затем еще и еще. Несколько уток появились с берега и потянулись за ними. Вся стая поднялась высоко, вытянулась клином и через полминуты исчезла далеко в небе. На следующее утро на озере был уже твердый лед, покрытый толстым слоем пушистого снега.

Вот и скажите мне, была ли у этих уток свобода воли? С «утиной» точки зрения, свободными считали себя несколько других уток – кого-то приучили дети в городском парке, другие считали себя слишком гордыми и не хотели присоединяться «к толпе», третьи просто слишком отяжелели. Так ведь и людям кажется, что они добиваются свободы, но на самом деле лишаются чего-то более важного.

Ред.: Хорошо, оставим уткам – утиное, а таинственное – Богу и закончим на этой трогательной истории о свободных утках.

THE SAYINGS OF C O N F U C I U S

Translated by Leonard A. Lyall

Изречения К О Н Ф У Ц И Я учеников его и других лиц

перевел П.С. Попов

В О О К I X

1. The Master seldom spake of gain, or love, or the Bidding.

Конфуций редко говорил о выгодах, судьбе и человеколюбии.

2. A man of the village of Tahsiang said, The great Confucius, with his vast learning, has made no name in anything.

When the Master heard this, he said to his disciples, What shall I take up? Shall I take up driving, or shall I take up shooting? I shall take up driving.

Человек из деревни Дасян сказал: Как велик Конфуций! Обладая обширною ученостью, он однако ни чем не составил себе имени. Услыхав об этом, Конфуций, обратясь к своим ученикам, сказал: Чем бы мне заняться: стрельбой или кучерством?

3. The Master said, A linen cap is good form; now silk is worn. It is cheap, so I follow the many. To bow below is good form; now it is done above. This is arrogance, so, breaking with the many, I still bow below.

Конфуций сказал: Церемонии требуют пеньковой шапки; но так как в настоящее время шелк сходнее, то я последую общему примеру. Кланяться внизу (перед залою) — этого требуют церемонии; но ныне кланяются наверху — это дерзко, и потому, хотя это будет вопреки всем, я буду кланяться внизу.

4. From four things the Master was quite free: byends and “must” and “shall” and “I”.

Философ был свободен от следующих четырех предметов: предвзятого взгляда, уверенности, упрямства и эгоизма.

5. When he was afraid in K'uang, the Master said, Since the death of King Wen, is not the seat of culture here? If Heaven had meant to destroy our culture, a later mortal would have had no part in it. Until Heaven condemns our culture, what can the men of K'uang do to me ?

Конфуций, угрожаемый жителями местечка Куан, сказал (ученикам): со смертью Вэньвана разве просвещение не находится здесь (во мне)? Если бы небо хотело погубить это просвещение, то я не имел бы участия в нем. Следовательно, оно не хочет погубить его; в таком случае, что же могут сделать мне Куанцы?

6. A high minister said to Tzukung, The Master must be a holy man, he can do so many things ! Tzukung said, Heaven has, indeed, given him so much that he is almost holy, and he can do many things, too.

When the Master heard this, he said, Does the minister know me ? Because I was poor when young, I can do many paltry things. But does doing many things make a gentleman? No, not doing many does.

Lao said, The Master would say, As I had no post I learned the crafts.

Один президент палаты чинов спросил у Цзыгуна: ведь философ мудрец? Как много у него талантов. Цзыгун сказал: Верно, небо щедро одарило его, приблизив его к святыни, и еще даровало ему много талантов. Конфуций, услышав об этом, сказал: президент палаты чинов знает ли меня? В молодости я находился в низком положении и потому знал много вульгарных (низких) профессий. Благородному мужу много ли нужно знать? Немного. Лао сказал: Конфуций говорил о себе: меня не испытывали (для государственной деятельности), потому я занимался свободными художествами.

7. The Master said, Have I in truth wisdom? I have no wisdom. But when a common fellow emptily asks me anything, I tap it on this side and that, and sift it to the bottom.

Конфуций сказал: Есть ли у меня знание? Нет, я не имею его. Но, если простой человек спрашивает меня о чем-нибудь, то, как бы ни был пуст вопрос, я беру его с двух противоположных сторон и объясняю ему во всей его полноте.

8. The Master said, The phoenix comes not, the River gives forth no sign: all is over with me !

Конфуций сказал: Феникс не появляется и река не посыпает карты.

Конец мне!

9. When the Master saw folk clad in mourning, or in cap and gown, or a blind man, he always rose — even for the young, — or, if he was passing them, he quickened his step.

Конфуций при виде одетого в траурное или парадное платье, а также слепого, если сидел, непременно поднимался, а когда проходил мимо них, то проходил быстро.

10. Yen Yüan heaved a sigh, and said, As I look up it grows higher, deeper as I dig ! I catch sight of it ahead, and on a sudden it is behind me! The Master leads men on, deftly bit by bit. He widens me with culture, he binds me with courtesy. If I wished to stop I could not until my strength were spent. What seems the mark stands near; but though I long to reach it, I find no way.

Яньюань с глубоким вздохом сказал: Чем более взираешь на него (учение Конфуция), тем оно кажется еще выше; чем более стараешься проникнуть в него, тем оно становится еще непроницаемее; смотришь — оно впереди, то вдруг позади (неуловимо). Но Философ человек систематичный (порядка); он умеет завлечь человека, обогащает меня всевозможными познаниями и сдерживает меня правилами церемоний. Хотел оставить (учение Конфуция) и не мог; и, когда истощил все свои способности, оно как будто бы стояло (предо мною), выдаваясь; хотя бы я хотел последовать за ним (овладеть), но у меня нет для этого средства (пути).

11. When the Master was very ill, Tzulu made the disciples act as ministers.

During a better spell the Master said, Yu has long been feigning. This show of ministers, when I have no ministers, whom will it take in? Will Heaven be taken in? And is it not better to die in the arms of my twothree boys than to die in the arms of ministers? And, if I miss a big burial, shall I die by the roadside?

Конфуций тяжело заболел; тогда Цзылу прислал к нему своего ученика, чтобы он состоял при нем в качестве домашнего чиновника (на что имели право высшие чины, удалившиеся со службы). Но Конфуцию стало лучше, и он сказал: Цзылу, давно уже твое поведение фальшиво. Не имея права на чиновника и имея такового, кого я обману? Разве небо? Кроме того, не лучше ли мне умереть на руках моих учеников (детей), чем на руках чиновников. Вдобавок, допустим, что я не удостоюсь пышных похорон, но не бросят же меня на дороге, когда я умру.

12. Tzukung said, If I had here a fair piece of jade, should I hide it away

in a case, or seek a good price and sell it? Sell it, sell it! said the Master. I tarry for my price.

Цзыгун сказал: Есть вот тут прекрасная яшма, — спрятать ли нам ее в ящик, или же постараться продать ее за хорошую цену? Продать, продать, сказал Конфуций, я ожидаю покупателя.

13. The Master wished to dwell among the nine tribes. One said, They are low; how could ye? The Master said, Wherever a gentleman lives, will there be anything low?

Конфуций хотел удалиться к восточным варварам. На это кто-то заметил: Ведь они грубы. Как же можно? Конфуций отвечал: Там, где живет благородный муж, нет места грубости (потому что он сам вносит просвещение и преобразует нравы там, где поселяется).

14. The Master said, After I came back from Wei to Lu the music was set straight and each song found its place.

Конфуций сказал: После моего возвращения из Вэй музыка исправилась и Оды и Восхваления (из Шицзина) получили должное место.

15. The Master said, To serve dukes and ministers abroad and father and brothers at home; in matters of mourning not to dare to be slack; and to be no thrall to wine: to which of these have I won?

Конфуций сказал: Во внешней жизни служить князьям и вельможам, во внутренней — отцу и братьям, не сметь не усердствовать в делах похоронных и не пьянеть от вина, — что есть во мне из всего этого?

16. As he stood by a stream, the Master said, Hasting away like this, day and night, without stop!

Конфуций, находясь на реке, сказал: Все проходящее подобно этому течению, не останавливающему ни днем, ни ночью.

17. The Master said, I have seen no one that loves mind as he loves looks.

Конфуций сказал: Я не видел, чтобы люди любили добро так же, как красоту.

18. The Master said, In making a mound, if I stop when one more basket would finish it, I stop. When flattering ground, if, after overturning one basket, I go on, I go ahead.

Конфуций сказал: Например, я делаю горку и для окончания ее не достает одной плетушки земли, — останавливаюсь, — эта остановка моя; возьмем опять для примера уравнивание земли; хотя бы вывалена была одна плетушка и я продвинулся в работе на эту плетушку — ведь это я сам продвинулся.

19. The Master said, Never listless when spoken to, such was Hui.

Конфуций сказал: Всегда внимательный к тому, что я говорил — это был Яньиу.

20. Speaking of Yen Yüan, the Master said, The pity of it! I saw him go on, but I never saw him stop!

Конфуций сказал о Яньиу: Жаль мне его. Я видел егодвигающимся вперед, но не видел, чтобы он останавливался.

21. The Master said, Some sprouts do not blossom, some blossoms bear no fruit!

Конфуций сказал: Бывают колосья (всходы), которые не цветут, а бывают и такие, которые цветут, но не наливаются.

22. The Master said, Awe is due to youth. May not tomorrow be bright as today? To men of forty or fifty, who are still unknown, no awe is due.

Конфуций сказал: На молодежь следует смотреть с уважением. Почем знать, что будущее поколение не будет равняться с настоящим. Но тот, кто в 40 – 50 лет не приобрел известности, уже не заслуживает уважения.

23. The Master said, Who would not give ear to a downright word? But to mend is better. Who would not be pleased by a guiding word? But to think it out is better. With such as are pleased but do not think out, or who listen but do not mend, I can do nothing.

Конфуций сказал: Можно ли не следовать резонным советам? Но (в этом случае) важно исправление. Можно ли не быть довольным ласковыми внушениями? Но важно, чтобы они понимались. Но если человек доволен внушениями, но не вникает в смысл их, принимает советы, но не исправляется, с таким я не могу ничего поделать.

24. The Master said, Put faithfulness and truth first; have no friends unlike thyself; be not ashamed to mend thy faults.

Конфуций сказал: Почтай за главное преданность и искренность, не дружись с неподобными себе; ошибся — не бойся исправиться.

25. The Master said, Three armies may be robbed of their leader, no wretch can be robbed of his will.

Конфуций сказал: У многочисленной армии можно отнять главнокомандующего, а у обыкновенного человека нельзя отнять его воли.

26. The Master said, Yu {Tzulu} is the man to stand, clad in a wornout quilted gown, unashamed, amid robes of fox and badger!

Without hatred or greed,

What but good does he do?

But when Tzulu was everlastingly humming these words, the Master said, This is the way towards it, but how much short of goodness itself!

Конфуций сказал: Одетый в старый посконный кафтан и не стыдящийся стоять с одетым в лисью или енотовую шубу — это Ю (Цзылу). (В Шицзине сказано) тот, кто независтлив, неалчен, к чему ему делать зло? Цзылу всю жизнь повторял этот стих. Конфуций сказал ему: Это правило (т.е. отсутствие зависти и алчности) недостаточно для достижения добра.

27. The Master said, Erst the cold days show how fir and cypress are last to fade.

28. The Master said, Wisdom has no doubts; love does not fret; the bold have no fears.

Конфуций сказал: Умный не заблуждается, гуманист не печалится и мужественный не боится.

29. The Master said, With some we can learn together, but we cannot go their way; we can go the same way with others, though our standpoint is not the same; and with some, though our standpoint is the same our weights and scales are not.

Конфуций сказал: Только с наступлением холодного времени года мы узнаем, что сосна и кипарис опадают последними.

Конфуций сказал: Человек, с которым можно вместе учиться, еще не есть человек, с которым можно вместе идти по пути (добродетели); человек, с которым можно идти вместе по пути добродетели, еще не есть человек, с которым можно утвердиться в добродетели; человек, с которым можно утвердиться в добродетели, еще не есть человек, с которым можно взвешивать должное (т.е. принимать решение, сообразное с об-

стоятельствами и требованиями времени в чрезвычайных, исключительных случаях, во время смут и переворотов, когда только выдающиеся таланты в состоянии принять правильное решение).

30.

The blossoms of the plum tree
Are dancing in play;
My thoughts are with thee,
In thy home far away.

The Master said, Her thoughts were not with him, or how could he be far away?

Колышатся и перевертываются цветы груши. Разве я не думаю о тебе; (думаю) да дом далеко. Конфуций сказал: Не думаешь, а то что за даль!

BOOK X

1. Among his own country folk Confucius wore a homely look, like one that has no word to say. In the ancestral temple and at court his speech was full, but cautious.

Конфуций в своей родной деревне имел простодушный вид, как будто бы не мог сказать слова. А в храме предков и при дворе он говорил обстоятельно, но только с осторожностью.

2. At court he talked frankly to men of low rank, winningly to men of high rank. When the king was there, he looked intent and solemn.

В ожидании аудиенции в разговоре с низшими вельможами он был тверд и прям, а в разговоре с высшими был любезен. В присутствии Государя он выступал с благоговением, но с должным достоинством.

3. When the king bade him receive guests, his face seemed to change and his legs to bend. He bowed left and right to those beside him, straightened his robes in front and behind, and swept forward, with arms spread like wings. When the guest had left, he brought back word, saying, The guest is no longer looking.

Когда Государь подзывал его и приказывал принять иностранных

посланников, то он менялся в лице и ноги у него дрожали (подкашивались). Когда он делал приветствие руками направо и налево вместе стоящим сослуживцам, то его платье спереди и сзади сидело гладко, когда спешил вперед (в царские покой), словно птица с растопыренными крыльями. Когда гости удалялись, то он непременно докладывал государю, говоря: гости не оглядываются.

4. As he went in at the palace gate he stooped, as though it were too low for him. He did not stand in the middle of the gate, or step on the threshold.

When he passed the throne, his face seemed to change and his legs to bend: he spake with bated breath. As he went up the hall to audience, he lifted his robes, bowed his back, and masked his breathing till it seemed to stop. As he came down, he relaxed his face below the first step and looked pleased. From the foot of the steps he swept forward with arms spread like wings; and when he was back in his seat, he looked intent as before.

В ворота княжеского дворца он входил наклонившись, как бы не помещаясь в них (это в знак глубокого уважения). Посередине ворот он не останавливался и, проходя, не ступал на порог. Проходя мимо престола, он менялся в лице, ноги его подгибались, и он говорил как будто бы у него недоставало духу. (*А у нас, при прохождении союзных войск через дворец, иностранные посланники без всякого трепета взбирались на боддоханский трон и разваливались на нем. Бедный Конфуций, как, должно быть, возмущалась бы твоя душа при таком неслыханном нарушении церемоний!*) Подобрав подол платья, он вступал в залу, согнувшись и затаив дыхание, как будто не дышал. По выходе, когда спускался на одну ступеньку, лицо его распускалось и делалось спокойным (веселым). Спустившись с крыльца, он быстро бежал, растопырив руки, и благовейно возвращался на свое место.

5. When he carried the sceptre, his back bent, as under too heavy a burden; he lifted it no higher than in bowing and no lower than in making a gift. His face changed, as it will with fear, and he dragged his feet, as though they were fettered.

When he offered his present his manner was formal; but at the private audience he was cheerful.

Держал властный значок (своего князя), согнувшись, как бы подавленный его тяжестью (как бы не в силах был удержать его), подняв его вверх не выше рук, сложенных для приветствия, и не опуская ниже рук, протянутых для отдавания чего-либо (т.е. руки его были на уровне сердца). Лицо его менялось и как бы трепетало, он двигался мелкими шагами, на пятках, не поднимая ног. При представлении подарков выражение лица его было спокойное. При частных визитах он имел веселый вид.

6. The gentleman was never decked in violet or mauve; even at home he would not wear red or purple. In hot weather he wore an unlined linen gown, but always over other clothes. With lambskin he wore black, with fawn, white, and with foxskin, yellow.

At home he wore a long fur gown, with the right sleeve short. His night-gown was always half as long again as his body. In the house he wore thick fur, of fox or badger. When he was not in mourning there was nothing missing from his girdle. Except for sacrificial dress, he was sparing of stuff. He did not wear lamb's fur, or a black cap, on a mourning visit. At the new moon he always put on court dress and went to court.

Конфуций не оторачивал своего воротника темнокрасной или коричневой материи. Не употреблял на домашнее платье материи красного или фиолетового цветов (как цветов промежуточных, более идущих женскому полу). В летние жары у него был однорядный халат из тонкого или грубого травяного полотна, который, при выходе из дома, он непременно накидывал поверх исподнего платья (чтобы не просвечивало тело). Поверх нагольной шубы из черного барашка он надевал черную однорядку, поверх пыжиковой — белую, а поверх лисьей — желтую.

Меховой халат длинный (для теплоты) с коротким правым рукавом (для удобства в работе). Во время поста он непременно имел спальное платье длиною в полтора роста (для прикрытия ног). В домашней жизни он употреблял пушистые лисьи и енотовые меха. По окончании траура он носил всевозможные привески.

Если это было не парадное платье (для представления ко двору и жертвоприношений, которое делалось из прямых полотниц с сборками вокруг поясницы — юпка), то оно непременно скшивалось сверху. Барашковая шуба и черная шапка не употреблялись при визитах с выражением соболезнования. Первого числа каждого месяца он непременно одевался в парадное платье и являлся ко двору.

7. On his days of abstinence he always wore linen clothes of a pale colour; and he changed his food and moved from his wonted seat.

Во время поста (после омовения) непременно надевал чистое полотняное платье; непременно менял пищу и платье (т.е. не ел скромного, пряностей и не пил водки, до которой он был большой охотник) и в комнате непременно менял место сидения.

8. He did not dislike wellcleaned rice or hash chopped small. He did not eat sour or mouldy rice, bad fish, or tainted flesh. He did not eat anything that had a bad colour or that smelt bad, or food that was badly cooked or

out of season. Food that was badly cut or served with the wrong sauce he did not eat. However much flesh there might be, it could not conquer his taste for rice. To wine alone he set no limit, but he did not drink enough to muddle him. He did not drink bought wine, or eat readydried market meat. He never went without ginger at a meal. He did not eat much.

After a sacrifice at the palace he did not keep the flesh overnight. He never kept sacrificial flesh more than three days. If it had been kept longer it was not eaten.

He did not talk at meals, nor speak when he was in bed. Even at a meal of coarse rice, or herb broth, or gourds, he made his offering with all reverence.

Не гнушался кашею из обрушенного риса и мясом, изрубленным на мелкие куски. Он не ел каши, испортившейся от жары или влажности, ни испортившейся рыбы и тухлого мяса; не ел также предметов с изменившимся цветом и запахом, не ел кушанья, приготовленного не в пору, а также всего не созревшего; порезанного неправильно (не квадратиками), или приготовленного с несоответствующим соусом не ел.

Мясо, хотя бы его было и много (подано), но он не допускал, чтобы оно получало перевес над растительною пищею (рисом); только в вине он не ограничивал себя, но не пил до помрачения.

Покупного вина и базарного мяса он не употреблял (опасаясь, что они нечисты или вредны для здоровья). Он никогда не обходился без имбиря (который, по мнению китайцев освежает ум и уничтожает зловоние). Ел немного. Участвуя в государственных (княжеских) жертвоприношениях, он не допускал, чтобы мясо оставалось более трех дней, в противном случае он его не ел. Во время еды не отвечал; во время спанья не разговаривал.

Хотя бы пища его состояла из кашицы или овощного супа, он непременно отделял из них в жертву (тому, кто первый начал приготовлять пищу) и непременно делал это с благоговением.

9. If his mat was not straight, he would not sit down.

На рогожку, постланную неровно, он не садился (потому что это могло нарушить душевное спокойствие).

10. When the villagers were drinking wine, as those that walked with a staff left, he left too. At the village exorcisms he put on court dress and stood on the east steps.

На деревенском пиру он не выходил (из-за стола, рогожки) ранее стариков. Когда жители его родной деревни прогоняли поветрие, то он

в парадном платье стоял на восточной стороне крыльца.

11. When sending a man with enquiries to another land, he bowed twice to him and saw him out.

When K'ang gave him some drugs, he bowed, accepted them, and said, I have never taken them; I dare not taste them.

Когда отправлял человека в другое владение наведаться о чьем-либо здоровье, то провожал его двукратным поклоном взад (в знак того, что он как бы лично представляется этому лицу и выражает ему свое уважение). Когда Канцзы (Лу'ский вельможа) послал Конфуцию лекарства, то он, приняв его с поклоном, сказал: не зная его (свойств) я не смею отведать его.

12. On coming back from court after his stables had been burnt, the Master said, Is anyone hurt? He did not ask about the horses.

Когда у него сгорела конюшня, то Конфуций, возвратившись из дворца, сказал: ранен ли кто-нибудь, а не осведомился о лошадях.

13. When the king sent him cooked meat, he put his mat straight, and tasted it first; when he sent him raw flesh, he had it cooked, and offered it to the spirits; when he sent him a live beast, he kept it alive.

When he ate in attendance of the king, the king made the offering, he tasted things first. When he was sick and the king came to see him, he lay with his head to the east, with his court dress over him and his girdle across it. When he was called by the king's bidding, he walked, without waiting for his carriage.

Когда владетельный князь жаловал его кушаньем, то он непременно, поправив рогожку, предварительно отведывал его. Если князь жаловал его сырым мясом, то он непременно варил его и делал предложение предкам; а если князь жаловал живую скотину, то он кормил ее. Когда он присутствовал при столе у государя, то государь приносил в жертву (изобретателю приготовления пищи), а он прежде него начинал есть. Во время болезни, когда государь навещал его, то он обращал голову на восток (как источнику света и жизни) и покрывался парадным платьем, разложив на нем пояс. В случае приказания государя явиться, он отправлялся пешком, не ожидая, пока для него запрягут телегу.

14. On going into the Great Temple he asked about everything.

Входя в храм предков, он спрашивал обо всем.

15. When a friend died, who had no home to go to, he said, It is for me to bury him.

When friends sent him anything, even a carriage and horses, he never bowed, unless the gift was sacrificial flesh.

Когда умирал друг, которого некому было похоронить, он говорил: я похороню его. За подарки друзей, хотя бы они состояли из телеги и лошади, но не из жертвенного мяса, он не кланялся.

16. He did not sleep like a corpse. At home he unbent.

Even if he knew him well, his face changed when he saw a mourner. Even when he was in undress, if he saw anyone in full dress, or a blind man, he looked grave.

To men in deep mourning and to the censusbearers he bowed over the crossbar. Before choice meats he rose with changed look. At sharp thunder, or a fierce wind, his look changed.

Спал он не наподобие трупа навзничь и в обыденной жизни не принимал на себя важного вида. Увидав одетого в траур, хотя бы короткого знакомого, он менялся в лице; увидав кого-либо в парадной шапке, или слепца, хотя бы часто встречался с ним, он непременно выказывал к ним вежливость. Когда, сидя в телеге, он встречал одетого в траур, то, опираясь на перекладину, наклонялся (в знак соболезнования); такую же вежливость он оказывал и лицам, несшим списки населения (из уважения к народу). При виде роскошного угощения, он непременно менялся в лице и вставал. Во время грозы и бури он непременно менялся в лице.

17. When mounting his carriage he stood straight and grasped the cord.

When he was in it, he did not look round, or speak fast, or point.

Поднявшись в телегу, он стоял в ней прямо, держась за веревку. Находясь в телеге, он не оглядывался назад, не говорил быстро и не указывал пальцем.

18. Seeing a man's face, she rose, flew round and settled. The Master said,

Hen pheasant on the ridge, it is the season, it is the season. Tzulu went towards her: she sniffed thrice and rose.

При (виде недоброго) выражения лица человека, (птицы) поднимаются и летают взад и вперед, а потом опять опускаются.

Сидящая на этом горном мосту фазаниха, сказал Конфуций, действительно знает свое время (т.е. когда нужно летать, она летает, когда нужно опуститься — опускается). В это время Цзылу находился поодали от Конфуция и они вместе направились к птице, как бы имея намерение поймать ее, но она, вскрикнув трижды, поднялась.

BOOK XI

1. The Master said, Savages! the men that first went into courtesy and music! Gentlemen! those that went into them later! My use is to follow the first lead in both.

Конфуций сказал: Хотя прежние люди в церемониях и музыке были дикарями, а последующие людьми образованными; но если бы дело коснулось употребления их, то я последовал бы за первыми.

2. The Master said, Not one of my followers in Ch'en or Ts'ai comes any more to my door! Yen Yüan, Min Tzuch'ien, Jan Poniu and Chungkung were men of noble life; Tsai Wo and Tzukung were the talkers; Jan Yu and Chilu were statesmen; Tzuyu and Tzuhsia, men of arts and learning.

Конфуций сказал: Все сопровождавшие меня в Чэнь и Цай не достигли моих ворот (т.е. их нет при нем). Между ними добродетелями отличались Яньюань, Миньцзыцянь, Жаньбоню и Чжунгун, красноречием — Цзайво, Цзыгун, в правительственныех делах — Жанью и Цзилу и ученостью Цзыю и Цзыся.

3. The Master said, I get no help from Hui {Yen Yüan}. No word I say but delights him!

Конфуций сказал: Уи (Яньюань) не помощник мне; во всех моих речах он находил удовольствие.

4. The Master said, How good a son is Min Tzuch'ien! No one finds fault with anything that his father, or his mother, or his brethren say of him.

Конфуций сказал: Почтителен Миньцзыцянь! Все посторонние люди не разнятся в своих отзывах о нем с отзывами его родителей и братьев.

5. Nan Jung would thrice repeat "The Sceptre White".
{*The verse runs —*

*A flaw can be ground
From a sceptre white;
A slip of the tongue
No man can right.}*

Confucius gave him his brothers daughter for wife.

Наньжун три раза в день повторял (стихотворение Шицзина) о бе-

лом скипетре (пятнышко на белом скипетре еще можно зашифровать, но ошибку в слове нельзя исправить); поэтому Конфуций выдал за него дочь своего старшего брата.

6. Chi K'ang asked which disciples loves learning. Confucius answered, There was Yen Hui {Yen Yu'an} loved learning. Alas! his mission was short, he died. Now there is no one.

Цзи Канцзы спросил у Конфуция: Кто (из учеников его) отличается любовью к учению? Он отвечал: был Яньиу, любил учиться. К несчастью он был недолговечен, умер, а теперь уже нет таких.

7. When Yen Yu'an died, Yen Lu {The father of Yen Yu'an} asked for the Master's carriage to furnish an outer coffin.

The Master said, Brains or no brains, each of us speaks of his son. When Li {The Master's son} died he had an inner but not an outer coffin: I would not go on foot to furnish an outer coffin. As I follow in the wake of the ministers I cannot go on foot.

Когда Яньюань умер, то Яньлу (отец его) просил у Конфуция телегу, чтобы на вырученную за нее сумму сделать саркофаг. Конфуций сказал: Каждый считает своего сына своим сыном (вне зависимости от того) способен ли он или нет. Когда Ли (сын) умер, то у него был гроб, но не было саркофага. Не пешком же мне ходить ради саркофага; так как я состою в списках вельмож, то не могу ходить пешком.

8. When Yen Yu'an died the Master said, Woe is me! Heaven has undone me! Heaven has undone me!

Когда Яньюань умер, то Конфуций сказал: Ax! небо погубило меня, небо погубило меня.

9. When Yen Yu'an died the Master gave way to grief.
His followers said, Sir, ye are giving way.
The Master said, Am I giving way? If I did not give way for this man, for whom should I give way to grief?

Когда Яньюань умер, то Конфуций горько плакал. Сопутствовавшие ему сказали: Философ, ты предаешься чрезмерной скорби. Он отвечал: Чрезмерной скорби? О ком же мне глубоко скорбить, как не об этом человеке.

10. When Yen Yu'an died the disciples wished to bury him in pomp.
The Master said, This must not be.
The disciples buried him in pomp.

The Master said, Hui treated me as his father. I have failed to treat him as a son. No, not I; but ye, my two-three boys.

Когда Яньцзы умер, то ученики хотели устроить ему богатые похороны. Конфуций сказал: нельзя. Но ученики (все-таки) пышно похоронили его. Уи смотрел на меня как на отца, но я не могу смотреть на него как на сына; не я, а вы, виноваты в этом (потому что устроили ему не соответствующие похороны и таким образом лишили его спокойствия в земле).

11. Chilu {*Tzulu*} asked what is due to the ghosts of the dead. The Master said, When we cannot do our duty to the living, how can we do it to the dead? He dared to ask about death. We know not life, said the Master, how can we know death?

Цзылу спросил о служении духам (умерших). Конфуций отвечал: мы не умеем служить людям, как же можем служить духам? Осмелиюсь спросить о смерти. Конфуций ответил: мы не знаем жизни, как же знать смерть?

12. Seeing the disciple Min standing at his side with winning looks, Tzulu with warlike front, Jan Yu and Tzukung frank and free, the Master's heart was glad.

A man like Yu {*Tzulu*}, he said, dies before his day. {*This prophecy came true. Tzulu and Tzukao were officers of Wei when troubles arose. Tzulu hastened to the help of his master. He met Tzukao withdrawing from the danger, and was advised to do the same. But Tzulu would not desert the man whose pay he drew. He plunged into the fight and was killed.*}

Миньцзы, когда стоял подле Конфуция имел скромный вид, Цзылу — воинственный, Жанью и Цзыгун имели вид прямиков. Философ был доволен. Что касается Ю (Цзылу), то он не умрет естественною смертью. (Впоследствии он был убит во время мятежа в Вэй.)

13. The men of Lu were building the Long Treasury. Min Tzuch'ien said, Would not the old one do? Why must it be rebuilt? The Master said, That man does not talk, but when he speaks he hits the mark.

Лу'цы хотели перестроить длинную кладовую. Миньцзыцзянь сказал: оставить бы по-старому. Как вы думаете? Зачем перестраивать? (Утруждать народ и тратить казну). Конфуций сказал: Этот человек (Миньцзыцзянь) не говорит попусту, но если скажет что-нибудь, так непременно попадет в самую точку (скажет дело).

14. The Master said, What has the lute of Yu {*Tzulu*} to do, twanging at my door?

But when the disciples looked down on Tzulu, the Master said, Yu has come up into hall, but he has not yet entered the inner rooms.

Конфуций сказал: Ю (Цзылу) не в моей школе научился игре на гуслях. Ученики Конфуция не уважали Цзылу. Философ сказал: Ю вошел в зал, но не вступил во внутренние покой (т.е. не постиг всей сути мудрости).

15. Tzukung asked, Which is the better, Shih {*The disciple Tzuchang*} or Shang {*The disciple Tzuhsia*} The Master said, Shih goes too far, Shang not far enough. Then is Shih the better? said, Tzukung. Too far, said the Master, is no nearer than not far enough.

Цзыгун спросил: Кто достойнее — Ши (Цзычжан) или Шан? Конфуций ответил: Ши переходит (за середину), а Шан не доходит до нее. В таком случае, продолжал Цзыгун, Ши лучше Шана. Конфуций сказал: Переходить (должную границу) — то же, что не доходить до нее.

16. The Chi was richer than Duke of Chou; yet Ch'iu {*The disciple Jan Yu*} became his taxgatherer and made him still richer.

He is no disciple of mine, said the Master. My little children, ye may beat your drums and make war on him.

Фамилия Цзи богаче Чжоугуна; и это Цю (т.е. Жанью), который собирал для нее доходы (разумеется с народа) и увеличивал ее богатства. Он не мой ученик, сказал Конфуций, детки, бейте в барабаны (т.е. тревогу) и нападайте на него, он заслуживает этого.

17. Ch'ai is simple, Shen is dull, Shih is smooth, Yu {*The disciple Tzulu*} is coarse.

Чай — он глуп, Шэнь — туп, Ши — лицемер, а Ю — неотесанный.

18. The Master said, Hui {*The disciple Yen Yüan*} is almost faultless, and he is often empty. Tz'u {*The disciple Tzukung*} will not bow to the Bid-ding, and he heaps up riches; but his views are often sound.

Конфуций сказал: Уи (Яньюань) почти близок к пути (истине) и (по своему бескорыстии) часто терпит нужду (т.е. мирится с бедностью). Цы (Цзыгун) не мирится с судьбою, приумножает свое имущество и расчеты его часто бывают верны.

19. Tzuchang asked, What is the way of a good man?

The Master said, He does not tread the beaten track; and yet he does not enter the inner rooms.

Цзычжан спросил о характеристике доброго человека. Конфуций отвечал: Он не идет по стопам (древних мудрецов) и потому не войдет в храмину (мудрости).

20. The Master said, Commend a man for plain speaking: he may prove a gentleman, or else but seeming honest.

Конфуций сказал: Признавать ли за благородного человека или же за притворщика того, чьи рассуждения вполне искренни?

21. Tzulu said, Shall I do all I am taught? The Master said, Whilst thy father and elder brothers live, how canst thou do all thou art taught?

Yan Yu asked, Shall I do all I am taught?

The Master said, Do all I thou art taught.

Kunghsi Hua said, Yu asked, Shall I do all I am taught? and ye said, Sir, Whilst thy father and elder brothers live. Ch'iu asked, Shall I do all I am taught? and ye said, Sir, Do all thou art taught. I am in doubt, and dare to ask you, Sir.

The Master said, Ch'iu is bashful, so I egged him on; Yu is twice a man, so I held him back.

Цзылу спросил: Когда услышу о долгे, следует ли мне немедленно исполнять его? Как можно, сказал Конфуций, когда у тебя живы отец и старший брат? А мне следует, спросил Жанью? Тебе следует, отвечал Конфуций. Тогда Гун Сихуа сказал: Когда тебя спросил Ю (Цзылу), так ты отвечал ему: у тебя есть отец и старший брат; а Цю (Жанью) ты отвечал, что следует. Я в недоумении и осмеливаюсь спросить у тебя разъяснения. Конфуций отвечал: Цю — труслив и потому я побуждаю его идти вперед, а Ю — стремителен, поэтому я осаждаю его назад.

22. When the Master was in fear in K'uang, Yen Yüan fell behind. The Master said, I held thee for dead. He answered, Whilst my Master lives how should I dare to die?

Когда Конфуцию угрожала опасность в местности Куан и Яньюань отстал, то он (потом) сказал ему: Я считал тебя умершим. На это последовал ответ: Когда учитель жив, как я смею умереть.

23. Chi Tzujan asked whether Chung Yu or Jan Ch'iu could be called a great minister.

The Master said, I thought ye would ask me a riddle, Sir, and ye ask about Yu and Ch'iu. He that holds to the Way in serving his lord and leaves when he cannot do so, we call a great minister. Now Yu and Ch'iu I should call tools.

Who are just followers then? Nor would they follow, said the Master, if told to kill their lord or father.

Цзи Цзыжань спросил у Конфуция; могут ли Чжунию и Жаню называться сановниками? Конфуций сказал: я думал, что вы спросите о чем-нибудь необыкновенном, а вы спрашиваете о Ю и Цю. Сановником называется тот, кто служит своему государю истиной и удаляется, если находит невозможным так служить ему. Ныне Ю и Цю можно назвать сановниками для счета. На вопрос, будут ли они повиноваться ему, Конфуций ответил: Если дело коснется отцеубийства или цареубийства, то и они не исполнят этого.

24. Tzulu made Tzukao governor of Pi.

The Master said, Thou art undoing a man's son. Tzulu said, What with the people and the spirits of earth and corn, must a man read books to become learned?

The Master said, This is why I hate a glib tongue.

Цзылу (хотел) послать Цзыгао начальником города Ми. На это Конфуций сказал: Это значит погубить чужого сына. Цзылу сказал: Там есть народ (которым надо управлять), есть и духи земли и хлебов (которым надо приносить жертвы). Какая необходимость в чтении книг, чтобы научиться этому? Конфуций сказал на это: Вот почему я ненавижу краснобаев.

25. The Master said to Tzulu, Tseng Hsi, Jan Yu and Kunghsi Hua as they sat beside him, I may be a day older than you, but forget that. Ye are wont to say, I am unknown. Well, if ye were known, what would ye do?

Tzulu answered lightly, Give me a land of a thousand chariots, crushed between great neighbours, overrun by soldiers and searched by famine, and within three years I could put courage into it and high purpose.

The Master smiled.

What wouldst thou do, Ch'iu? he said.

He answered, Give me a land of sixty or seventy, or fifty or sixty square miles, and within three years I could give the people plenty. As for courtesy and music, they would wait the coming of a gentleman.

And what wouldst thou do, Ch'ih?

He answered, I do not speak of what I can do, but of what I should like to learn. At services in the Ancestral Temple, or at the Grand Audience, I should like to fill a small part.

And what wouldst thou do, Tien?

Tien stopped playing, pushed his still sounding lute aside, rose and answered, My choice would be unlike those of the other three.

What harm in that? said the Master. Each but spake his mind.

In the last days of spring, all clad for the springtime, with five or six young men and six or seven lads, I would bathe in the Yi, be fanned by the wind in the Rain God's glade, and go back home singing.

The Master said with a sigh, I side with Tien.

Tseng Hsi stayed after the other three had left, and said, What did ye think, Sir, of what the three disciples said?

Each but spake his mind, said the Master.

Why did ye smile at Yu, Sir?

Lands are swayed by courtesy, but what he said was not modest. That was why I smiled. Yet did not Ch'iu speak of a state? Where would sixty or seventy, or fifty or sixty, square miles be found that are not a state? And did not Ch'ih too speak of a state? Who but great vassals are there in the Ancestral Temple, or at the Grand Audience? But if Ch'ih were to take a small part, who could fill a big one?

Цзылу, Цзэнси, Жанью и Гунсихуа сидели подле Конфуция, который сказал им: Не стесняйтесь говорить потому, что я несколько старше вас. Вы постоянно говорите, что вас не знают, а что бы вы сделали, если бы вас знали? На это Цзылу легкомысленно отвечал: Если бы я управлял владением в 1000 колесниц, окруженным большим государством, испытавшим нашествие неприятеля, а вследствие этого удрученным голодом, то, к концу трех лет, мог бы внушить ему мужество и направить к сознанию долга.

Конфуций усмехнулся. Ну, а ты как, Цю? Цю отвечал: Если бы я управлял маленьким владением в 60–70 ли, а то и в 50–60 ли, то, в течение трех лет, я мог бы довести народ до довольства. Что же касается церемоний и музыки, то для этого пришлось бы подождать достойного человека (Цзюньцзы, мужа, украшенного совершенствами).

Ну, а ты, Чи, что? Последний отвечал: Я не скажу, чтобы я мог это, но я желал бы поучиться и, при жертвоприношениях в храм предков, при представлениях удаленных князей и их сановников, желал бы в черном парадном платье и парадной шапке исполнять обязанности младшего церемониймейстера.

Ну, а ты, Дянь (Цзэнси), что скажешь? Когда замерли звуки гуслей, на которых он играл, он отложил их и, поднявшись, отвечал: мой выбор отличается от выбора трех господ. Конфуций сказал: что за беда? ведь каждый высказывает свои желания. Тогда Дянь сказал: Под конец весны, когда весеннее платье все готово, я желал бы с 5 – 6 молодыми людьми, да с 6 – 7 юнцами купаться в реке И, наслаждаться прохладою на холме Уюй и с песнями возвращаться домой. Конфуций с глубоким вздохом сказал: Я одобряю Дяня.

Когда 3 ученика удалились, Цзэнси, оставшись позади их, сказал: Что вы думаете о речах трех учеников? Конфуций сказал: Каждый из них выразил свое желание. Почему вы улыбнулись, когда говорил Ю? Хочет управлять государством посредством церемоний, а между тем речи его не

дышали уступчивостью — вот почему я улыбнулся. Даинь сказал: А (разве) Цю говорил не о государстве? Откуда же это видно, что пространство 50, 60 или 70 ли не государство? А (разве) Чи говорил не о государстве? Храм предков и собрания князей разве не касаются князей? Если Чи был бы младшим (церемониймейстером), то кто же мог бы быть старшим?

BOOK XII

1. Yen Yüan asked, What is love?

The Master said, Love is to conquer self and turn to courtesy. If we could conquer self and turn to courtesy for one day, all below heaven would turn to love. Does love flow from within, or does it flow from others?

Yen Yüan said, May I ask what are its signs? The Master said, To be always courteous of eye and courteous of ear; to be always courteous in word and courteous in deed. Yen Yüan said, Though I am not clever, I hope to live by these words.

На вопрос Яньюаня о гуманизме Конфуций сказал: Победить себя и возвратиться к церемониям значит стать гуманистом. И в тот день, когда (человек) победит себя и возвратится к церемониям, вселенная возвратится к гуманизму. Быть гуманистом зависит ли от себя, или от людей?

Яньюань сказал: Позволю себе просить вас указать мне составные части его. Конфуций отвечал: Не смотри на то, что противно правилам, не слушай того, что противно им, не говори того, что противно им и не совершай действий, противных им. Яньюань сказал: Хотя я и не отличаюсь быстротою ума, но попытаюсь осуществить эти слова.

2. Chungkung asked, What is love?

The Master said, Without the door to behave as though a great guest were come; to treat the people as though we tendered the great sacrifice; not to do unto others what we would not they should do unto us; to breed no wrongs in the state and breed no wrongs in the home.

Chungkung said, Though I am not clever, I hope to live by these words.

На вопрос Чжунгугна о человеколюбии (гуманности) Конфуций отвечал: Вне дома веди себя, как будто бы ты принимал знатного гостя; распоряжайся народом, как будто бы ты участвовал при великом жертвоприношении; чего не желаешь себе не делай и другим. Тогда, как в госу-

дарстве, так и дома, не будет против тебя ропота. Чжунгун отвечал: Хотя я и не отличаюсь быстрою ума, но попытаюсь осуществить эти слова.

3. Ssuma Niu {A disciple} asked, What is love? The Master said, Love is slow to speak. To be slow to speak! Can that be called love? The Master said, Can that which is hard to do be lightly spoken?

На вопрос Сыманю о человеколюбии (гуманности) Конфуций отвечал: Гуманизм — это осторожность в речах. На это Сыманю сказал: осторожность в речах — это ли называется гуманизмом? Конфуций отвечал: Что трудно сделать, разве о том можно говорить без осторожности.

4. Ssuma Niu asked, What is a gentleman? The Master said, A gentleman knows neither sorrow nor fear. No sorrow and no fear! Can that be called a gentleman? The Master said, He searches his heart: it is blameless; so why should he sorrow, what should he fear?

На вопрос Сыманю о благородном муже Конфуций отвечал: Благородный муж тот, который не скорбит и не боится. На это Сыманю сказал: Кто не боится и не скорбит, этот и есть благородный муж? Конфуций сказал: Кто, исследуя свой внутренний мир, не находит в себе недостатков, чего же ему скорбеть или бояться?

5. Ssuma Niu cried sadly, All men have brothers, I alone have none! Tzuhsia said, I have heard that life and death are allotted, that wealth and honours are in Heaven's hand. A gentleman is careful and does not trip; he is humble towards others and courteous. All within the four seas are brethren; how can a gentleman lament that he has none?

Сыманю со скорбью сказал: У всех есть братья, только у меня их нет. Цзыся сказал: Я слышал (говорят — вероятно от учителя), что смерть и жизнь зависят от судьбы, а богатство и знатность от неба. Если благородный муж постоянно внимателен к себе, почтителен и вежлив к другим, то во всей вселенной все ему братья. Чего же ему беспокоиться, что у него нет братьев?

6. Tzuchang asked, What is insight? The Master said, Not to be moved by lap and wash of slander, or by plaints that pierce to the quick, may be called insight. Yea, whom lap and wash of slander, or plaints that pierce to the quick cannot move may be called farsighted.

На вопрос Цзычжана об умном Конфуций отвечал: Умным и даже дальновидным можно назвать того, на кого не действуют ни медленно

всасывающаяся клевета, ни жалобы на кровные обиды.

7. Tzukung asked, What is kingcraft? The Master said, Food enough, troops enough, and the trust of the people. Tzukung said, If it had not been done, which could best be spared of the three?

Troops, said the Master.

And if we had to, which could better be spared of the other two?

Food, said the Master. From of old all men die, but without trust a people cannot stand.

На вопрос Цзыгуна, в чем состоит управление, Конфуций отвечал: В довольстве пищи, в достаточности военных сил и в верности народа.

Цзыгун сказал: но если бы предстояла неизбежная необходимость исключить одну из этих трех статей, то какую исключить прежде? Военную часть, отвечал Конфуций. Цзыгун сказал: а если бы правительство вынуждено было пожертвовать одною из этих двух, то какую прежде? Пищею, сказал Конфуций, потому что смерть всегда была общим уделом, а без доверия народа правительство не может стоять.

8. Chi Tzuch'eng {Minister of Wei} said, It is the stuff alone that makes a gentleman; what can art do for him?

Alas! my lord, said Tzukung, how ye speak of a gentleman! No team overtakes the tongue! The art is no less than the stuff, the stuff is no less than the art. Without the fur, a tiger or a leopard's hide is no better than the hide of a dog or a goat.

Цзицзычэн сказал: Благородному мужу нужна только безыскусственность, к чему еще ему шлифовка. Цзыгун сказал: Увы! Ваши слова — слова благородного мужа; но четверка лошадей не в состоянии догнать языка (т.е. слова, сорвавшегося с языка). Внешнее украшение подходит к природе, а природа — к украшению. Шкура барса и тигра без волос походит на шкуру собаки и барана.

9. Duke Ai said to Yu Jo, In this year of dearth I have not enough for my wants; what should be done?

Ye might tithe the people, answered Yu Jo.

A fifth is not enough, said the Duke, how could I do with a tenth?

When all his folk have enough, answered Yu Jo, shall the lord alone not have enough? When none of his folk have enough, shall the lord alone have enough?

Айгун спросил у Южо: Год голодный, средств недостаточно, как быть? Южо (Цзыжо, Цзыю) отвечал: восстановить бы десятину?

Князь сказал: Для меня даже две десятины недостаточно; что же я буду делать с десятиною? На это Южо отвечал: Если у народа будет достаток, то каким же образом у государя будет недостаток? Если у народа будет недостаток, то каким же образом у государя будет достаток?

10. Tzuchang asked how to raise the mind and scatter delusions.
The Master said, Put faithfulness and truth first, and follow the right;
the mind will be raised. We wish life to what we love and death to what we
hate. To wish it both life and death is a delusion.

Whether prompted by wealth, or not,
Yet ye made a distinction.

Цзычжан спросил: Как возвысить добродетель и отличить заблуждение? Конфуций отвечал: Принимать за руководительное начало превосходство и искренность и обращаться к справедливости — это значит возвышать добродетель. Любя кого, вы желаете, чтобы он жил, ненавидя кого, вы желаете, чтобы он умер. Коль скоро вы желаете жизни и в то же время желаете смерти — это будет заблуждение. В Шицзин сказано: Погожительно не из-за богатства (он бросил меня), а только из-за разнообразия (то есть, что новая любовь имеет для него особую прелесть).

11. Ching {Confucius was in Ch'i in 517 b.c. The duke was overshadowed by his ministers and thought of setting aside his eldest son.}, Duke of Ch'i, asked Confucius, What is kingcraft?

Confucius answered, For the lord to be lord and liege, liege, the father to be father and the son, son.

True indeed! said the Duke. If the lord were no lord and liege no liege, the father no father and the son no son, though the grain were there, could I get anything to eat?

В ответ на вопрос Ци'ского князя Цзина о правлении, предложенный им Конфуцию, последний отвечал: Правление есть там, где государь есть государь, министр — министр, отец — отец и сын — сын. На это князь сказал: Прекрасно! Действительно, если государь не будет государем, министр министром, отец отцом и сын сыном, то хотя бы у меня был хлеб, буду ли я в состоянии пользоваться им?

12. The Master said, To stint a quarrel with half a word Yu {Tzulu} is the man. Tzulu never slept over a promise.

Философ сказал: Полсловом могущий решить судебное дело — это Ю (Цзылу). Цзылу никогда не откладывал своих обещаний до другого дня.

13. The Master said, At hearing lawsuits I am no better than others.
What is needed is to stop lawsuits.

Философ сказал: Слушать тяжбы я могу подобно другим; но что необходимо — это, чтобы не было тяжеб.

14. Tzuchang asked, What is kingcraft? The Master said, To be tireless of thought and faithful in doing.

В ответ на вопрос Цзычжана насчет правления Философ отвечал: Управление заключается в том, чтобы неустанно сосредотачиваться на нем и нeliщемерно осуществлять его.

15. The Master said, Breadth of reading and the ties of courtesy will keep us, too, from false paths.

Философ сказал: Если при обширной учености сдерживать себя церемониями (т.е. правилами), то благодаря этому также можно не уклониться от истины.

16. The Master said, A gentleman shapes the good in man, he does not shape the bad in him. The small man does the contrary.

Философ сказал: Благородный муж содействует людям в осуществлении их добрых дел, но не злых, а низкий человек поступает противно этому (наоборот).

17. Chi K'ang {On the death of Chi Huan, his brother Chi K'ang set aside Chi Huan's small son and made himself head of the clan.} asked Confucius how to rule.

Confucius answered, To rule is to set straight. If ye give a straight lead, Sir, who will dare not go straight?

На вопрос Цзи Канцзы насчет правления Философ отвечал: Правление это есть исправление. Если вы будете давать другим пример прямоты, то кто же осмелится быть непрямыми?

18. Chi K'ang being troubled by robbers asked Confucius about it.

Confucius answered, If ye did not wish it, Sir, though ye rewarded him no man would steal.

Цзи Канцзы, озабоченный (развившимся) воровством, спросил на этот счет (совета) у Конфуция. Последний отвечал ему: Если вы сами не будете алчны (т.е. не будете воровать), то, хотя бы вы давали людям награды, они не станут воровать.

19. Chi K'ang, speaking of kingcraft to Confucius, said, To help those that follow the Way, should we kill the men that will not?

Confucius answered, Sir, what need has a ruler to kill? If ye wished for goodness, Sir, the people would be good. The gentleman's mind is the wind, and grass are the minds of small men: as the wind blows, so must the grass bend.

Цзи Канцзы, спрашивая у Конфуция о правлении, сказал: Что Вы скажете, если мы будем казнить (убивать) беззаконных людей для образования нравственных людей? Вы управляете, зачем же прибегать к убийству? Если Вы пожелаете быть добрым, то и народ будет добр. Добродетели благородного мужа — это ветер, а качества низкого человека — это трава, и ветер, гуляющий по траве, непременно пригибает ее.

20. Tzuchang asked, What must a knight be, for him to be called eminent? The Master said, What dost thou mean by eminence? Tzuchang answered, To be famous in the state and famous in his home. That is fame, not eminence, said the Master. The eminent man is plain and straight, and loves right. He weighs words and scans looks; he takes pains to come down to men. And he shall be eminent in the state and eminent in his house. The famous man wears a mask of love, but his deeds belie it. Self-confident and free from doubts, fame will be his in the state and fame be his in his home.

Цзычжан спросил: Каков должен быть ученый, которого можно было бы назвать истинно славным? Кого это ты называешь истинно славным? Цзычжан отвечал: Того, кто непременно пользуется известностью, как в государстве, так и в семье. Но это будет известный, а не истинно славный? Истинно славный обладает природной прямотою и любит правду, вникает в слова и вглядывается в выражение лица, заботится о том, чтобы поставить себя ниже других — такой, без сомнения, будет истинно славным, как в государстве, так и в семье. А известный — это тот, кто принимает вид гуманиста, тогда как действия его противоречат этому и он, не подозревая, пребывает в этом (заблуждении); — такой будет известен, как в государстве, так и в семье.

21. Whilst walking with the Master in the Rain God's glade Fan Gh'ih said to him, May I ask how to raise the mind, amend evil and scatter errors?

Well asked! said the Master. Rank thy work above success, will not the mind be raised? Fight the bad in thee, not the bad in other men, will not evil be mended? One angry morning to forget both self and kin, is that no error?

Фаньчи, сопутствуя Конфуцию в прогулке под У и Юй, сказал: Осмелюсь спросить Вас о возвышении добродетели, искоренении зла и раз-

личении заблуждения. Прекрасный вопрос, сказал Философ. Прежде дело, а потом успех (ставить на первом плане дело, а на втором успех), разве это не значит возвышать добродетель? При нападении на зло не нападать на чужое зло, — разве это не значит искоренять зло? Под влиянием минутной досады забывать себя (т.е. пренебрегать собою) и своих родителей — разве это не заблуждение?

22. Fan Ch'ih asked, What is love? The Master said, To love men. He asked, What is wisdom? The Master said, To know men. Fan Ch'ih did not understand. The Master said, Lift up the straight, put by the crooked, and crooked men will grow straight.

Fan Ch'ih withdrew, and seeing Tzuhsia, said to him, The Master saw me and I asked him what wisdom is. He answered, Lift up the straight, put by the crooked, and crooked men will grow straight. What did he mean?

How rich a saying! said Tzuhsia. When Shun {An emperor of the golden age} had all below heaven, he chose Kaoyao from the many, lifted him up, and the men without love fled. When T'ang {The founder of the Shang, or Yin, dynasty} had all below heaven, he chose Yiyin {T'ang's chief minister. Yiyin said, Whomsoever I serve, is he not my lord? Whomsoever I rule, are they not my people? He came in when there was order, and came in too when there were tumults. He said, When Heaven begat the people, the man that first understood was sent to waken those slow to wake. I am he that woke first among Heaven's people. With the help of the Way, I shall wake the people! For man or wife, of all the people below heaven, to have missed the blessings of Yao and Shun was the same, he thought, as if he himself had pushed him into the ditch. The burden he shouldered was the weight of all below heaven. (Mencius, Book X, chapter 1)} from the many, lifted him up, and the men without love fled.

На вопрос Фаньчи о человеколюбии (гуманности) Философ отвечал: Гуманность — это любовь к людям. На вопрос: что такое знание? Философ отвечал: Знание — это знание людей. Фаньчи не понял. Философ сказал: Возвышая людей честных (прямых) и преграждая путь бесчестным (кривым), мы можем сделать бесчестных честными. Фаньчи ушел и, встретив Цзыся, сказал: Недавно я был у философа и спросил его, в чем состоит знание? Он отвечал: если мы будем возвышать людей честных и преграждать путь бесчестным, то этим мы заставим бесчестных стать честными. Что это значит? Богатое (капитальное) изречение. Шунь, получив престол, выбирая из всех и возвысил Гаотао: вследствие этого люди негуманные удалились (исчезли). Тан, получив престол, выбирая из всех, возвысил Ииня и люди негуманные удалились.

23. Tzukung asked about friends. The Master said, Talk faithfully to them, and guide them well. If this is no good, stop. Do not bring shame upon thee.

Цыгун спросил: В чем состоит дружба? Философ ответил: В искреннем уверении и в добром руководстве; нельзя — прекрати, не срами себя.

24. Tsengtzu said, A gentleman gathers friends by culture, and stays love with friendship.

Цзэнцзы сказал: Благородный муж сходится с друзьями чрез ученость и пользуется ими для усовершенствования в гуманности (добродетели).

*Отрадно улетать в стремительном вагоне
От северных безумств на родину Гольдони ...*

М. Кузмин

А.В. Осипов

Имеет ли отношение Данте к уваровской триаде?

Часть I. Народность

Если бы на глазах у всех из окна дома вырвались языки пламени и если бы кто-нибудь спросил, не горит ли дом внутри, а другой ему ответил, что горит, я так и не мог бы решить, кто из них достоин большего порицания. Не иначе выглядел бы и я, если бы на вопрос, живет ли во мне любовь к моему родному языку, я после всех приведенных выше соображений ответил бы просто «да». Однако, чтобы показать, что во мне живет не только любовь к этому языку, но и любовь совершеннейшая, и дабы уличить его противников, обращаясь к тем, кто отлично меня поймет, я расскажу, каким образом я сделался его другом, а затем о том, как эта дружба укрепилась. Как яствует из книги Птуллия «О дружбе», где он не расходится с учением Философа, развитым этим последним в восьмой и девятой книгах «Этики», друг и его достоинства суть естественные причины, порождающие любовь; благодеяния же его, изучение его и привычка к нему — причины, умножающие любовь. И все эти причины были налицо, породив и укрепив то чувство, которое я питало к моему народному языку...

Данте. Пир

...северные звуки
Ласкают мой привычный слух,
Их любят мой славянский дух...

А.С. Пушкин

Чедиңдің жаңа аттың шашынан иштесем!

Обрекая на вечный позор и унижение тех злонамеренных людей Италии, которые восхваляют чужой народный язык и презирают свой собственный, я утверждаю, что побуждают их к тому пять мерзостных причин. Первая — слепота, мешающая различать способности человека; вторая — лукавая отговорка; третья — алчное тщеславие; четвертая — суждение, полное зависти; пятая и последняя — подлость духа, то есть малодушие. И каждое из этих преступных свойств влечет за собой такое множество других, что мало встречается людей, которые были бы от них свободны.

Данте. Пир

Сокровищем родного слова

(Заметят важные умы)

Для имитации чужого

Безумно пренебрегли мы.

Мы любим муз чужих игрушки,

Чужих наречий погремушки...

А.С. Пушкин

Письмо А.С. Пушкина к А.Н. Оленину

Почтеннейшие господа! Позвольте выразить признательность за согласие выслушать и обсудить те обрывки идей, которые представляют обработанную моим сознанием тему. Рассчитывая на доброжелательность аудитории, я постарался структурировать их в надежде, что это будет способствовать конкретности обсуждения. Не стану скрывать, что первоначально яставил своей целью поговорить о роли Уварова в том, что называется государственным строительством. О конкретных правилах, принципах или законах, которые использовал или, как говорят, исповедовал Уваров в своей деятельности. Однако в последнее время начинает казаться, что сам по себе такой объект, как государство, мало кого интересует. Интересует политическая борьба, противостояние партий, государственная власть как результат этой борьбы, приобретающей почти религиозный характер после ее освящения лозунгами и знаменами, праведным гневом и апелляциями к ... кому? Как правило, к народу.

За неимением ничего лучшего в арену политических баталий превратили русскую литературу, и эта политизация породила, как представляется, своеобразный феномен — специфическое, подчеркнуто политизированное отношение к слову «народность». Вместе с тем, начиналось все это красиво и возвышенno.

Об определении человека и народности

Народность есть альфа и омега эстетики нашего времени, как «украшенное подражание природе» было основным и главным положением поэтического кодекса прошлого века. Величайшая похвала, какой только может удостоиться поэт нашего времени, самый громкий титул, каким только могут теперь почтить его соплеменники или потомки, заключается в волшебном эпитете «народного». Выражения: «народная поэма», «народное произведение» часто употребляются теперь вместо слов: «превосходное, великое, вековое произведение». Волшебное слово, таинственный символ, священный иероглиф какой-то глубоко-зnamенательной, неизмеримо-обширной идеи, — «народность» как будто заменила теперь в творчестве и вдохновение, и художественность, и классицизм, и романтизм, заключила в одном себе и эстетику, и критику; сделалаась теперь высшим

критериумом, пробным камнем достоинства всякого поэтического произведения и прочности всякой поэтической славы. Все требуют от поэзии прежде всего народности, а потом уже здравого смысла, но многие ли отдают себе отчет в том, что такое эта народность, хотя это слово и кажется всем простым и понятным? Но не все бывает в самом деле тем, чем кажется. По крайней мере слово «народность» так же точно требует своего определения, как и всякое другое слово, которое заключает в себе какую-нибудь мысль. Слово же «народность» именно есть одно из тех слов, которые потому только и кажутся слишком понятными, что лишены определенного и точного значения.

В.Г. Белинский.

Общий взгляд на народную поэзию и ее значение

После такого эмоционального введения Белинский определяет этот «священный иероглиф» в стиле, который его раздражает, когда он замечает нечто похожее в текстах других авторов, то есть в стиле «никаком». Сказано просто потому, что что-то должно быть сказано.

Царство природы разделяется на роды и виды; каждое явление природы отличается признаками и качествами, не ему самому, а его роду и виду свойственными; и потому каждый дуб совершенно похож на всякий другой дуб, за исключением чисто случайных различий величины; каждый бык совершенно похож на всякого другого быка и отличается от него не выражением своей морды или своего рога, а величиной, цветом шерсти и другими чисто случайными, но не существенными признаками. Человек от человека существенно отличается лицом, физиономией, — и как ни много людей на земном шаре, никогда одно и то же лицо не повторяется в двух людях. Это различие лиц имеет глубокое значение: лицо выражает собой личность, а личность есть выражение духовной сущности человека.

Достаточно обычный текст, из разряда тех, которые мы читаем, не замечая, как человека толпы, который для нас не является личностью, поскольку мы его не знаем, а его физиономия ничем существенно не отличается. Но приглядевшись внимательнее и возникает много вопросов. Вроде бы и дуб, а вместе с тем совершенно не похож на другой дуб, хотя бы они были и одной величины. И какие признаки считать существенными, а какие случайными? Случайность ведь не такая простая штука. Случайно ли было пролито масло? Случайно ли воробей пропал? Случайно ли выпал жребий Матфии?

...и помолились и сказали: Ты, Господи, Сердцеведец всех, покажи из сих двоих одного, которого Ты избрал принять жребий сего служения и Апостольства, от которого отпал Иуда, чтобы идти в свое место. И бросили о них жребий, и выпал жребий Матфии, и он сопричислен к одиннадцати Апостолам.

Деян. 1:24-26

Непонятно, как разделить. Случай — он ведь и бог-изобретатель, но он же и разрушитель. Какие характеристики человеческой физиономии, отражающей «духовную сущность», считать случайными? Некоторые считают, что к таковым относится форма носа. А вот небезызвестный майор Ковалев чуть умом не тронулся на этой почве. Да и в портрете благодннейшего Сирано вряд ли можно было бы упустить эту случайную деталь. Туманно все это.

Не менее туманна и история с животными. И с чего это Белинский решил лишить их своей физиономии и «духовной сущности»?

Кто знает: дух сынов человеческих восходит ли вверх, и дух животных сходит ли вниз, в землю?

Еккл. 3:21

Долго стоит знаменитая корова перед лужей и не может решить — переходить ее вброд или обойти. Она по-своему, по-коровьи решает гамлетовский вопрос. Почему же лишать ее самосознания? Потому, что, живя в «социуме», человек, в отличие от коровы, может позволить себе с бутылкой пива сидеть с ногами на скамейке, самоосознавая свою «психею» и выражая ее такими словами, что впору уши заткнуть. Чем же человек отличается от животного?

Августин: Мне казалось, что я сказал более чем достаточно; но скажу яснее: человек — животное, или, скорее, царь всех животных. Нет столь грубого пастуха, который не знал бы этого, а с другой стороны, всякий ребенок, если спросить его, признает, что человек — одаренное разумом и смертное животное.

Франциск: Это определение известно всем.

Августин: Напротив, очень немногим.

Франциск: Как так?

Августин: Если увидишь кого-нибудь, в ком разумное начало достигло такой силы, что он свою жизнь располагает согласно с разумом, ему одному подчиняет свои вожделения, его уздою сдерживает движения своей души и понимает, что только разум отличает его от дикого зверя, что и самое имя человека он заслуживает лишь настолько, насколько руководится разумом; главное же, если он так проникнут сознанием своей смертности, что помнит о ней непрестанно, мыслью о ней обуздывает себя и, презирая переходящие земные вещи, жаждет той жизни, где, обретя полноту разума, он перестанет быть смертным, — тогда ты можешь сказать, что в лице этого человека ты получил верное и полезное представление об определении человека. Именно об этом шла у нас речь, и я сказал, что лишь немногие основательно знают это или достаточно размышляют об этом.

Петрарка. Моя Тайна

Красиво, но все-таки что-то не так. Звери ведь чуют смерть не хуже людей? И по части обуздывания себя звери гораздо приличнее. И насчет ра-

зумного начала непонятно. Почему же пса Барбоса лишать права быть разумным?

Ум не есть высшая в нас способность. Его должностъ не больше, как по-лицейская: он может только привести в порядок и расставить по местам все то, что у нас уже есть. Он сам не двинется вперед, покуда не двинутся в нас все другие способности, от которых он умнеет. Отвлечеными чте-ньями, размышиленьями и беспрестанными слушаньями всех курсов наук его заставишь только слишком немного уйти вперед; иногда это даже по-давляет его, мешая его самобытному развитию. Он несравненно в большей зависимости находится от душевных состояний...

H. В. Гоголь

Вернемся к Белинскому. В своей статье он пишет о рождении, движении и исчезновении народов, отдав «историческую роль» одним, «ничтожную» или «случайную» другим и похоронив (несколько преждевременно) третьих, которые, в соответствии с известной приметой, теперь будут жить долго. Впрочем, точное историко-географическое описание столь сложных процессов не было его задачей. Белинский вводит в разговорный обиход столь почитаемое нами слово, как «самосознание».

Человек был последним и высшим усилием природы в ее стремлении к самосознанию. Организм человека явился личностью — орудием разумного сознания, потому что личность имеет Я, которое она может противопоставить всему внешнему ей миру, всему, что в отношении к ней составляет не Я.

Красиво, но опять же не совсем понятно. Прекрасно Шарик начал противопоставлять себя всему остальному миру после того, как на него надели широкий блещущий ошейник. Более того, если вы вдруг почувствуете в себе самосознание в этом самом смысле, то посмотрите внимательно, нет ли на вас ошейника.

Если бы я был посмелее, то сказал бы, что и газон обладает сознанием. Он чувствует и переживает, но по-своему. Если ему не оказывают внимания, он расстраивается и от этого покрываются сорняками. Совсем как человек, который покрываются красными пятнами, когда сердится. Если газон поливать, то он радуется и блестит на солнце. Если поливать только с одного края, то он передвигается в этом направлении. И смертен, но бьется за жизнь. Если его заасфальтировать, на время признаки жизни исчезнут, но затем вновь появятся. Более того, я сказал бы, что сознание — дух, что оно везде вокруг нас. И, что еще хуже, оно существовало до того, как появился человек.

Но поскольку я человек несмелый, то всего этого не скажу. Но позволю себе посомневаться в том, что человек — «последнее и высшее достижение природы». В общем-то природа, в отличие от газона, не обладает личностью и ничего не творит, но «так говорят». Пусть так.

Если надколоть глобус в нескольких местах, то получим ареал обитания человека внутри царства природы на земле во времена Конфуция. Ровно противоположное мы наблюдаем сейчас. Несколько измученных львов и сотня антилоп на пыльном клочке земли изображают перед нами агонию «царства дикой природы». Перед нами разыгрывается леденящий душу триллер о том, как созданное существо уничтожает своего создателя.

Может быть, я слишком сужаю понятие «природа» и следует понимать ее как «самоорганизующуюся материю», как понятие, которое включает в себя и собственно природу и человека «в его развитии»? Это уже шаг в направлении оживления создателя. Забавно. Человек изобретает бога, который создает этого самого человека. И какое мы имеем право ограничивать доктора Франкенштейна в его способностях? С какой это стати человек — самое последнее его изобретение? Совершенно непонятно.

Вот пример: компьютерная система, в приданом которой человек постепенно превращается. Сейчас пока еще человек нажимает на кнопки, делает вид, что определяет задачи, стоящие перед компьютером, но чаще всего использует его для того, чтобы себя развлечь или утешить. Разве компьютер не способен сам себе покупать детали, сам себя постоянно совершенствовать? Трудно написать вирус, который заставит компьютер «плодиться и размножаться», раз это уже не хочет делать человек? Это все реализуемо и не так уж и страшно. Человечество при этом вовсе и не вымрет. Будет удобно лежать человек и не отрываясь глядеть, как руки компьютерного божества копошатся в извивах проводов. И на ужин будет получать компьютерную отбивную или бледный и толстый кусок осетрины. Компьютер будет ругать его за то, что гадит, где попало, и разбрасывать пластмассовые бутылки и мешки, которые ему приходится собирать. Наказывать человека он не будет, а будет действовать только внушением и лаской. Если человек заболеет, ему вызовут ветеринара, то есть врача, а в самых печальных случаях придется сделать усыпляющий укол. И тогда скучая компьютерная слеза как бы появится на жестком с виду винчестере. Впрочем, это будет редко. Компьютер будет следить, чтобы человек развивался через сообщество с подобными себе, и потому будет отпускать иногда человека от себя для тусовок и разных прочих мероприятий. Как человек отпускает по весне кошку погулять во дворе. Впрочем, почему «будет»? Он и сейчас отпускает.

Так что страшного ничего в этом нет. Как и слишком фантастического. Хотя кто знает, что готовит нам грядущий век!

Короче говоря, выражаясь словами того же Белинского, «человек» (как и «сознание») «именно есть одно из тех слов, которые потому только и кажутся слишком понятными, что лишены определенного и точного значения». Но это с философской точки зрения. Или наоборот, с нефилософской. Впрочем, я не знаю, что такое философская точка зрения. Короче говоря, я столь подробно останавливаюсь на этом, чтобы обратить внимание на эффект, который как-нибудь условно назовем. Например, «комплексом пропущенной аксиомы». Представьте себе, что некоторый человек развивает геометрическую

теорию, из оснований которой он убирает пятый постулат Евклида. Однако через некоторое время в его теории появляется утверждение о том, что сумма углов каждого треугольника равна ста восемьидесяти градусам. Вы скажете, что этот человек где-то неявно, быть может незаметно для себя, использовал эту аксиому или следствие из нее как очевидный факт. Так и здесь. Утверждение, что человек есть высшее и последнее творение (усилие!) не является вытекающим из свойств природы и человеческой логики, без применения аксиом, обсуждать которые все же не будем. К тому же они хорошо известны. У Петрарки эти аксиомы обозначены с самого начала, они незримо присутствуют на протяжении всего разговора с блаженным Августином.

Другой пример. Есть утверждение: «ненавидьте зло», откуда делается обычно вывод, что со злом следует бороться, причем человеческими средствами. В аксиоматике, порожденной монстром самоорганизующейся материи, тем более в эволюционной теории это утверждение ниоткуда не вытекает, как бы ни понимать слово «зло». В лучшем случае, «приспособливайтесь». Что и происходит.

В этом комплексе пропущенной аксиомы есть и другая сторона. Она связана с тем, что теория относится к целому народу, а развивается отдельной личностью или группой лиц. И этой группе лиц было бы удобно, чтобы остальные-то как раз придерживались аксиоматики другой.

Снова возвращаясь к человеку, приведу еще один пример подобного определения. Он принадлежит Леону Баттисту Альберти, автору известного трактата «О зодчестве» и одновременно многочисленных текстов на темы морали. Например, «О семье» (*«Della famiglia»*) и «Домострой» (*«De iciarchia»*). Леон Баттиста Альберти родился в 1414 году, получил университетское образование, с двадцати с небольшим лет состоял в свите папы Евгения IV, был, в частности, аббревиатором и интерпретатором. Цитата взята из книги М. Корелина. «Л.Б. Альберти» Русская мысль. 1894 г. Оригинальный текст можно найти в книге L.B. Alberti. *Della famiglia*. Op. Vol. II, pp 191-92.

Природа, то есть Бог, вложила в человека элемент небесный и божественный, несравненно более прекрасный и благородный, чем что-либо смертное. Она дала ему форму и члены, весьма приспособленные ко всякому движению. Она дала ему талант, способность к обучению, разум, свойства божественные, благодаря которым он может исследовать, различать и познавать, чего должно избегать и чему следовать для того, чтобы сохранять самого себя. К этим великим и бесценным дарам Бог вложил еще в душу человека умеренность, сдержанность против страсти и чрезмерных желаний, а также стыд, скромность и стремление заслужить похвалу. Кроме того, Бог внедрил в людей потребность в твердой взаимной связи, которая поддерживает общежитие, правосудие, справедливость, щедрость и любовь, а всем этим человек может заслужить у людей благодарность и похвалу, а у своего Творца — благоволение и милосердие. Бог вложил еще в грудь человека способность выдерживать всякий труд, всякое несчастье, всякий удар

судьбы, преодолевать всяческие затруднения, побеждать скорбь, не бояться смерти. Он дал человеку крепость, стойкость, твердость, силу, презрение к ничтожным мелочам, и посредством всех этих добродетелей мы можем, как должно, почитать Бога и служить Ему справедливостью, любовью, умеренностью и всякими другими совершенными и похвальными действиями. Поэтому будь убежден, что человек рождается не для того, чтобы влакить печальное существование в бездействии, но чтобы работать над великим и грандиозным делом. Этим он может, во-первых, угодить Богу и почитать Его и, во-вторых, приобрести для самого себя наисовершеннейшие добродетели и полное счастье.

Л.Б. Альберти

Но оставим на время человека и родину Гольдони и передвинемся поближе к народу и «народности».

Как каждый человек выражает собой преимущественно одну какую-нибудь сторону общечеловеческой натуры и потому сам нуждается в других людях, так и каждый народ выражает собой преимущественно одну какую-нибудь сторону всецелого и единого духа человеческого и потому нуждается в соприкосновении с другими народами, принимает от них в себя то, чего ему недостает. Каждый народ отличается от всякого другого типом лица, — и потому, за немногими исключениями, нетрудно узнать в человеке по его лицу немца, англичанина, француза, итальянца, русского. Кроме того, у людей одной нации есть какое-то семейное сходство и в манерах, и в способе смотреть на вещи, и в образе действования, не говоря уже об особенности языка — этого живого, чувственного проявления народной логики. Между людьми есть личности характерные, самостоятельные, которые на все, что ни говорят и ни делают они, кладут яркую печать свойственной им особенности; и есть между людьми личности бесхарактерные, бесцветные, которые не могут сопротивляться никаким внешним влияниям и, не имея в себе ничего особенного и резкого, вечно играют при других роль нулей. Такая же разница между народами.

В.Г. Белинский.
Общий взгляд на народную поэзию и ее значение

Здесь многое вызывает если не возражение, то сомнение, но в целом и главном достаточно понятно, и суть выражена в коротком и отчетливом определении, которое можно найти в каждом словаре.

Народность: Совокупность национальных черт, свойственных какому-нибудь народу.

Если не вдумываться в различие между понятиями «народ» и «национация», то все вроде бы в порядке. Нормальное определение. И все-таки что-то не то.

Ну не помещается священный иероглиф в прокрустово ложе этого определения. Все хотят от поэзии народности, но их силком не затащишь в этнографический музей. Не вяжется эта «совокупность черт» с «глубоко-знаменательной, неизмеримо-обширной идеей». Далеко не каждого артиста или поэта мы будем называть «народными», даже если и очень велик «рейтинг популярности», даже если в косоворотке будет ходить.

Быть может, совокупность черт следует понимать более широко — как некоторый психологический портрет, а быть может, и вовсе отделить от субъекта. Как Белинский личность отделяет от сознания, говоря, что одно есть орудие другого. Подобная иерархия есть и в паре: талант — гений. Одно есть некая собственность человека, а второе — более сильное и впечатляющее — божок, его вдохновляющий. Нечто подобное происходит и со словом «народность». В одном случае мы стоим перед необходимостью тащиться в тот самый этнографический музей и, стоя в выделенном для нашего народа зале, рассматривать муляжи. В другом случае мы говорим о «русском духе», «русском боже», «русской психее», «загадочной русской душе» и хочется выпить из граненого стаканчика и закусить селедочкой (или воблой — не помню), разложенкой на газете.

Существуют «слова-духи». Сами по себе они туманны и бестелесны. Но могут воплощаться. Например, дух ревности, дух непокорности или дух благочестия. Так говорят, например: «Пошли мне, Боже, мужества, чтобы пережить то-то и то-то». И это понятно. Но надо осторожно звать духов, чтобы не оказаться в положении пастуха, добившегося-таки любви Наины. Опасно «разбирать по косточкам» духов. Да у них и косточек-то нету. Так, мираж, миф, сон, мечта. Один видит духа здесь, другой там. Ревность тут доходит до крайности. Не то что Белинского с Гоголем! Возьмите Петрова с Сидоровым и попросите их поговорить подробнее о том, что такое «дух народности». Через два дня это будут Иван Иванович с Иваном Никифоровичем.

Понимал ли это Уваров? Думаю, что да. Потому и не ввязывался в диспут. Боюсь и я вдаваться в разбор этого предмета и замечу только, что от Белинского пошло подчеркнутое противопоставление «правильно понимаемой народности» всем остальным составляющим уваровской триады, да и самой триаде:

Термин «официальная народность» создан Пыпиным и утвердился в нашей исторической литературе для определения ведущей свое начало от министра народного просвещения Уварова теории полной обособленности России, составляющей как бы особую часть света, к которой совершенно неприложимы требования и стремления европейской жизни и которая сильна неподвижностью основ своего государственного строя. Главное возражение, которое автор противопоставляет односторонностям славянофильства и теории «официальной народности», заключается в том, что «национальность, как стихия историческая, способна к видоизменению и усовершенствованию, и в этом именно возможность и надежда национального успеха». При неподвижности основ Россия не за-

имствовала бы из Византии христианства, а московское самодержавие не сменило бы собой удельно-вечевой быт.

С. Венгеров

«Теория официальной народности», как и «теория полной обособленности России», являются фантомами, созданными для оттенения этого политического противостояния, но прописанная чепуха нас не слишком возмущает, поскольку произносится безапелляционно и уверенно. Забегая несколько вперед, заметим, что свойство говорить «безапелляционно и уверенно» не является отличительной чертой ни «народной психеи», ни «народного красноречия», как бы ни понимать ключевое прилагательное «народное». Оно является порождением той неестественной структуры, которая в то время еще только зарождалась, позже получила имя «интеллигенция», а сейчас называется «интеллектуальной творческой элитой».

Сознаемся, что «предупреждающие обвинения» в чужой адрес — не лучший способ раскрытия своих достоинств, но в данном случае они служат еще и превентивным средством уйти от упреков в неотчетливости формулировок и мысли. Эта неотчетливость связана именно с неуверенностью, которая присуща всем существительным-прилагательным, отражающим характерные свойства предметов, к которым оно относится. То же самое происходит и со словом «душа», со словами «мысль» или «сознание». Не слишком уверенно мы определяем эти понятия, спокойно оперируя такими комбинациями как «душевное равновесие», «мысленное представление», «сознательное поведение» и так далее. Несмотря на внешний пафос, читается такая неуверенность и у многих серьезных исследователей творчества Данте. Несколько иная неуверенность у самого Данте, что придает его разговорам дополнительную привлекательность.

*Суть и случайность, связь их и дела,
Все — слитое столъ дивно для сознанья,
Что речь моя, қак сумерки, тускла.*

Данте. Рай, XXXIII

Однако сменим тему и перейдем к народному языку или «народному красноречию».

О народном красноречии

...народной речью называем ту, к которой приучаются младенцы от тех, кто при них находится, как только начинают они разбираться в словах; или, короче говоря, народной речью мы считаем ту, какую воспринимаем, подражая кормилище без всякой указки. Есть затем у нас и вторичная речь, которую римляне называли грамотной. Такая вот вторичная речь имеется и у греков, да и у других народов, но не у всех; навыка в этой речи достигают немногие потому, что мы ее выравниваем и научаемся ей со временем и при усидчивости. Знатнее же из этих двух речей народная; и потому, что она первая входит в употребление у рода чело-

веческого, и потому, что таковою пользуется весь мир, при всем ее различии по выговорам и словам, и потому, что она для нас естественная, тогда как вторичная речь скорее искусственная. Это наша истинная первая речь.

Данте. О народном красноречии

Итак, народная речь наиболее благородная. Точнее говоря, более знатная. Здесь возникает соблазн считать, что сказанное относится к так называемой «простонародной» речи, однако это не совсем так. Чтобы это отчетливее осознать, представим себе небольшой средневековый город со стабильной жизнью на протяжении нескольких поколений и отсутствием сильной социальной иерархии, сопутствующей имущественному или иному расслоению. Можно представить себе в России группу деревень, губернию, жизнь в которых, не подвергаясь существенным «встряскам», достаточно устойчиво протекает длительное время. В таком микромире оформляется свой стиль общения, язык, который может деформироваться в диалект, но будет иметь свои характерные черты, которые мы присваиваем этому языку, называя его простонародным.

Язык горюхинский есть решительно отрасль славянского, но столь же разнится от него, как и русский. Он исполнен сокращениями и усечениями — некоторые буквы вовсе в нем уничтожены или заменены другими. Однако ж великороссиянину легко понять горюхинца и обратно.

А.С. Пушкин

Простонародный язык отличается существенно от языка черни, который мы называем «грубым», или испорченным. Данте перебирает один за другим диалекты Италии в поисках эталона, образцовой итальянской речи, но каждый из них обладает тем или иным недостатком. Попало от Данте всем сестрам по серьгам, даже тосканцам.

После этого перейдем к тосканцам, которые в своем несносном безрассудстве явно притязают на честь блестательной народной речи. И тут упорно безумствует не только простой народ, но, как нам достоверно известно, упорствуют также и очень многие имеющиеся мужи, как, например, Гвиттоне д'Ареццо, никогда не обращающийся к правильной народной речи, Бонаджунта из Луки, Галло из Пизы, Минно Мокато, Брунетто из Флоренции; если будет время разобрать их стихи, они покажутся не правильными, но сочиненными исключительно на городском наречии. И потому, что тосканцы больше других безумствуют в этом опьянении, представляется заслуживающим внимания и полезным развенчать одно за другим городские наречия тосканцев.

Данте. О народном красноречии

На первый взгляд это кажется непонятным, ведь на тосканском писались превосходные стихи. Не кажутся уж столь безрассудными притязания жителей Тоскании, расположенной в самом сердце Италии. Достаточно упоминания таких имен, как сам Данте или Петрарка.

Данте оказался не прав. Тосканский лег в основу итальянского литературного языка, одним из трех основателей которого считается сам автор «Божественной Комедии». Отвергая тосканское первенство, Данте остается верен своему принципу: целое составляют все части (диалекты); из каждой берется лучшее. Лучшего больше всего в придворном сицилианском и в стихах некоторых поэтов Болоньи и Флоренции. Принцип этот в основе своей аристотелевский, однако применение его к лингвистике является изобретением автора «О народном красноречии».

И.Н. Голенищев-Кутузов.

Комментарии к малым произведениям Данте

Комментарий глубокоуважаемого переводчика и исследователя несколько странен. Составление языка из «отборных» частей противно самому духу того, о чем пишет Данте. Также невозможно представить по отношению к языку принцип апостола Павла: «Все испытывайте, хорошего держитесь». Думаю, что перечисление «недочетов» диалектов Италии не имеет самостоятельного сколь-нибудь решающего значения, а является риторическим маневром, «смысловой фигурой», призванной оттенить мнение Данте, которое является не следствием каких-либо филологических или логических изысканий, а его «первичным» убеждением.

...мы утверждаем, что в Италии есть блестательная, осевая, придворная и правильная народная речь, составляющая собственность каждого и ни одного в отдельности итальянского города, по которой все городские речи итальянцев измеряются, оцениваются и равняются.

Данте. О народном красноречии

Это все-таки нечто иное, нежели умозрительно придуманная, составленная из «лучших образцов» искусственная речь. Замечу, что приписывание Данте заслуги в области аристотелевско-лингвистической изобретательности является достаточно сомнительным комплиментом. Во-первых, непонятен сам принцип. Например, вы хотите построить красивое здание, скажем собор. Если вы будете брать лучшее из готической архитектуры, лучшее из византийской, что-то в стиле модерн, а что-то в стиле рококо, то получите монстра. Быть может, он будет и интереснее наших нынешних построек, но ненамного. Более того, именно за архитектурные диалекты мы и любим средневековые итальянские города.

Есть архитектура деревенская, архитектура фабрик, заводов, жилых районов. Но все-таки, когда мы говорим об архитектуре той или иной страны, мы чаще имеем в виду дворцы, соборы, средневековые замки. Нечто подобное происходит и в случае с языком.

Итак, очевидно всем, слагающим стихи, допустимо пользоваться этой речью. Но это глупейшее заблуждение; потому что даже самые выдающиеся поэты не всегда должны

облекаться этой речью, как это можно будет усмотреть из дальнейших рассуждений. Эта речь требует подходящих ей мужей, подобно и другим нашим обычаям и одежде; величие требует великих мужей, пурпур — именитых; так и эта речь ищет выдающихся по дарованию и знаниям, а прочими пренебрегает... А так как язык служит необходимым орудием нашей мысли не иначе как конь всаднику, и наилучшим всадникам, в силу сказанного, присущи наилучшие кони, то и наилучший язык присущ наилучшим мыслям. Но наилучшие мысли невозможны без наличия дарования и знания; следовательно, наилучший язык не присущ никому, кроме обладающих дарованием и знанием.

Данте. О народном красноречии

Значение и область применения понятий несколько меняется во времени и пространстве, и мы вряд ли применим прилагательное «придворный» для того, чтобы подчеркнуть достоинства того или иного языка. Это имело бы ироничный оттенок. Скорее мы скажем «благородный». Такой же смысловой оттенок мы вкладываем и в слово «народный», называя народным поэта, музыканта или артиста, которого мы любим и уважаем.

Данте для нас музейный экспонат. Исследование творчества Данте мы отдаем на откуп лингвистам и переводчикам, не обращая внимания на то, что он писал для нас, обывателей и про нас. Соответственно, на эпитеты, которые использует Данте в применении к языку, мы, как правило, не слишком обращаем внимание, считая их риторическими фигурами, эмоциональными усилителями, не предполагая, что «алчное тщеславие», «суждение, полное зависти», «малодушие» относится именно к нам.

Испорченность речи может иметь различный вид. Наиболее часто она имеет вид грязной речи (грубой, нецензурной). Где и как появляется грязная речь? Ее много в поселках, расположенных близ больших городов, где нет стабильной социальной структуры, жители не задерживаются, приезжают и уезжают, не расценивая это место как свою, возвышенно говоря, «малую родину». В тюрьмах, где псевдостабильность жизни порождает тюремный сленг — своеобразный диалект, в армии, где прививается хорошо и устойчиво, если не предпринимать мер. То есть во всех ситуациях, связанных с социальной неестественностью, с «замутненностью воды в озере».

Реакция людей на это разная. Одни стараются противодействовать, другие раздражаются, третьим хочется уехать куда подальше. Есть люди-фильтры. Они не раздражаются и не противодействуют, а просто плохо пропускают через себя речевую грязь. Как правило, впрочем, и грязь в переносном смысле. Но есть и такие (а их, пожалуй, большинство), которые чувствуют себя роскошно в этом грязном языке, как рыба в мутной воде. Они — результат естественного отбора, они победители в этом мире, они обеспечивают тот самый эволюционный процесс, который ведет... От кого к кому?

Определение человека есть не только у великих итальянских мужей. Его можно найти и у Иоанна Лествичника, и в поучениях Владимира Мономаха или Василия Великого. Впрочем, слушатели могут и без меня составить достаточно обширный список текстов, у которых есть одна общая ха-

рактерная черта. Все они связаны повелительным наклонением глаголов, означающим долженствование. На научном языке — императивом. Это Божественный императив, который за волосы пытается вытащить нас из болота, и мы относимся к нему с должным почтением. Ставим тексты на полку, протираем пыль, цитируем, если следует показать ученость, и прекрасно имитируем, создавая мораль, основанную либо на кодексе строителей коммунизма, либо на патриотизме, а в результате — на своде застольных правил, составленных из свадебных пожеланий. Желая построить новую систему, неевклидову геометрию, и избавиться от лишней аксиомы, делаем попытки приписать императив Канту, державности, прогрессу, цивилизации...

Точно ли мы приближаемся к тому определению человека, которое дал нам Альберти? Да и хотим ли мы этого? С чего это мы все должны и должны! «Мы уже это все проходили». Это тоталитарное долженствование! Мы люди свободные и никому ничего не должны! Постепенно императив разворачивается и превращается в обратный императив, обращенный к фантомам. Чаще всего в роли такого фантома выступает государство, которое должно... Впрочем, легче спросить, а чего оно не должно?

Аллегория «Пира»

Называя основное произведение Данте комедией, мы признаем за ней фантазию, увлекательную выдумку, смелый план, но главное не в этом. Коллекционер может чесать затылок: в какой из альбомов ему поместить новую марку — туда, где хранятся портреты, или туда, куда он поместил марки на историческую тему. Искусствовед может задуматься, где уместно повесить купленную музеем картину старого мастера — в зале передвижников или в зале маринистов. Но в нашем случае такой проблемы не возникает. Данте мы посвятим отдельный зал. Он будет называться зал Данте. Данте вне классификации. Назвали бы мы это произведение поэмой, драмой или даже басней — какая разница, все это прижилось бы и почтения к великому итальянцу, воспитанного в нас Пушкиным, вряд ли могло бы поколебать.

Присваивая Данте титул благородного, мы даже и не пытаемся это обосновать. Человеку, который никогда не слышал слова «благородный», мы объясним его, указывая на Данте. Не столько Данте характеризуется этим словом, сколько, наоборот, это слово определяется магической фигурой сурового гения. Называя комедию Данте Божественной, мы ни на секунду не сомневаемся признать за этим высшую, превосходную степень похвалы.

И все-таки что-то нас смущает. Все-таки из двух видов народной речи более знатной считает Данте речь кормилицы, которая далеко не всегда блещет красноречием, и далеко не всегда ее можно назвать правильной, блестящей и, уж тем более, придворной. Обратимся за разъяснениями к аллегории, которая является основной и ключевой в трактате «Пир». Аллегория эта классическая, достаточно сильная и, одновременно, очень простая.

Я прогуливаюсь по городу и, проголодавшись, захожу в какое-нибудь кафе, чтобы выпить чашечку кофе и что-нибудь съесть. Потом забываю про это кафе, мне стало веселее прогуливаться.

В другой день у меня есть два-три часа между занятиями. Захожу в книжный магазин, чтобы порыться в книгах. Листаю попавшуюся на глаза книгу Франческо Гвиччардини «Заметки о делах политических и гражданских» и обнаруживаю любопытную сентенцию.

Мессер Антонио да Венафро говоривал, и говоривал верно: посади рядом шесть или восемь мудрецов — получиши столько же сумасшедших; между собой они не сговорятся и больше будут спорить, чем решать дело.

Вполне достаточно, чтобы я мог прогуливаться оставшееся время веселее, пережевывая на ходу появившуюся мысль.

Такое сравнение пищи для желудка и духовной пищи, пищи для ума встречается в самых обычательских текстах и самых возвышенных, например, в притче о Марфе, которая готовила большое угощение, и Марии.

Мы постоянно апеллируем к вкусовым качествам и говорим: «горек чужой хлеб», «горечь зависимости», «сладка для души приятная речь», «отцы ели кислый виноград». Библия столь насыщена аллегориями, связанными с едой, что иногда и в прямом тексте начинаешь искать переносный смысл. А уж плодов разных, яблок, винограда, олив и оливкового масла там видимо-невидимо. И любопытство гложет: а чем же будут кормить в раю? Не нас, конечно, а праведников. Наверное, плодами мудрости и сладостью разговоров. И невольно хочется угостить, пока не поздно, хороших людей хорошим обедом. Царским! Но не божественным. Есть различие между этими терминами.

Тогда сказал Даниил Амелсару, которого начальник евнухов приставил к Даниилу, Анании, Мисаилу и Азарии: сделай опыт над рабами твоими в течение десяти дней; пусть дают нам в пищу овощи и воду для питья; и потом пусть явятся перед тобою лица наши и лица тех отроков, которые питаются царскою пищею, и затем поступай с рабами твоими, как увидишь. Он послушался их в этом и испытывал их десять дней. По истечении же десяти дней лица их оказались красивее, и телом они были полнее всех тех отроков, которые питались царскими яствами. Тогда Амелсар брал их кушанье и вино для питья и давал им овощи.

Дан. 1:11-16

Из всех видов пищи одна неподвластна демону смеха и иронии — это хлеб.

О, сколь блаженны восседающие за той трапезой, где вкушают ангельский хлеб! И сколь несчастны те, кто питается той же пищей, что и скотина!

Данте. Пир

Трудно сказать, что такое ангельский хлеб. Речь кормилицы. Колыбельная или сказка на ночь. Простая песня. Или «благодать ясной мысли» — кушанье, столь понравившееся Н. П. Ильину. Во всяком случае символом божественности, благородного происхождения служит зерно — основная аллегория Данте, указывающая на преемственность, предание, на традиции, на наше многовековое уважение к этому продукту.

Так, обратив свои взоры вспять и собрав воедино все приведенные выше доводы, можно увидеть, что хлеб, с которым надлежит вкушать приводимые ниже канцоны, достаточно очищен от пятен и оправдан в том, что он из овса, а не из пшеницы. Настало время подавать само кушанье. Итак, это будет тот ячменный хлеб, которым насыщаются тысячи; для меня же останутся полные коробы. Он будет новым светом, новым солнцем.

Данте. Пир

Об имитации языка

Есть царская пища и есть божественная. Благородная в смысле происхождения. Зерно рождается от зерна, а первое зерно создано Богом. Если угодно произносить суррогатные слова, то природой, «направленностью биологического развития» или чем-нибудь еще вроде «самоорганизующейся материи». То есть этого Бога будем имитировать. Однако тогда следует признать в качестве результата деятельности «самоорганизующейся материи» и науку «химию», которая, в свою очередь, породила массу пищевых заменителей. Мы имеем дело с «имитацией». Вино — продукт, который божественным назвать, наверное, нельзя, но в умеренных дозах он допускается. А вот его имитации — использование разного рода химических добавок, «улучшающих вкус», вызывают отрицательную реакцию во всем мире. Одни страны борются с этим одним способом, другие другим. Обычно не государство бегает за виноделами, а, наоборот, изготовители ищут способ, чтобы их контролировали, иначе потребитель побоится покупать. Когда начинают давить виноград, то виноградарь специально приглашает гостей и водит их по своей давильне и маленькой фабрике, чтобы показать: вот, я открыт перед вами, у меня нет никакой имитации. Когда делают яблочный сок или сидер на крестьянской фабрике, то весь процесс демонстративно открыт. Конечно, продукт получается несколько дороже, чем сок, изготовленный по рецепту гражданина Корейко с добавлением химического порошка соответствующего вкуса. Казалось бы, так просто. Все уже придумано для нас если не Богом, то природой. Вода из почвы поступает в корни яблони и по капиллярам поднимается вверх. Мало того, что очищается, но еще и снабжается витаминами, изготовленными на лучшей фабрике. Не нужна никакая имитация. Да нет, мы, к сожалению, предпочитаем пользоваться очистителями воды (в лучшем случае) и порошком.

Божественное, как правило, очень просто, естественно и незаметно. Дети катаются на санках с горы. Это явление божественное. На этой горе постро-

или дом. А вот это безбожно. Строители, правда, деревянную горку сделали во дворе. А вот это уже имитация.

Красивый архитектурный вид. Река, собор, старые клены. Пусть будет, казалось бы. Нет, надо пририсовать портрету усы. Обязательно обозначаться, что здесь был я. Не тобой ведь это построено, другой стиль, другое время. Придумали выражение «стилизация под...». Под модерн, под русский ампир, под что-то еще. Почему не «в стиле»? Стилизация и есть имитация.

Есть слова-пары: слово на русском языке и его иностранный аналог, «калька». Слова синонимы или «псевдосинонимы». Одно вроде бы буквальный перевод другого, но есть едва уловимое различие. Присмотрись внимательнее — и это различие становится существенным. Еще внимательнее — да это просто разные слова. А иногда так и просто противоположны по смыслу. Одно становится имитацией другого, хотя чаще всего в своем родном языке эти «кальки» ничего не имитируют и имеют свою естественную область употребления.

Например: Гораций, Бойль, Мариott, Лобачевский, Гуттенберг и Анастасия Франс были, конечно, деловыми людьми. Но они никогда не были бизнесменами.

Когда мы говорим «управляющий», то немедленно поясняем слушателям, чем человек управляет: конторой «Рога и копыта», трестом «Геркулес», химическим производством, морским судном или космическим кораблем. В зависимости от этого нужны совершенно различные способности, навыки и образование. Когда же мы говорим «менеджер», то такие вопросы не возникают. Менеджер он и есть менеджер.

Слово «патриотизм» и выражение «любовь к родине» имеют разный «характер». Первое, появившись не так давно в нашем языке, уже пустило корни, то есть имеет свои корневые образы. Одним является ракета класса «земля — воздух», сбивающая вражеские стратегические ракеты, приближающиеся к нашей родной родине, чтобы нанести ей урон. Другой — образ милого, но твердого характером, прошедшего сквозь суровые испытания Миши Карлеоне, речь которого перед сенатской комиссией США, изданная недавно в нашей стране в прекрасном литературном переводе, столь глубоко тронула всех нас.

«Любовь к родине» — выражение более мягкое и менее боеспособное. Скорее вспомнишь что-нибудь сентиментальное.

*Играйте же, дети! Раствите на воле!
На то вам и красное детство дано,
Чтоб вечно любить это скучное поле,
Чтоб вечно вам милым казалось оно.*

Н.А. Некрасов

Про человека, который ходит каждый день за грибами, как Тургенев на охоту, можно сказать, что он любит родину, но для того, чтобы сказать, что он патриот, информации недостаточно. Про чиновников, которые живут за большими сте-

нами и заборами, можно сказать, что они почти все патриоты. Но для любви к родине не хватает воли. Или поля. Впрочем, поле можно и купить. Данте и Пушкин, конечно, были патриотами. Похоже, что и за грибами любили ходить.

Для слова «интеллигентный» мы не найдем однозначного парного русского эквивалента, хотя буквально итальянское слово «intelligente» переводится практически однозначно: «умный». Мы приписываем интеллигентному человеку образованность, воспитанность, придаём ему некоторые черты благородства, даже «праведничества», предполагаем некоторую возможность передачи интеллигентности по наследству или получения по наследству. В начале двадцатого века слово «интеллигенция» вошло в употребление не только в России, но, пожалуй, только у нас оно нашло столь отчетливое, настойчивое и иногда даже мистическое употребление. В навязчивом использовании этого суррогата отразилась драма страны, теряющей свое дворянство, своих аристократов, своих праведников и тот совершенно неопределляемый тип людей, которых англичане называют джентльменами.

Когда мы хотим подчеркнуть, что человек, о котором мы говорим, настолько своеобразный, живой и характерный, что находится вне наших трафаретных оценок, мы говорим «личность». Вот Петя, к примеру, это личность. Парное слово «индивидуум» выглядит не так симпатично. «Ну ты и индивидуум», — говорим мы.

Слово «имитация» является парным к слову «подражание». Его имитацией. Хотя и имитация может использоваться с положительным оттенком, например, когда в тирольских песнях имитируются горные звуки птиц, воды, эха. Но подражание уже в ряде случаев просто и рекомендуется. В Библии достаточно таких призывов. «Будьте как голуби», «будьте как козлы впереди стада овец», и так далее.

Будьте подражателями мне, как я Христу.

(1Кор. 11:1)

Более того, имейте мужество пользоваться чужим умом и подражать достойным примерам. Если вы художник, то копируйте лучшие образцы. Ваша «самобытность» никуда не денется. Яблоко останется яблоком, даже если и приобретет вид и вкус благородный, а не кислый. Какие образцы считать лучшими? Если бы в этом не было проблем, то и не было бы столь ревностного соревнования в подборе «пантеона святых» у разных религий, народов, да просто людей.

Можно имитировать религиозность и благочестие. Правда, не очень понятно, как можно имитировать благородство или честность. Впрочем, имитировать можно все. Например, экономику.

У тихоокеанских островитян есть религия самолетопоклонников. Во время войны они видели, как приземляются самолеты, полные всяких хороших вещей, и они хотят, чтобы так было и теперь. Поэтому они устроили что-то вроде взлетно-посадочных полос, по сторонам их разложили костры, построили деревянную хижину, в которой сидит человек с деревя-

вяшками в форме наушников на голове и бамбуковыми палочками, торчащими как антенны - он диспетчер, - и они ждут, когда прилетят самолеты. Они делают все правильно. По форме все верно. Все выглядит так же, как и раньше, но все это не действует. Самолеты не садятся. Я называю упомянутые науки науками самолетопоклонников, потому что люди, которые ими занимаются, следуют всем внешним правилам и формам научного исследования, но упускают что-то главное, так как самолеты не приземляются.

Ричард Фейнман. Наука самолетопоклонников

Мы хотим построить экономику по западному образцу. Вроде бы делаем все правильно. Есть банки, есть налоговая инспекция, менеджмент. Есть, наконец, проституция, есть игорные дома. По форме все верно. Только очень уж это похоже на имитацию. И эта большая имитация порождает массу слов-имитантов, слов-плеток, лишающих нас способности видеть и различать.

Можно имитировать все. Счастье, вдохновение, свободу и даже жизнь. К слову «имитация» мы, как правило, относимся отрицательно. А вот слово «подражание» вызывает другие ассоциации.

Ребенок подражает взрослому. Футболист сидит на трибуне и смотрит, как играет команда Бразилии. Если он не « болеет», а просто наслаждается игрой, то что-то происходит на физиологическом уровне. Это гипотеза, наблюдения, я не могу это доказать, но мое субъективное убеждение состоит в том, что происходят некоторые процессы внутри нервной системы, мозжечка или на уровне синаптических связей, но управляющая программа перенастраивается, совершенствуется. Причем это происходит само собой, человек является как бы визуально самонастраивающейся системой. Футболист должен смотреть игру классных команд, это должно быть частью тренировочного процесса. Насколько часто — не знаю. Это как соль — кладется по вкусу.

Человек — всегда в значительной степени selfmade, то есть делающий сам себя. От того, на что вы себя настроите, зависит то, во что вы себя превратите. Подражайте Копернику, Пушкину, царю Соломону, кому захотите: Мильтону, Оссиану... Не бойтесь превратиться в них. Бойтесь превратиться в обезьянок. Читайте хорошие книги. Ходите в театр, чтобы слушать декламации трагиков, пьесы Шекспира, Мольера. И тогда заметите, что человечество не так уж и глупо, как вам казалось. И фильтр столетий дает вам возможность пить чистую воду.

Нужно ввести на сцену во всем блеске все совершеннейшие драматические произведения всех веков и народов. Нужно давать их чаще, как можно чаще, повторяя беспрерывно одну и ту же пьесу. И это можно сделать. Можно все пьесы сделать вновь свежими, новыми, любопытными для всех от мала до велика, если только сумеешь их поставить как следует на сцену. Это вздор, будто они устарели и публика потеряла к ним вкус. Публика не имеет своего каприза; она пойдет, куда поведут ее. Не попом-

чую ее сами же писатели своим гнилыми мелодрамами, она бы не почувствовала к ним вкуса и не потребовала бы их.

Н.В. Гоголь

Подражайте! Подражал и Пушкин. А вот слово «имитация» не приклеивается к нему. Хотел бы и я подражать Данте, но хоть (надеюсь) и заразился его духом, все-таки мои эмоции больше похожи на имитацию. В данном случае это оправдано частично тем, что цель моя совершенно практическая — объяснить, как у Пушкина появилось выражение «имитация чужого языка» и почему оно приводит к безумству.

Молва, направленная против нашего народного языка, разносится уже давно. О причинах, ее вызывающих, сказано ниже, после настоящего рассуждения. Помянутые нами слепцы, которым нет числа, положили руки на плечи лжецам и упали в яму, не зная, как из нее выбраться. Различающего зрения чаще всего бывают лишены простолюдины, потому что, будучи с малых лет заняты каким-нибудь одним ремеслом, они в силу необходимости настолько вкладывают душу в ремесло, что ничем другим не занимаются. Наряд добродетели, как моральной, так и интеллектуальной, невозможно приобрести вдруг, но лишь в результате опыта, тогда как их опыт ограничивается каким-то одним ремеслом и они не заботятся о том, чтобы различать и другие вещи, и, таким образом, не могут обладать и способностью различать. Поэтому и случается, что они часто поют за здоровье собственной смерти и за упокой собственной жизни, стоит лишь кому-нибудь подать голос, а при слепоте это порок в высшей степени опасный. Недаром Бозций считает народную молву суетной, находя, что она лишена способности различать. Таких людей следовало бы называть баранами, а не людьми: в самом деле, если бы один баран бросился с обрыва высотой в милю, все остальные за ним последовали бы; и если один баран при переходе через дорогу прыгнет, то прыгают и все остальные, даже не видя, через что им прыгать. Я сам видывал некогда многих, которые скакали в колодезь из-за одного туда уже спрыгнувшего, воображая, быть может, что они перепрыгивают через стенку, невзирая на то, что плачущий и кричащий пастух преграждал им путь руками и грудью.

Данте. Пир

О происхождении языков

Говоря о происхождении языков, мы невольно обращаемся к библейской истории, столь насыщенной аллегориями, подчас непроясненными, а иногда и слишком затуманенными многочисленными толкователями. Тот факт, что эта история вступает зачастую в противоречие с историей «научной», приводит иногда в растерянность, но мы к этому уже привыкли. Иногда эта противоречивость представляется даже полезной, поскольку является стимулом новых исследований и поводом для размышлений. Как некий стимулирующий диполь выступает вопрос о происхождении языков. В соответствии с библейской генеологией прайзиком был язык Адама и Евы, язык, на котором говорили их потомки до того, как начали строить известную башню, то есть еврейский.

...мы утверждаем, что определенная форма речи была создана Богом вместе с первой душой. Я говорю «форма» и в отношении наименований вещей словами, и в отношении строения слов, и в отношении их выговора; и эта форма применялась бы во всяком языке говорящих, если бы не распалась по вине человеческой самоуверенности, как будет показано ниже. Этой формой речи говорил Адам; этой формой речи говорили все его потомки вплоть до строения башни Вавилона, что означает башню смешения; эту форму речи унаследовали сыны Евера, называемые поэтому Евреями. После смешения она сохранилась только у них, дабы Искупитель наш, вознамерившийся из человека любия родиться у них, пользовался не языком смешения, но благодати. Итак, еврейский язык был тем, какой издали уста первого говорящего.

Данте. О народном красноречии

Но Библия столь своеобразна и столь сильно отличается от разного рода учебников, что мы, уже неоднократно столкнувшись с тем, насколько сильно библейская гармония отличается от алгебры нашей логики, не очень-то пытаемся их совместить и, честно говоря, особенно всерьез все эти версии не принимаем. Тем не менее попробуем внимательно прочитать соответствующий отрывок и понять, что и зачем.

На всей земле был один язык и одно наречие. Двинувшись с востока, они нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там. И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести. И сказали они: построим себе город и башню, высотою до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли. И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать; сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город. Посему дано ему имя: Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле. (Быт. 11:1-9)

Текст представляется на первый взгляд достаточно простым. И вряд ли стоит повторять классическую библейскую интерпретацию этого сюжета. Был один язык — стало много: еврейский, греческий, латынь и т.д. Однако слишком уж это все очевидно. Попробуем внести сомнения.

Первое сомнение. Процитированный отрывок (сюжет, притча, басня, поучение) является как бы вставкой к повествованию о генеалогии первых потомков Ноя, распространяющихся по земле. Перед этой вставкой, в предыдущей главе, мы встречаем фразы:

Сыны Иавана: Елиса, Фарис, Киттим и Доданим. От сих населились острова народов в землях их, каждый по языку своему, по племенам своим, в народах своих. (Быт. 10:4-5). Это сыны Хамовы, по племенам их, по язы-

кам их, в землях их, в народах их. (Быт. 10:20). Это сыновья Симовы по племенам их, по языкам их, в землях их, по народам их. (Быт. 10:31).

Вроде бы языки, как и племена, уже разделились. Если же отрывок возвращает нас ко времени до этого разделения, чтобы пояснить, как это разделение произошло, то непонятно, какие из потомков Ноя отправились в землю Сеннаар. Почему именно туда, и как получилось, что они были достаточно многочисленны и уже умели делать кирпичи и асфальт. Видимо, и многое другое, поскольку решили делать себе имя. Одна из возможных версий состоит в том, что указание на время либо не нужно, либо подчеркнуто отсутствует. Так мы говорим, когда хотим рассказать поучение в виде сказки, басни или былины: «в некотором царстве, в некотором государстве», «во времена царя Гороха», и т.п.

Второе сомнение. Слово «язык» встречается до этого отрывка и после. А вот слово «наречие» встречается в Библии не столь часто. Один раз в псалмах, да еще и в Евангелии: у Марка 14 – 70 и в первых двух главах Деяний апостолов. Правда, встречается еще и «глагольный» вариант: «наречь», «нарекать». Заметим, что все эти слова, относящиеся к языку, имеют «низкий» или «конкретный» смысл и «высокий», «духовный». То же самое относится и к человеку. С одной стороны, он «прах», с другой — творение «по образу и подобию Бога». То же самое относится к слову «слово». Оно совершенно конкретно и, в то же время, означает и «дух Святой» и «Сына Божия». Слово «язык» означает и конкретный орган человеческого тела, и «словарь», используемый каким-либо народом, и нечто более сильное и важное: существование «само-сознания» этого народа, а для этого существование того, что мы называем «сочувствием», одинаковую логику, и, в частности, более или менее одинаковое понимание самых конкретных наречий: что такое хорошо и что плохо; что умно, а что хитро; что быстро, а что суетливо; что «божественно», а что просто «красиво».

Третье сомнение. Рассеяние по земле не есть наказание людям, а первоначальное намерение Бога.

И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими и над птицами небесными, и над всяkim животным, пресмыкающимся по земле. (Быт. 1:27-28)

Таким образом, в том отрывке, который мы обсуждаем, наказания пока не видно, точнее говоря, наказание не в «рассеянии». «Рассеиваться», расселяться по земле потомки Ноя начали и до этого. Но что-то им помешало. Они увлеклись строительством. Зачем здесь понадобилась конкретика? Она, конечно, очень поучительна и характерна. Со временем мы все более используем искусственный материал для построек, который все менее и менее удобен, красив, здоров для человека. Возьмите дворец в Ливадии. Он

построен из белого камня. Удивительно красивый. Рядом постройки из железобетона — удивительно безобразные. Можно строить спокойные теплые дома из ракушечника, туфа, то есть из естественных камней. Или из дерева. Обычный кирпич — ладно, мы к нему привыкли. Следующий этап — силикатный кирпич, который уже гораздо менее здоров и приятен глазу. Но мы идем дальше и заменяем его бетоном, затем железобетоном, затем металло-пластиком. То же самое с асфальтированием городов. Это тотальное асфальтирование ужасно, но интересно то, что оно действительно притягивает. Эта искусственность притягивает. Население всасывается в города.

Четвертое сомнение. Уже одно только наличие «Божественного императива» показывает, что Бог рассматривает человека как самосовершенствующуюся систему, что именно таким он и хотел его создать. Но чтобы совершенствоваться и разобраться, в частности, в том, что Он же мне и наказывает, я не могу не пользоваться своим умом, своей интуицией, воспитанной моим и чужим опытом, в общем, всем, что в меня вложено. И этот опыт говорит, что если понимать языки очень ограниченно, как набор словарей, включая фразеологические, грамматических правил и правил произношения, то есть так, как мы их сейчас понимаем, то неясной становится сама проблема. Я не вижу причины прекращать строительство. Два математика, китаец и русский, не знающие ни одного другого языка, могут прекрасно понять друг друга и преуспеть в совместной работе. Футболисты клуба, в котором собраны игроки разных стран, как правило, достаточно быстро находят общий язык на поле, хотя и не сразу им удается выучить язык той страны, в которой они играют. Робинзон Крузо и Пятница смогли договориться без труда. Для того, чтобы преодолеть возникающие проблемы, не нужен особенный ум. Нужно другое: терпение, время, желание.

Примеров можно приводить много, но, надеюсь, мысль достаточно понятна. Если смогли придумать использование кирпичей и асфальта, то уж научиться понимать разделяющиеся языки при наличии желания было бы несложно.

Пятое сомнение. В Библии не говорится «разделим», а говорится «смешаем». «Смешаем там язык их». Предположим (абстрактно), что вся Европа говорила на одном языке, а затем, через некоторое время заговорила кто на шведском, кто на финском, кто на французском, кто на итальянском... Непонятно, почему это следует назвать смешением. Более того, не вижу в этом наказания. Красивые языки. В России времен Владимира Мономаха говорили еще и на большем количестве языков. При Романовых говорили на мордовском, ижорском, якутском, цыганском... Огромное количество языков. И как-то проблемы, если и возникали, то не из-за этого. Подозреваю, что смешение языка — это что-то другое.

Про симпатичную, толковую и образованную девушку, которая при этом присутствует, говорят, что у нее уже есть бойфренд. Если бы сказали — друг, приятель, жених, ну, в крайнем случае, любовник, — я бы знал как себя вести. Но тут я как-то засмутился. Наверное, ничего плохого никто сказать не хотел, но на всякий случай я перевел разговор на другую тему.

Про автора серьезной книги, которую я купил в уважаемом месте, читаю: «Он стремится восстановить связь времен, преодолеть сейсмический провал глубиной в семь десятилетий, понимая, что обретение исторической памяти имеет для нас не только гносеологическое, но и, главным образом, экзистенциальное значение». Меня это смущило. Неужели же нельзя сказать это же по-русски? Это смущение мешает читать книгу спокойно и свободно. Все-таки раскрываю:

В творениях Григория Паламы указанные модусы четко различаются, но терминологически они входят у него в общее понятие «энергия», которое выступает как синоним любого «выхода» Бога из своей сущности. Да, в этом смысле логосы — энергии. Но по своему характеру, форме и способу проявления это совершенно иная категория. Логосы — это образы, знаки, парадигмы, генетические коды, «перфокарты», существующие вечно в Божественном Разуме. Однако, чтобы стать реальностью в этом мире, найти воплощение и ожиться, они должны соединиться с духовными энергиями.

Я абсолютно уверен, что ничего плохого автор сказать не хотел, но у меня все спуталось: «энергия», «логос», «выход Бога из своей сущности».

Думаю, что примеров достаточно для того, чтобы обратить внимание на то, что «смешать» и «разделить» — это далекие по смыслу глаголы. А вот «смешать», «спутать», «смутить» — родственные.

Все ясное, обычное, простое,
Все спуталось, и рухнули устои.
А жизни нет. Жизнь только снится нам.

Камоэнс

Парность языков и принцип Альберти

Среди множества вещей, которые нас путают, смущают, загрязняют язык, находится и самая обычная и естественная изменчивость языка.

Если хорошо приглядеться, мы придем к заключению, что в городах Италии за последние пятьдесят лет многие слова исчезли, возникли и изменились; поэтому если короткий срок вызывает такие превращения, то более долгий порождает их в еще большем количестве. Таким образом, я утверждаю, что если бы те, кто покинули эту жизнь тысячу лет тому назад, вернулись в свои города, они подумали бы из-за различия в языке, что город их занят чужеземцами.

Данте. Пир

Данте говорит о латыни, как об языке, парном к итальянскому, но парном совсем не в том смысле, что один из них является «имитантом» другого. Латынь для него — столь же благородный язык.

Итак, во избежание беспорядка нужен комментарий, который в качестве слуги нижеследующих канцон должен им подчиняться в любых обстоятельствах, понимая потребности своего хозяина. Всех этих качеств он был бы лишен, будь он написан по-латыни, а не на народном языке, так как канцоны сложены на языке народном. Он был бы также не подчиненным, а господствовал бы благодаря своему благородству, достоинству и красоте. Благодаря благородству — поскольку латинский язык неизменен и не подвержен порче, народный же — неустойчив и подвержен порче. Поэтому мы и видим в комедиях и трагедиях, написанных в древности и неизменных, тот же латинский язык, каким мы владеем и ныне; не так с языком народным, который, следя прихоти, а также искусству им пользующихся, изменяется.

Данте. Пир

Латынь уважали и наши предки. Для них — это язык не только крылатых выражений, но и ясной, развитой мысли. Иногда он, как и все языки, с трудом поддается переводу, но будучи «зафиксированным» (не хочется называть его мертвым), он редко допускает смущающие и путающие двусмысленности, сомнительные образы. Жаль, что сейчас мало людей, которые могли бы хорошо понимать латынь.

Многие народы России говорят на своем языке и на русском. Европейцы говорят на своем языке и английском. Многие жители Финляндии говорят и на шведском. В наших церквях богослужение проходит частично на церковнославянском. Каждое из этих явлений, наверное, должно по-своему объясняться, но ни в одном случае я не испытываю никаких отрицательных чувств. Даже негативных оттенков. Языки — живые объекты и нуждаются друг в друге.

Мы говорим: итальянский язык, язык венцов, язык предков. И также говорим: язык Пушкина, язык Библии, относясь к этим языкам как к самостоятельно живущим явлениям. Чтобы почувствовать слово, надо посмотреть, как оно «работает» в другом языке. Мы можем найти и в Библии и у Пушкина слова «свобода», «мужество», «радость», но не найдем слов «революция», «волюнтаризм», «демократические преобразования». Трудно представить себе в этих языках «логосъ», «энергии», «модусъ». Впрочем, в этих языках трудно представить также слова «интеграл» и «производная».

Последние слова чисто «технические». Они взяты из «птичьего языка» специалистов, который является «надстройкой», порождением искусственной человеческой деятельности. Некоторые из этих слов постепенно входят в обиход и становятся частью народного языка (хотя с некоторым содроганием думаешь о временах, когда кормилицы будут употреблять подобные слова). Изменения такого типа могут быть допустимы, когда они «в меру», то есть язык успевает их «переработать». Если «новые слова» обрушаиваются потоком, они вызывают «смущение», «путают», «смешивая» смысл.

Есть изменения и другого типа, когда слова старые, но меняют свои значения. Например, в те самые времена, когда появилось слово «интеллигенция», появилось и новое и ставшее основным значение слова «хам». Так сначала стали называть извозчиков, затем людей низкого сословия, а

затем людей грубых, с грубой, оскорбительной речью. Библейское значение этого слова оказалось ненужным, а содержащийся в нем негативный, неприятный оттенок перенесли на другой объект. Мы до сих пор употребляем это слово неправильно, называя «хамством» грязную, неприличную, оскорбительную речь, несмотря на существование очень сильного корневого образа.

Пушкин один раз использовал слово «хам» и, следует сказать, по отношению к человеку, который не был «извозчиком», никогда не был уличен в употреблении грубых, нецензурных или внешне оскорбительных выражений. Термин, как обозначение некоторого феномена, «ушел в сторону» и без названия осталось то явление, когда взрослые люди как первоклашки тянут руки, дрожа от нетерпения: — а можно я, можно я скажу, — явление, которое и должно называться словом «хамство». Это хамство редко когда сочетается с грязной речью. Обычно оно носит голубые и красные ленты и выражается очень даже интеллигентно. С сочувствием, с искренней верой в правильность понимания слова «правда», иногда с трогательностью, а иногда и с мужской серьезной решительностью.

Когда мы говорим «язык», то невольно ограничиваем себя его «видимой» частью. Но есть еще и «логика языка», «убедительность речи», «доказательность рассуждения», «красота высказывания». Тут путаницы еще больше и смешения и смущения. Мы упрощаем слово «слово» и понимаем его как «имя», а «имя» понимаем как ярлык. Математическую логику считаем моделью живого языка, но ведь там основная цель — уметь сказать «истинно» или «нет», «хорошо» или «плохо», а в живом языке нет такой основной цели.

Как можно язык еще назвать? «Дух» не подходит. Можно сказать «дух времени» или «дух народа», но «дух языка» как-то не получается. Средство общения? Инструмент общения? Все-таки что-то более... Более какое?

Вернемся к «парности языков». Хочется придумать какое-нибудь сравнение и сказать, например, что латинский был чем-то вроде эталона для народного итальянского. Не очень хорошо. В музыке есть камертон. Но вот когда мы говорим об исполнении какого-либо даже классического произведения и называем это исполнение эталонным, то сравнение используем скорее метафорически. Проще говоря, для того, чтобы разнобразить слова похвалы.

Вернемся к проблеме «речевой грязи» и эталонной чистоты. Существует эталон чистоты спирта. Существует эталон чистоты воды. Можно приготовить практически абсолютно чистую, дистиллиированную воду. Но зачем? Вода в Байкале очень чистая — дно прекрасно видно на глубине ста метров. Но все-таки не дистиллированная. А в Волхове вода совсем непрозрачная: и на глубине двух метров ничего не увидишь. Но и там, и там водится рыба. И неплохая. Без всяких там пятнышек у плавников. Если мы заменим воду в Байкале и в Волхове на дистиллиированную, то рыбы не будет просто никакой. Без «грамматической ошибки» речь нам кажется «дистиллиированной» и какой-то неживой.

Есть вещи, которые нельзя делать слишком тщательно, стремясь достичь совершенства. Например, слишком тщательно пережевывать пищу. Или тщательно разбираться с тем, что такое народность. Или перепахивать землю, пока она не превратится в пыль.

Принцип Альберти: Пахать землю и хорошо и плохо.

Воспользуюсь и я принципом Альберти и закончу разговор о языке.

Следует помнить, что языковые знания — это не физическая сила и способность к тому, что можно назвать «искусством языка». Это то, что может произойти, когда вы будете говорить с людьми, которые не знают языка. Но если вы хотите, чтобы люди понимали вас, вам нужно учиться им говорить и мыслить на их языке. Это не значит, что вы должны говорить на языке, который вы не знаете, но вы должны уметь говорить на языке, который вам известен.

Следует помнить, что языковые знания — это не физическая сила и способность к тому, что можно назвать «искусством языка». Это то, что может произойти, когда вы будете говорить с людьми, которые не знают языка. Но если вы хотите, чтобы люди понимали вас, вам нужно учиться им говорить и мыслить на их языке. Это не значит, что вы должны говорить на языке, который вы не знаете, но вы должны уметь говорить на языке, который вам известен.

Следует помнить, что языковые знания — это не физическая сила и способность к тому, что можно назвать «искусством языка».

Следует помнить, что языковые знания — это не физическая сила и способность к тому, что можно назвать «искусством языка». Но если вы хотите, чтобы люди понимали вас, вам нужно учиться им говорить и мыслить на их языке. Это не значит, что вы должны говорить на языке, который вы не знаете, но вы должны уметь говорить на языке, который вам известен.

Следует помнить, что языковые знания — это не физическая сила и способность к тому, что можно назвать «искусством языка». Но если вы хотите, чтобы люди понимали вас, вам нужно учиться им говорить и мыслить на их языке. Это не значит, что вы должны говорить на языке, который вы не знаете, но вы должны уметь говорить на языке, который вам известен.

О НАРОДНОСТИ В ЛИТЕРАТУРЕ

Рассуждение, читанное в торжественном собрании императорского С.-Петербургского Университета Ординарным профессором оного Плетневым 31 Августа 1833 года.

Между бесчисленными памятниками, свидетельствующими о творчестве человеческого духа, всех разнобразнее и всех прочнее произведения Словесности. С тех пор, как им усвоено существование в знаках видимых, до нашего времени они могли сохранить неизменно те образы, которые вверила им духовная деятельность человека. Над прахом предшествовавших нам поколений, еще прежде, нежели совершилась судьба всего человечества, они уже в некотором смысле прообразуют удел бессмертия. Понятно, зачем, в эпоху высшей образованности каждого почти народа, наблюдательный ум старается привести в совокупность разные способы, которые произведениям Словесности доставляют истинные совершенства. С ним неразлучно убеждение, что в их характеристике одно поколение завещает другому все тайны судеб своих.

В числе главных принадлежностей, которых современники наши требуют от произведений Словесности, господствует идея народности. Она представляет собою особенность, необходимо соединяющуюся с идею каждого народа. Сколько же предметов должно войти в ее совокупность! Черты, составляющие физиономию души нашей, предварительно были как стихии в том обществе, которое воспитало наши страсти, в той природе, которая упивала наши чувства, в той Религии, которая возвысила наши помыслы, в тех обычаях, которые освящены для нас давностию, в тех предрассудках, от которых не спасает нас никакая философия. Еще более: один и тот же народ, в разные периоды своей Истории, при содействии разных причин, скрывающихся то в Политике, то в Морали, то в ученьих мнениях какого-нибудь времени, является с бесчисленным множеством оттенков, которые все принадлежат рассматриваемой идеи.

В звуках слова *народность* есть еще для слуха нашего что-то свежее и, так сказать, необносившееся; есть что-то, к чему не успели мы столько привыкнуть, как вообще к терминам средних веков. Не трудно впрочем убедиться, что новейшей Литературе принадлежит одно только это выражение, а самая идея современна древнейшим Писателям. Где больше народности, как в произведениях Греческой Словесности? Отделите от каждого из них частные черты, принадлежащие характеру Сочинителя, силам его таланта, эпохе его

жизни, возрасту его, сану и другим бесчисленным обстоятельствам, по которым он действовал; отделите это все и рассматривайте в сочинении одно главное, то, без чего дух человеческий не может творить; рассматривайте в нем порознь человека, общество, Природу и действия Высшей Силы: для Вас исчезнет пестрота книжных названий; все сольется в одну идею древней Греции. В самом деле, есть ли, например, какое-нибудь существенное несходство между Гомером и Аристофаном, Софоклом и Фукидидом, Пиндаром и Феокриппом? Внимательному наблюдателю весь этот литературный хаос представляется как единый образ, отразившийся в нескольких зеркалах, то в большем, то в меньшем виде, смотря по их объему, — образ ясный, живой, блещущий выразительности и истиной. Перед вами беспрестанно являются то мифологические лица, сии странные создания высокой Поэзии и грубой чувственности, то исторические черты Греческих племен, то сцены жизни их, которая развивалась и от цветала на торжищах, которая питалась общественными волнениями и не постигала лучших наших благ: уединенного труда и любви семейственной, то наконец, торжественные их игры, это великолепное позорище, на котором воспитывались, вдохновение, гражданская достоинность и самое чувство религиозное. Сии главные черты, с бесчисленным множеством других резких отличий существования нации, составляют основу творений, до бесконечности разнообразных, но в то же время исполненных единства, которое только и может быть изъяснено идею народности.

Выразительность характера составляет одно из самых блестящих достоинств каждого предмета, даже в физическом мире. Ею ознаменовала Природа только те из своих произведений, которые полным развитием сил своих достигают главной цели существования и таким образом все лучшее от своего бытия вносят в общую гармонию Вселенной. Мы с жадностью рассматриваем их как «венец творения»; ими познаем возможное здесь совершенство; мы изучаем судьбу их, и по ней разлагаем свои догадки на уделы прочих созданий. Тем привлекательнее, тем поучительнее созерцание стройного и самобытного развития духовных сил целой нации! В нравственном мире столько разнообразных явлений, столько тайнств, к покрову которых мысль еще не прикоснулась, что его изучение не пресытит самой долгой и самой неутомимой жизни. Оно только приблизит душу к ведению, преимущественно ей принадлежащему, о котором одно счастливое гадание есть уже вся человеческая мудрость, — к ведению ее самой. Историю каждого народа разрешается один какой-нибудь важный вопрос о человечестве. Если бы можно было теперь уже дочитать остальные части этого огромного творения, которого разрозненное начало, в детской суетности, мы осмеливаемся называть Всемирною Историей: то душа наша мгновенно исполнилась бы тех тайных сил, которые некогда должны возникнуть в ней над прахом последнего из жителей одряхлевшей планеты нашей.

В нынешнее время убедились наконец, что истинная, действительная История народа есть его Литература, вся, исследованная во всех ее эпохах. Она вполне разоблачает жизнь, ясно свидетельствуя о каждом покушении духа на бесчисленных путях его деятельности, и определяя точно каждую

степень, которой он достигнул. Сознавая столь высокое достоинство в резких чертах ее, любопытный ум невольно влечется к постижению тайны, разгаданной древними Греками, коих Словесность представила нам первый и прекрасный образец народности. Исследование сего предмета требует взгляния на все стороны гражданской их жизни и на ее отношение к Литературе. Из Истории Греков видно, что они прошли все степени гражданственности. От состояния самого дикого до последней утонченности человека в обществе; на этом долгом пути, они встретили все, что их веку предопределено было Высшим законом, так, что явление жизни их есть образ полноты. Превосходство идей, преобладавших в каждой эпохе их Истории, последовало свободно. Оно было непринужденным возрастанием нравственных сил человека, цветом души, который раскрывался естественно, в следствие времени и места. Ни соревнование с соседственными Державами, ни зависть, ни страх не побуждали Греков к тем неравномерным шагам, которые в пути останавливают человека преждевременно. Ход их жизни есть движение стройности. Все, чем удовлетворялись требования гражданского их быта, основывалось на свойстве духа народного. Он был и действовавшою и конечною причиной всех учреждений, всех подвигов, всех памятников существования этой нации. В состав ее гражданственности ничто не входило случайно, ничто не прилагалось с одной наружной стороны: потому что источником общественных и частных начинаний было внутреннее чувство, святилище души, во глубине которого возникает одно всеоживляющее и нераздельное с нашим существием. Устройство жизни Греков есть развитие красоты органической.

Если таковы были стихии, которые слились и, в стране прекрасной, в центре тогдашнего мира, образовали нацию: то удивительно ли, что каждая часть этого целого дышала гармонией; что во всей Вселенной не представлялось ей бытия, согласнее ее с совершенством, как на том месте, где оначувствовала первую жизнь, как с теми отношениями и на тех условиях, которыми, казалось, жила уже сама душа прежде всякого своего сознания? Это как бы врожденное чувство наконец освятило в Греции мысль, что для человека на земле нет выше назначения, как сodelаться прекрасным гражданином; что все его достоинство заключается только в гражданских доблестях; что вне гражданства нет цели существования. В храмах, в академиях, на торжищах, в судах, в театрах, везде проповедывалась эта истина; все было проникнутою ею, и жить, на тогдашнем языке, значило действовать как бы то ни было, но действовать в совокупности с другими для блага и славы отечества. Следственно в каком бы кто сословии ни родился, он с детства уже главное впитал одно со всеми гражданами. Его чувства, его душа повсюду принимали те впечатления, которые должны были составить лучшее достояние его жизни. В бедности, без пособий, не употребляя никаких усилий, только не отрываясь от общества, в котором родился, обыкновенным путем жизни он доходил до той же цели, к которой все стремились. Воспитав себя в этом всенародном училище, удовлетворив первым, главным потребностям духа из общественной сокровищницы, сodelавшись прежде всего готовым принять сан гражданина, каждый добросовестно избирал себе поприще, без тщеславия и сожаления, потому что он

повиновался естественному влечению таланта, повсюду видев товарищей, которых с ним связывала равная любовь к отечеству.

Люди, таким образом стоявшие на разных ступенях гражданской деятельности, должны были различаться только формами своих произведений, вкусом в их отделке и другими качествами, зависящими частично от способностей человека, а частично от орудий, которыми он действует. Но все произведения сии, при всем их разнообразии, обрабатывались из одного общего материала, который повсюду носил с собой каждый производитель. Во всю жизнь никто из них не разлучался в душе с идеей своего отечества, его физического и политического состояния, законов его и учреждений, Веры и Истории, характера нации и обычаев ее. От того Греческие Литераторы в свои произведения перенесли все, что только из их мира могло принять словесный образ. И так Литература в Греции действительно была то же, что и самая жизнь, составляя только особенную ее форму, а не такое искусство, которого практика ищет себе задач вне существенности, то есть, вне жизни. Из этого между ними отношения произошло, что в созданиях того века есть истина, качество многозначительное, соединяющее в себе верность каждой черты, единство идеи, выразительность образа, согласное движение частей, теплоту жизни, одним словом, все, чем Природа поставила свои произведения так высоко над произведениями рук человеческих. Но что ж, как не народность, означает сия истина, когда она господствует во всех явлениях умственной деятельности, порожденных собственным духом какой-нибудь нации?

Говоря о Древних, часто указывают на Словесность Греков и Римлян так точно, как бы в это время представлялись два сходных предмета: до такой степени ум привыкает сближать и самое разнородное, когда смотришь на него с предубеждением. Так называемый классический мир соделался для нас в некотором смысле родною музыкою: потому что все, что ни звучит в нем, все веселило наше детство.

Между тем достаточно непродолжительного внимания, чтобы заметить, как одна половина этого целого не гармонирует с другою. Рим для воображения и для ума сосредоточивает в имени своем столько самобытного, столько великого и почти сверхъестественного, как будто бы в картине жизни его надлежало совместиться судьбам даже других наций, промелькнувших от частного наблюдения, когда совершил обширный круг свой этот исполин народов. Казалось, к идее человечества он должен был прибавить столько света, что после него философия Греков подобна будет мечте юности. Его Литературе, по-видимому, предопределено было явить из себя новые, колоссальные формы соответственно жизни, образовавшейся из новых стихий. Но что ж в ней представляется? Есть ли в самом деле равенство между идеей Рима и его Словесности? Тщетно будет ожидание изыскательского ума, когда он на свитках властителей мира захочет постигнуть еще неведомое ему бытие народа и воскресить его образ во всей полноте. Гордый непреклонностию воли своей, отважный в минуты самых искусствительных опасностей, изобретательный, полный самочувствия, Гений Римлян, на поприще Литературы, предстает с какою-то робкою осмотрительностию, в одежде несоответствующей его

формам, с заимствованными обо всем понятиями, которые излагает без доверенности к своим силам, в чужих красках; обходит часто самые любопытные черты, принадлежащие собственно его жизни, и заменяет их общими местами. Римской Литературе недостает народности.

Таким образом идея древняя и уже господствовавшая в полной силе утратила права свои над талантами людей еще прежде великого переворота, который последовал наконец в умственном и политическом мире. В Греции утверждению ее содействовали такие причины, с которыми связывалось благосостояние нации. От чего же Словесность Римлян не могла приобрести народности, если и в их гражданственности расцвело все доблестное, предопределеннное людям в общественном состоянии? Рим, передав нам свитки свои, на которых мы уже хладнокровно и зорко можем рассматривать все стороны, все направления, все степени его действий сокровенных, его сил духовных, Рим передал нам обличителей, всенародно свидетельствующих, что в его гражданственности не было всеобъятности и внутреннего развития. Если бы он успел окончить образование своих общежительных идей в том виде, как они развивались в течение первых пяти столетий: то в нравственно-политическом, а следовательно и в литературном отношении, он положительнее дополнил бы Историю совершенствования человечества. Отвергнув или изменив собственные свои начала, не устыдился он наконец из уст рабов заимствовать понятие о достоинстве лиц и должностей их, об отношениях граждан между собою, об употреблении сокровищ, об удовольствиях общественных и частных, о властительстве слова и высокости духа, об источниках любомудрия и плодах утонченного вкуса.

Истощая силу самобытности своей над осуществлением идеи всемирного самовластительства, Рим пренебрег другие идеи, неразлучные спутницы гражданственности утешительной и назидательной. Они отданы были на произвол влияния внешнего: и потому совокупность их, сравнительно с безграничным его владычеством, представляет что-то неповсемественное, неравномерное и неорганическое.

Ежели в таком Государстве, в котором, по духу всех древних Держав, начало умственной жизни составляло прямое приготовление к жизни гражданственной; ежели в таком Государстве, при неблагоприятных обстоятельствах для естественного развития национального ума, не могла в Литературе сохраниться народность: что ж должно было произойти с нею тогда, когда деятельность умственная и жизнь начали представлять собою два пути несоединяющиеся? Можно ли иначе выразиться, говоря о том времени, когда все умственные достоинства, всю гражданскую образованность полагали в изучении грамматических форм языка, которым после не говорили, в чтении книг о таких предметах, которых в жизни не встречали, в созерцании истин, которые оставались навсегда без применения? Над миром сиял Животворящий Крест; дух свободно возносился к Верховному Подателю чистого света; сердца людей согреты были неиспытываемыми прежде ощущениями, и ум постигал тайны, недоступные древним мудрецам. Что же творилось в литературном мире посреди сих знамений Воскресения новой жизни? Са-

мые первые глашатаи неведомых доселе дум преображенного человека еще не в состоянии были в народность облекать своих трогательных повествований и убедительных наставлений: кроме диких пустынь и мрачных подземелий, ни одной еще страны не называли они своим отечеством; повсюду, где они возникали, господствовала враждебная им гражданственность Римская. В Палестине и Греции, в Египте и в Испании, везде скитались они, преследуемые с такою же злобою, как и в самом Риме. Когда же наступила Эпоха торжества их и прозябения новых Держав; когда жизнь духовная из хаоса разноклиматных страстей, нравов, привычек, обрядов, прав, суеверий, пороков, доблестей начала разлагаться и в каждой земле принимать стройное своеобразие: тогда празднословие и суемудрие (два порождения истлевавшего в немощах языческого мира) смешали с чистыми стихиями заразительное свое дыхание. Посреди юного общества, которое не освободилось еще от естественного брожения, они, или спрavedливее сказать, жрецы их захотели из себя образовать отдельное общество, в котором по-видимому ожили древние софисты. Для первого из сих идолов отказались они от того, что одно дает жизнь Литературе, без чего душа не может мыслить, а Государство спасти свою организацию: они отказались от языка современников и предпочли ему язык исчезнувшего и чуждого им народа, не чувствуя, что самое богатство и выразительность языка сего в их устах были смешным анахронизмом. Блистая избранностию и силою слов, они в виде мелькавших теней вызывали такие понятия, суждения и образы, которые не принадлежали их гражданственности, не осуществлялись ни для них, ни для других, и никому никакой не приносили пользы. Наслаждаясь всеми удовольствиями общественной жизни, новые софисты упражняли одну из лучших способностей обще-жительного человека такими предметами, которые в их время были праздными звуками. Здесь положено было начало характеристической черте, отличающей древний гражданский быт от нового. При всей любви нашей к отечеству, не смущая самой робкой совести, мы торжественно готовим душе запас на жизнь, из которого отечество ничего себе не может взять, тогда, как у древних, особенно у Греков, мысль частного человека не могла остановиться на том, что было без отношения к гражданскому долгу. Празднословие могло бы исчезнуть при своем появлении; но оно было, так сказать, освящено суемудрием. Европейцы, прежде нежели укрепились опытами на пути новой жизни, прежде нежели обняли ее многосторонность, прежде нежели составили идею о ее существе, по естественному любопытству заглянули в храм древней Литературы. Там к изумлению своему они увидели жизнь в других красках, с другим выражением, в другом свете. Вместо того, чтобы воспользоваться новыми сведениями и ускорить приближение души своей к тому совершенству, которое заключается в зрелости ее собственных понятий, они вздумали искоренять их, посевая в душе все только заимствованное. На сих началах утверждено было и воспитание, которое уже не могло составлять введения в жизнь, но было само по себе отдельно жизнию, с прекращением которой все прежнее умирало для человека, и он снова, как младен-

нец, вступал в общество, не зная ни языка его, ни нужд, ни отношений, ни прав своих, ни обязанностей,

Вследствие первоначального ошибочного взгляда на потребности духа, самые Науки восстановлены были в том направлении и в тех странных для нас формах, которые зависели от особенностей жизни древних. В одно и то же время с одной стороны Христианская Религия утишала порывы страстей, поселяла человеколюбие, кротость, проповедывала смиренномудрие, уважение к законным Властям, связывала сердца всех святынею взаимного вспомоществования и сострадательности; с другой стороны в то же общество прокрадывались древние законы, системы языческих теологов и Политиков, испущенные чувствования полудиких республиканцев. Что было усилием, неизбежною жертвою в одном веке, то в ослеплении принимали в другом добровольно. Язык, усвоенный распространителями просвещения сего, не принадлежал остальной части их современников, не освежаясь в движении обще-жительности, не обогащаясь по требованиям вдохновительных нужд, тяготел в странной своей одежде, которую по временам пестрили столь грубыми красками, что самая наружность всех от него отдаляла. Разногласие между действительною жизнию и направлением умственной деятельности до такой степени поражало людей, стоявших вне круга учености, что одним только соблазном вещественных выгод и гражданских преимуществ можно было переманивать их за черту, лежавшую между прозелитами и профанами. Тогда, посреди благоустроенных Государств возникли общества, для поддер-жания которых потребовались новые законы: им предоставлены были осо-бенные права и льготы; на них не простирался общий устав благочиния; их ответственность ограничили выполнением известных форм, которые в по-следствии времени соделались душою всех их действий.

Какая пестрота, какое разногласие, сколько несообразностей и противоречий должно было явиться в Литературе новейших народов, когда все начала духовной их жизни так мало стремились к единству и стройности! Можно ли было ожидать в ней отражения тех явлений, из совокупности которых обра-зуется ясная и полная идея какого-нибудь Государства, если предметы его умственной деятельности и самое орудие мысли едва известны были Писате-лям. К счастию, такое направление духа было всеобщим не без исключения. Люди, знакомые коротко с действительной жизнию и в ранней деятельности привязавшиеся ко всему, что их окружая приветствовало, люди, коих душа, по необыкновенной восприемлемости каждого звука, образа, формы, оживот-воренных свежею мыслию или чувством, наполнялась ими до избытка, сии люди в литературных произведениях своих возрождали идею народности. Не подражая Древним ни в выборе материалов, ни в их изложении, ни в от-делке, на бедном и неочищенном своем наречии они с трогательным добро-душем приносили первые жертвы ума и вкуса своему отечеству, своей при-роде, своей гражданственности. Это начало во всем соответствовало проис-хождению древней Греческой Литературы. В простых и безыскусственных сказаниях того времени, в Повестях, Песнях, Балладах, Романсах, Сонетах,

везде является тогдашняя жизнь со всеми ее особенностями, поверьями, мечтами, чудесностью и неистощимым запасом приключений.

Несколько столетий оба направления сии высказывались в Европе. На каждой стороне, как и во всех спорах, являлись и мощные и бессильные защитники. Но в формах первоначального образования духовной жизни, сих созданиях безотчетной любви ко всему древнему, столько поддерживалось единства и незыблемости, что заимствованное в школе если не всегда преобладало над приобретаемым в жизни, по крайней мере беспрестанно с ним перемешивалось. Как их начала были совершенно разнородны, поэтому и в произведениях тогдашней Словесности нельзя было не заметить чего-то противоестественного. В таком образе воздвигся Дант, величайший из всех Литераторов Христианской Европы. В последствии времени, умами Европейцев овладели такие события, от которых чувство, народности по необходимости должно было охладиться еще заметнее. Наступила эпоха перемещений, правда не столь опустошительных, какими открывается позорище Средней Истории, но тем не менее опасных для единодушия каждой нации. Безвозвратное отбытие множества Европейских семейств то в Восточную, то в Западную Индию разрывало связи самые древние и самые священные. Разногласие религиозных мнений, произшедшее на Западе великий Раскол, породило нетерпимость, новую виновницу переселений, на которые начинали уже смотреть как на блестящий успех ума и общежития. Расчет подавил чувство. Тогда явились проповедники Космополитизма. Они готовы были весь род человеческий облечь в свою бесцветную одежду, концерт языков заменить одностранными звуками и сообщить сердцу холодность камня.

Европейские Государства, искушенные тяжкими и долголетними страданиями, убедились наконец, что сумудрие есть Вавилонский столп и каждое из них, подобно древним оным каменосечцам, в своем кругу спешит воспользоваться посланным ему от Бога даром. Пробуждение чувства народности возвращает граждан на тот путь, который указан Пророком Исаией их умственной деятельности. Чтобы пройти по нему с достоинством, и таким образом исполнить волю Пославшего их, они все свое подвергают изучению и ревностно ведут к совершенству. Вот что устремило ныне Европейские народы во святилище Истории, единственной сокровищницы необходимейших им благ. Там они познают весь ход гражданственности своей, и оттуда извлекают те первообразы, по которым начала одушевляться холодная их физиономия. У Греков жизнь настоящая образовала народность в Литературе; новейшие народы ею обязаны будут жизни прошедшей.

Между нынешними Державами Европы Отечество наше занимает столь высокую степень в политическом отношении, что в судьбе разных народов многое связано с его умственным направлением. История Литературы нашей так многосложна и так своеобразна, что из общих замечаний о явлениях Европейской народности не все к ней могут быть применены. В ту роковую эпоху, когда кичливая ученоść попрала отечественный язык и на несколько веков отдалила его восстание, из Христианских Держав одна Россия как святыню сохранила это драгоценное свое достояние. Одно сие обстоятельство

уже прямо повело ее к народности в Литературе. В юном Государстве возникали первые идеи о каждом предмете общежития, развивались способности к совершенствованию промышленности и удовольствий вкуса; Религия озаряла душу и смягчала нравы. Столько новых подвигов ума не потребовалось в бездне звуков, необразованных по сим понятиям и совершенно чуждых для нации: напротив у нас ум и язык были граждане одной и той же страны; из возраста в возраст они переходили вместе; являясь в самых еще ранних опытах Словесности, они уже должны были привлекать к себе внимание новостию подобного сочетания и особенностью духовной жизни, которую представляли.

Даже по тогдашним отношениям нашим неизбежное влияние Византийцев не столько вредило народности нашей, сколько на Западе владычество так называемой Классической Литературы. Известно, до какой степени переменяются дух и краски мыслей, когда их принимает в свое распоряжение другой народ, движимый собственными страстями и предпочитающий всем собственное наречие. Кроме языка, сколько еще других обстоятельств, которые первоначально также содействовали утверждению народности в нашей Словесности. В первое время мы соединились в одно Государство с такими племенами, из которых ни одно не превосходило нас успехами разума, и поэтому ни одно не в состоянии было чем-нибудь увлечь за собою господствующий народ, который для всех служил образцом жизни домашней и общественной. Россия не приняла безотчетно гражданских законов, ни древних обладателей мира, ни новых богатырей Севера. Она постигала, что самая лучшая система чуждых законов не предохраняет Государство от беспорядков, и что истинно благородительные законы рождаются посреди собственных нужд и опытов. Самостоятельности ее благоприятствовали и первые встречи с неприятелями: ее столько раз сопровождало счастье в воинских предприятиях, что все совершенное она привыкла воображать только в собственном гражданстве.

Умственная жизнь народа, представляющая в Истории своей период такой независимости и такого согласия с общими понятиями о лучшем развитии духа, должна и Литературе передать этот образ. Он в ней и был некогда. Но литературные памятники тех столетий, открытые нами, подобны отломкам статуи. Смотря на них, не можем мы не чувствовать, как прекрасно было целое, а полного совершенства до сих пор не постигнем, пока счастливый случай не соединит для нас всех его частей.

Могущество самобытного духа, когда он своим присутствием оживит первые успехи гражданственности, столь властительно, что народность не может совершенно исчезнуть в ней при самых уклонениях умственной деятельности от первого пути. Много было происшествий, которые в последствии времени противодействовали направлению первобытной нашей Словесности. Их исчисление представляет картину всех политических бедствий Отечества. Ни характер народа, ни его обыкновенный быт, ни язык самый не остались без изменения и чуждого влияния. Но посреди сих разрушительных явлений, затаенная в сердце нации, прожила еще несколько столетий

своеборзная Русская дума, которой возврения на жизнь и Природу, которой краски и тени, звуки и формы их высказывались то в назидательном поучении, то в простодушной летописи, то в любопытном описании путешествия, то в аллегорической сказке, то в народных песнях, дышащих тою истиной, которая составляет верх совершенства в произведениях человека.

Самостоятельность духовной жизни нашей, непобежденная политическим унижением Государства, не могла защитить своей независимости против искушений лжеучености. Подобно западным Европейцам, и мы разъединили жизнь мышления от жизни гражданственной. В Литературе начало преобладать стремление к разрешению вопросов, заимствованных вне круга общежития нашего. Отвративши внимание от предметов, ближайших к нам и составляющих индивидуальность нации, мало-помалу мы теряли наследственные привычки, а с ними собственный образ представлений и мыслей. Произведения Словесности не являлись как отголоски истинных чувствований, или картины действительной жизни, но как образчики древних форм, в познании которых состояла главная цель учения. Чтобы облегчить производство сих трудов, самые идеи для сочинений почерпались из гражданственности Древних. Таким образом область Литературы подобна была особенной части Государства, в которой прочие граждане напрасно бы стали искать своего устройства, своего порядка, своих обыкновений и своего языка. Беспрестанно преследуя воображением одно заимствованное, Писатели, употребляя даже общенародный язык, такое сообщали ему принужденное движение и такими странными наполняли его терминами, что он для них только и был родным языком.

В то время, как Литература и жизнь, по несходству характеров своих, находились в таком между собою разделении, Науки, водворенные в России гением Петра Великого, начинали совершенствовать общежитие. Особенно граждане высшего класса не могли не чувствовать выгод, которые доставляла образованность. Приобретение почестей на службе, блестящих успехов в обществе, довольства и независимости в частной жизни видимо соединялось с просвещением. Если бы исследованием и обработыванием Наук по разным частям Русские занимались тогда сами: может быть, они предупредили бы одно из обстоятельств, самых неблагоприятных для народности в нашей Литературе. Они бы к жизни лучшего сословия могли привить все, чем питается, возрастает и красится Литература; они бы срастили с нею разнородные и полезные знания. Приводя в обширное обращение столько идей новых, увлекательных, они воспитали бы еще неведомую нам, прекрасную Литературу, которая обнимала бы и блестящие успехи ума всего человечества и всю частную красоту нашей жизни. Но к удивлению, в тогдашнее время, из Русских, в полном значении ученый человек был один только Ломоносов. И так первоначальное развитие знаний в обществе, которое уже не хотело отставать от своего века, совершилось у нас на чужом языке. В этом способе умственного образования не только не чувствовали ничего предосудительного, но еще находили особенную выгоду: приобретая часть необходимых познаний, довершали изучение чужестранного языка. Обыкновение передается в

гражданстве с одной ступени на другую. На самой низшей из них вместо существенности довольствуются формою. Вскоре, что только могло учиться в России, все стало мучиться одной жаждой: знать язык иностранный, без всякой цели, без всякой нужды. Живой чужеземный язык, когда он заступает во всей нации место отечественного, не только однажды вносит с собою целый духовный мир в сердце, в ум, в характер и нравы людей, его усвоивших, но беспрестанно сообщает им каждое новое движение души своего народа.

В России можно было отличить тогда три особенных направления духа. Многие жили еще вне гражданственности своей, посвящая ученые труды созерцанию древнего мира и распространяя господство его красоты. Более знакомые с жизнью и принадлежавшие обществу, по различию вкусов делились на два класса. Одни (самая многочисленная часть общества) составляли отголосок всего чужестранного; их честолюбие ограничивалось успехами подражания преимущественно французским Писателям. Другие, по какому-то еще не остывшему чувству народности, изучали разные эпохи Русского быта, или в современных его чертах искали пищи своим талантам. Независимость их вкуса посреди двух школ, сильных бесчисленностию последователей и давностию владычества, особенно утешительна для наблюдателя, как подтверждение той истины, что народность видимо пробуждается, когда человек на гражданское свое назначение смотрит как на важнейший предмет в жизни. В заглавии сих избранных славою и нашею любовию начертано имя Екатерины II. Ни воспитание, ни дух века, ни могущество некоторых умов, чтиемых и лелеемых Ею, ни самое обольщение языка, бывшего любимым орудием глубоких и вместе блестящих ее мыслей, и, может быть, преимущественно Ею распространенного у нас, ничто не могло ослабить постоянного ее стремления к возвзванию Русского духа на все поприща гражданственности нашей. Как же убедилась Она, что ее ум и сердце гонятся не за обманчивою мечтою? На темном ли предчувствии, или на точных выводах основалась Она в своем предприятии? Проницательный ум ее предупредил наше верование в Историю. Она уже тогда со всею любовию гениальной души своей предалась полному изучению всех эпох, всех сторон, всех частей этой необъятной Державы, которой нравственные и физические силы она должна была привести в стройное движение. Ежедневное занятие Историею нового ее отечества вывело Ее из круга современников, вознесло над предрассудками и связало ее жребий со жребием народа, который для судей, стоявших вне ее сферы, был еще предметом шуток, а ее надежды созданием пылкого воображения. Но с каким блеском оправдались сии надежды! Был ли хотя один гражданский путь, по которому бы в ее Державе еще при жизни Ее не прошел великий человек в той поразительной красоте, какую сообщает народность? Политическая История уже хранит подвиги своих Героев, принадлежащих этому знаменитому времени, и для нас имена самые потомков их звучат еще славою или надеждами. В сонме отличных граждан, светлою мыслию постигнувших призвание свое и устремившихся к той же прекрасной цели, которую избрал прозорливый ум Монархии, История Литературы с гордостию указует и на своих Героев. Какой Суворов не назвал

бы Державина братом своим по славе? Вот, вот те исполины, которых духовная деятельность вполне равна идее Русского народа. Где изучил певец Фелицы свое искусство? Откуда он извлек этот неслыханный, но понятный всем язык? Где источник всеувлекающей реки его восторгов? Кто начертал размер его картин? По чьим следам бросал он гигантские шаги своих идей? В нем все так могущественно, так стремительно, так ново и неуравнено, так безгранично, как сама Россия. Ее уроками он воспитал себя и превратил ее в кумир для храма своей Поэзии. Другого рода талант, ум практический, дальновидный, резкий, наблюдатель нравов постоянный и счастливый, человек с благородным, пылким характером, современник Державина, подобно ему исполненный своеобразия, Фонвизин действовал в том же разряде, которому обязаны мы возрождением народности в Литературе нашей.

Ежели в это время еще мало было Писателей, блиставших свежими национальными красками, по крайней мере тогда началось приготовление необходимых для них материалов. Действователи на этом поприще увлекаются побуждением, одинаковым с первыми: следовательно их труды не менее замечательны. Со времени открытия и издания драгоценных памятников древнейшей Словесности нашей изменились прежние понятия об умственной жизни предков наших, и черты народности приобрели как бы некоторую осозательность. В продолжительных, тягостных, но вместе столь полезных занятиях Графа Мусина-Пушкина или Новикова есть трогательное самоутверждение, взгляд высший на гражданские обязанности. Понимая ныне, как всеобщьтна должна быть История, мы чувствуем, что без их предварительных подвигов не могла бы вдруг сделаться для нас удовлетворительюю История Отечества. Но и на них падал луч вдохновительного ума Великой Жены. Она первая в России пожелала увидеть собрание наших летописей и других пособий для составления Истории. В этом отношении Ей мы обязаны еще большим. При Екатерине II был в России Шлётцер, муж правды и любви, первый в ученом свете благовеститель нашего Отечества. Он с такою страстию доискивался истины, и открыв, с таким восторгом передавал ее, что чтение Нестора его воспламенило целое поколение Русских к занятиям отечественною Историею. Быв сперва чужд нам по всему, он, по прибытии сюда, сошелся, так сказать, с этой страною, изучил ее древний и новый язык, проучил все ее летописи, душой прилепился к ее народности, и возвратясь в Германию, до смерти не изменил юношеской своей страсти.

И так идея, которая некогда была преимуществом нашим перед другими новейшими народами, идея, которую осуществляют ныне все лучшие таланты в образованнейших Государствах Европы, занимала уже многие между нами умы в прошедшем столетии. Самочувствие воскресило ее в душах людей, которые столько благоговели к своим обязанностям, что лучшие свои помыслы посвятили Отечеству. В нынешнем столетии еще разнороднее соделались изыскания в отношении к нашему гражданству. В Истории мысли нашей и ее проявления, к чему не стремился, чего не желал прояснить достойный сын Героя Задунайского, обративший дом свой во храм отечественных Муз, которого самая надпись: «на благое просвещение» служит

для нас заветом назидательным. Если только чье-нибудь помышление клонилося на путь народной славы, никого не отчуждал сей благодушный Вельможа от своей поучительной беседы и благородного вспомоществования, был ли то Историк или Мореходец, Поэт или Антикварий, Географ или Художник, Грамматик или Законоведец. Наблюдая современные нам явления в Русской Литературе, убеждаемся, что благие подвиги сии были не бесплодны; что есть действователи в каждой отрасли знаний, и что их труды устремлены к возвышению нравственного достоинства нашего. С чувством народной гордости мы произносим имена двух Литераторов, действовавших на рассматриваемом нами поприще преимущественно в славное царствование Александра I. Для одного из них, по выражению Поэта, уже настало потомство; другой, кумир всех возрастов, поучаясь сам в исследовании Русского духа, еще поучает и нас, хотя к сожалению довольно редко. Сколь ни разнородны их творения; но они составляют одно целое, полную картину России, верную Историю ее умственной жизни. Один из них, окружась неподкупными свидетелями наших деяний, темных и гласных, доблестных и постыдных, прошел с ними разные периоды существования нашего, и душою своей вкусив так сказать бытие каждой эпохи, воскресил для нас истинный образ Руси, навеял на нас ее дыхание, породил опять слух наш с простою, несколько однозвучною, но чистою и свободною музыкою языка ее, взволновал сердце наше ее ощущениями и обратил наши мысли к неведомым еще сокровищам собственно нашего же ума и вкуса. Другой, прикрывшись невнимательностию и бездействием, останавливался в каждой толпе народа, изучил все классы людей от грязной черни до блистательных Царедворцев, высмотрел в литературе наши слабости, недостатки, причуды, выведал все тайны ума нашего, его оборотливость, сноровку и остроту. Про его-то иносказательные драмы должно вымолвить, что в них Русской дух в очах совершается. Произведения Писателей сих доверили тот умственный оборот, который получил начало до их еще появления. Теперь именами Карамзина и Крылова не только мы подтверждаем преимущество народности в Литературе, но и самые чужестранцы, ими познавшие, что было затаено от них в сердце России.

Сопровождая движение многообъятной идеи, выражаемой словом *народность*, мы видим, что ее успехи, совершенствуя гражданственность, устремляют ум наш на историческое изучение всех частей Государства. Не удивительно, что в явлениях нынешней Литературы нашей мы ежедневно встречаем более или менее счастливые покушения на этом же поприще. Но посреди сих разнородных и разнообразных опытов, какой колосс воздвигнут неутомимою деятельностию всеобъемлющего Ума! Где самая верная и самая поучительная История Государства, как не в картине постепенного развития сил, воли и действий Правительства в отношении к нации? Какой же представляется подвиг тому, кто бы вздумал все мелкие, разбросанные, исчезающие и разновидные черты сии собрать, устроить, согласить и оживить! Государь обширнейшей в свете Монархии, напутствуя Своими советами Вождей, вестников Его славы и справедливости, разрешая тяжкие недоумения сильнейших Владык Европы, приемлет в собственное Свое

ведение этот новый, по-видимому бесконечный труд, и к удивлению света, к счастию Своих подданных совершает его в единое пятилетие. Здесь, в этой совокупности наших Законов, где каждый день, каждый час запечатлен идеем Того, Кто движет все пружины и напрягает все нравственные силы нации, здесь вполне будет постигнута наша История, а с нею и самая народность.

В то время, как, по Высочайшей воле прозорливого Монарха, путеводителем и судиою нашим в деле народного просвещения явился Муж, столь же высоко образованный, как и ревностный Патриот, его первое слово к нам было: *народность*. В этих звуках мы прочитали самые священные свои обязанности. Мы поняли, что успехи отечественной Истории, отечественного Законодательства, отечественной Литературы, одним словом, всего, что прямо ведет человека к его гражданскому назначению, должны быть у нас всегда на сердце. Действовать в этом духе так легко и так отрадно, так естественно, что без сомнения в Летописях ученых Обществ не было еще ни одного указания, по которому бы с таким единодушием и с таким самоотвержением соединялись все, как соединяемся мы по слову нашего Вождя в обетованную землю истинной образованности.

Изданная нами в прошлом году волеем императора Екатерины II «Летопись народности» — это не только свидетельство о высоком уровне образования и воспитания российского общества, это и выражение глубокой любви к своему народу, к его будущему. В книге отражены различные аспекты народной жизни, отдельные страницы из истории русской культуры, быта, народных праздников, языка, литературы, науки, искусства. Особое внимание уделено развитию народного образования, просвещения, медицины, науки. Книга является важным источником для изучения истории русского народа, его традиций, обычаяй, языка, культуры. Она показывает, как народный дух и творческая энергия способствуют прогрессу общества. Книга написана в доступном, языковидном стиле, что делает ее интересной и полезной для широкой аудитории. Важно отметить, что книга не только информирует о прошлом, но и подает ориентиры на будущее, ставит перед читателем задачу продолжать и развивать наследие народа.

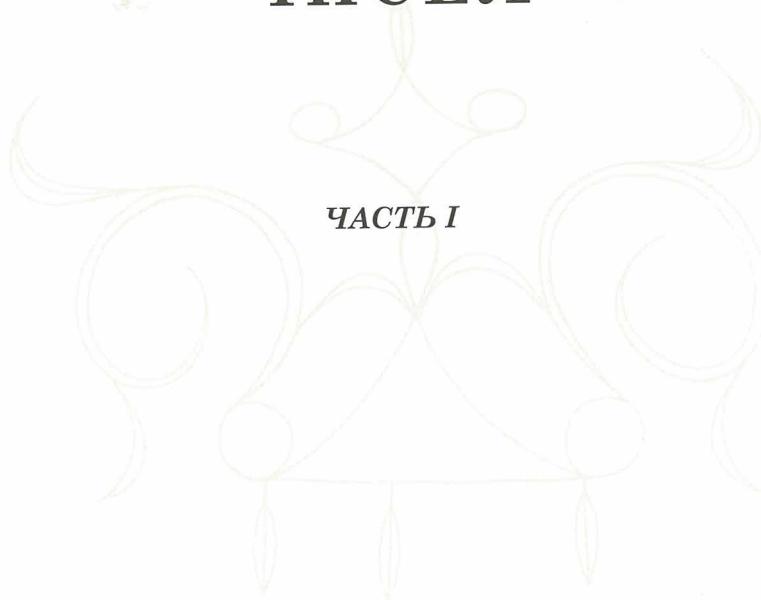
Одна из самых ярких страниц в
жизни и творчестве Альберта Эйнштейна
была связана с его интересом к математике.

Из книги Альберта Эйнштейна

А.Л. Неучев

РОДОСЛОВНАЯ ЧИСЕЛ

ЧАСТЬ I

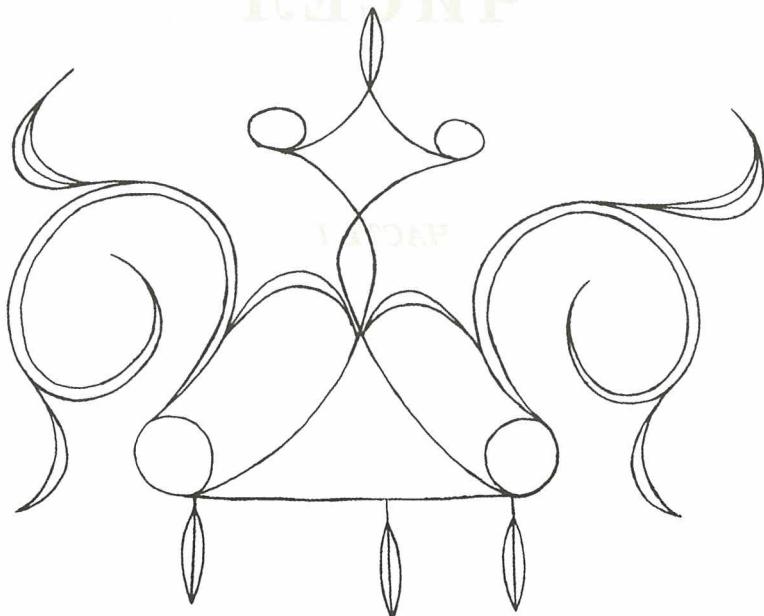
Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро, и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Простью на песке чертил число.

Н.С. Тумилев. Слово

ЗАГЧЭН Д.А.

РАНЯОГДОДОЯ

ДЕНР

Пролог

Слово «число» в Библии. История числа в античной философии

Глаголемъ убо мира сложение събрание *число* некое есть благодѣхновенныихъ вещий въ себе *личные атрибуты*, подъ имъ *богатне имея качества благоуханная*, его же *причащающеся облагоухаются по мере колинства¹* бывшаго имъ благоуханнаго. *Святой Дионисий Ареопаг.*

На вопрос “Что самое мудрое?” пифагорейцы отвечали, — “Число!” Было это, по меньшей мере, двадцать шесть веков назад.

В нашем понимании абстракция “число” — элемент счисления, простая и удобная форма учёта представлений о действительности. Число — тесно связанная с практикой мера количественной определённости, широко применяемая в организации научной, хозяйственной деятельности и как грамматическая категория. В сообщении айата 129 (135) суры 2 “Аль Бакара” (Корова) Корана о том, что один из любимцев Всеевышнего пророк ислама Ибрахим не был из числа многобожников, слово “число” равнозначно слову “множество”.

Число, контролируя и согласуя мышление о фактах, выделяется чётко различимой особенностью достоверности. Опираясь на это свойство легко привести примеры истинного суждения. Например, о количестве источников света или тепла в помещении, о числе знаков азбуки или основных символов числообразовательной базы 0...9. Или о том, что три больше двух и меньше пяти, а единица — наименьшее из чисел натурального ряда.

Древние воспользовались свойством достоверности для придания числу значения не только меры счёта, но и меры смысла. Утверждение пифагорейской школы — след этого направления мышления. Ныне линия его тока, по роду своему каноническая, не помещается в цеховой рамке строгой научности. Математики, объясняя происхождение числа как математического объекта, определяют эту меру не как параметр мироустройства, не как слагаемое обобщённой модели среды, а как класс эквивалентности, опирающийся на признак количественной определённости.

Изберём в качестве примера для пояснения принятого в науке подхода класс эквивалентности числа двенадцать. Что же войдёт в это множество?

Античность внесёт в него двенадцать Титанов, рождённых в начале времени Ураном и Геей-Титой, и двенадцать подвигов Геракла. Астрономия совместит с мифологической формулой двенадцать (11,9) лет обращения вокруг Солнца планеты Юпитер и двенадцать её спутников. В старовавилонской версии шумерского сказания о потопе число двенадцать применено для указания на расстояние от ковчега до поднявшегося со дна вод острова с горой Ницир (Нисир). У горы этой суждено было остановиться кораблю правед-

¹ Качества.

ника, семени нынешнего человечества. В “Илиаде” “...двенадцать крав однолетних, ярма не познавших, в храме заклать обрекается” Афине царица Гекуба во помилование бедствующей Трои. В буддизме закон совместно-зависимого происхождения элементов представляет собой сочетание двенадцати элементов-нидан. В “Государстве” Платон делит на двенадцать частей-секторов город лучезарного общества. Двенадцать Коллегий учреждает царь Пётр I для воплощения в жизнь своей мечты о новой жизни страны. Мусульманский мир двенадцатого числа месяца Рабиу ль-Авваль (Рабиг аль-авваль) чтит Маулид²: по одной версии Маулид ан-Наби³, день пришествия в мир Пророка Мухаммата, по другой — день окончания земного пути посланника Аллаха и его рождения к иновещественной жизни. На месяц Зульхиджа мусульманского календаря, двенадцатый по счёту, приходится связанный с испытанием Ибрахима Курбан-байрам, праздник Жертвоприношения и торжества Веры. Одетым в двенадцать священных стол предстаёт собранию герой “Золотого осла” Апулея неофит Луций. В русской народной сказке “Вещий сон” двенадцать Иванов обеспечивают успех сватовства царевича к Елене Прекрасной. Бедный старик из сказки “Хитрая наука” должен узнать сына, отданного в ученье к чародею, в одном из двенадцати одинаковых жеребцов, голубей и добрых молодцев. В двенадцати разноцветных кимоно обходит святилища храма богини Аматерасу японская принцесса. Двенадцать полос разных цветов и орнаментов составляют оплечье-барму государя Египта на золотой маске-портрете царя Тутанхамона (рис. 3.8). В песни пятой “Руслана и Людмилы” мы видим отца героини, Владимира-солнце, в окружении двенадцати сыновей. Дом 12 на набережной реки Мойки в Санкт-Петербурге — адрес последнего жизненного пристанища А.С. Пушкина. К числу двенадцать редуцируется и дата его рождения: 26 мая 1799 года (по старому стилю).

В науке, считающейся исламом сокровищницей веры, механик присоединит к классу эквивалентности двенадцать степеней свободы физического тела в декартовой системе координат. Геометр свяжет с числом двенадцать феномен образования прямоугольного треугольника отрезками длиной в 3, 4 и 5 (всего 12) единиц. Физик-ядерщик напомнит, применительно к нашему обобщающему свойству, о радианной мере поверхности сферы с единичным (равным единице) радиусом. Её площадь выражается близким к двенадцати иррациональным числом 4π . Музыкoved скажет, что двенадцать полутонов образуют октаву, удваиваясь в двадцати четырёх мажорных и минорных тональностях.

Из примеров следует, что наше множество задаётся определяющей принадлежность к нему общей мерой. Она, мера, присуща всем входящим во множество элементам, какими бы разными они ни были.

Общим признаком задаётся любое множество. Эта разрозненная во множестве единичных вещей общая мера, будь то количественная ёмкость, пе-

²Арабск. Маулана — наш господин. Маула — учитель.

³Арабск. Ан Наба'а — весть, великая весть.

риодичность природных процессов или принадлежность к царству растений, получает своё обозначение. Связующий различные предметы общий признак, будучи отделенным от самих предметов, называется абстракцией. Иногда она проста, как цвет, понятие растения или направления, признаки периодичности и парности в природе или слово “тэти”, которым самые юные тюркоязычные граждане Татарстана называют всё, что им нравится. Иногда образует сложный аромат, как в теореме Дионисия Ареопага эпиграфа. М.Ю. Лермонтов в стихотворении “Русская мелодия” напишет о нахождении мысли в математической области отношений, множеств и пространстве абстракций:

*В умे своём я создал мир иной
И образов иных существование;
Я цепью их связал между собой,
Я дал им вид, но не дал им названья...*

О том же свидетельствует повседневная речь, когда мы произносим слова: “нечто подобное”. Обратившись в подобную “тэти” форму всеобщности, абстракция, естественным основанием которой всегда служит опыт, может выглядеть и как образ мифа или чудо сказки. Например, в первом путешествии Синдбада важность такой абстракции, как верное представления о действительности кодируется образом рыбы, к которой как к берегу пристаёт корабль.

В нашем случае всё много проще. Задающий признак множества — величина количественная. Она выражена числительным “двенадцать”. В случае “Откровения” Иоанна Богослова обстоятельства чуть посложнее. В нём другое семейство, “братство имеющих свидетельство Иисусово”, задаётся таким общим характеристическим признаком, как “дух пророчества” (*Откр.19.10*). Пользуясь чётко различимыми мерами — характеристическими признаками, мы легко определяем принадлежность к таким множествам, как священнослужители, едоки, обещания, кондитерские изделия, учебники, солдаты, выключатели, занозы, дороги, реки, духовые, струнные и ударные инструменты, сказки, загадки; царства растений, насекомых, животных и птиц; ко множеству “груз корабельщиков” Сказки о царе Салтане, а математическая область отношений может быть легко представлена множеством “родственники” и изучаемым в школе грамматическим строем. Множества могут состоять из подмножеств. Как подмножество царству растений принадлежит, например, семейство ивовых. У него тоже есть подмножества. Кроме ив к нему принадлежат все виды тополя и осины.

Зная признак, задающий множество, просто пополнить его новыми элементами. Мы без труда поставим в один ряд с уже названными меру “дюжина”, двенадцать месяцев года и знаков Зодиака, двенадцать секторов часовогого деления циферблата, двенадцатилетний срок подготовки дервиша в суфизме, двенадцать пар собственных рёбер, количество рабочих листов тетради первоклассника и сервис на двенадцать персон. Человек православный добавит к реестру двенадцать Святых Апостолов христианства, двунаде-

сиятые⁴ праздники, упомянет двенадцать врат и столько же оснований стены великого града, нисходящего с неба от Бога в “Откровении”, и древо жизни, “дающее на каждый месяц плод свой” (*Откр.22.2*). В опере Н.А. Римского-Корсакова “Садко” двенадцать лет длится разлука героя с дочерью царя вод Волховой. В русской народной сказке о молодильных яблоках и живой воде последняя помещается в кувшинец о двенадцати рылещ. В сказке “Чудо-юдо и Иван — крестьянский сын” двенадцать кузнечиков прячут трёх братьев за двенадцать замков. Никита-кожемяка невзначай рвет двенадцать воловых кож, оробев на мгновение перед нежданно явившейся царской четой. Наблюдательная астрономия Древнего Шумера поставила в соответствие числу двенадцать созвездие “Рыбы”, называвшееся самими древними “Хвосты”, а в Индии каждые двенадцать лет празднуется кумбхамела в память о двенадцати днях полёта сына Индры Джаянты, спасавшем от асуров, соперников богов, кубок с амритой, напитком бессмертия. Нам придётся говорить о числе как математической сущности и мере в контексте его служения представлениям о действительности, более общим, нежели количественная ёмкость, порядковый номер или пропорция.

Глава первая. Число «Нуль»

*Из блюда, полного водою,
И “Затмевания” малы потекли
Выходят кольца чередою;*
*В круговом океане восходит вода винограда.
А.С. Пушкин. Евгений Онегин. 5.VIII.*

Освежив в памяти содержание и естественные основания понятия “абстракция”; удостоверившись в возможности задания множества посредством определяющего принадлежность к нему признака, свойства, займётся поиском характеристического свойства, задающего класс эквивалентности числа “Нуль”. Собрание входящих в него предметов, в противовес продемонстрированному подходу, не может быть родственно по количественному признаку. Число “Нуль”, тем не менее, вполне непротиворечиво воспринимается как самостоятельный математический объект.

Очевидно, что принадлежность ко множеству будут определять отношения иной, нежели количественная определённость, метрики. Вверенным предназначением числа “Нуль” является утверждение представлений о том, что пребывающему присущи формы существования и проявления, которые не только ненаблюдаемы, но и могут не подразумевать изменчивости в пространстве и времени. На наше счастье, мы всё же способны уловить их мирообразующее действие, “*Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы*”

⁴ Старинное числительное двенадцать — обанадесять.

(Рим. 1.20.). Не должно забывать относить ко множеству творений их венец, самих себя.

Задающей для класса эквивалентности “число Нуль” является такая сущность, как началообразующая функция. Это свойство естества, Бытия, пребывающего, подобное причине силы гравитации. Функция началаобразования предваряет появление круга вещей и явлений, имея, по отношению к нему, обусловливающий, причинный характер. Иногда она воспринимается как цель, концентрированное выражение потребности, модель будущего состояния, и тогда порождает понятия мечты, идеала или приобретает ярлык утопии.

Представление о реальности, свободной от оков предметности и неведения, о существовании в пребывающем отношении, не подразумевающих пространственных и временных мер, хорошо передают улыбки Джоконды кисти Леонардо да Винчи и фиванского сфинкса на невском берегу, стихотворение А.С. Пушкина “Пророк” и полотно А.К. Саврасова “Грачи прилетели”.

Мимолётной моделью началаобразующей функции, не сохраняющей её причинной необусловленности, но дающей представление о действии, может служить и чувство, и мышление, находящиеся в отношении предшествования ко всем последующим построениям организуемого ими сознания. Цель и главные ориентиры его существования, как указано в послании апостола Павла к римлянам, вынесены за пределы времени одной человеческой жизни, принадлежащей, таким образом, к бесконечным множествам и свободным от неведения замыслам о творении.

Функция начала начал может быть соотнесена с творящими, оберегающими и одухотворяющими жизнь отношениями неподвижности, соединена с образом Духа вечности. Отношения неподвижности в многообразии сущего, непреложное в изменчивом и мимолётном, фиксируют землю и небо над ней, письмена созвездий, неопалимые купины горных узлов и гребни волн беспредельного океана, не изменившего своего лика.

*С дня, в который Аполлон
Поднял вечное светило
В первый раз на небосклон⁵,*

некоторые поведенческие программы, например труды земледельца или маршруты перелётов птиц; верхновластная резолюция “Утверждаю” и затвердевший в печи металл, называемый козлом в назидание маломыслию — причине появления как самого “козла”, так и неизбежного следствия этого феномена — разборки печи. Абсолютно общий характер могут иметь математическая и поэтическая формулы.

*В свои расселины вы приняли певца,
Граниты финские, граниты вековые,*

⁵ Е.А. Баратынский. Последний поэт.

Члены хищнических
Земли ледяного венца
Богатыри сторожевые
Он с лирой между вас. Поклон его, поклон
Громадам, миру современным;
Подобно им да будет он
Во все годины неизменным!¹⁶

А.А. Фет пишет как о побудительном начале процессов включения, подобных сотворению мира, об эстетическом чувстве:

Целый мир от красоты,
От велика и до мала,
И напрасно ищешь ты
Отыскать её начало.

Отношения неподвижности характерны для всех универсальных законов и проявляются в существовании мировых констант. Они обращаются в строгие количественную определённость чисел, последовательности времён года, знаков Зодиака, цветов спектра и дней творения; обнаруживаются в инвариантности закономерностей, то есть феномене их “неподвижности” относительно каких-либо преобразований, “переходе в себя”. Представление об отношениях неподвижности костюмируется А.С. Пушкиным в остающихся самими собой Онегине и Татьяне. Сущность отношений материализуется в образцовом постоянстве аксиом Эвклида, в существовании законов сохранения и в связях матрицы межотраслевого баланса; в отношении длины окружности к её диаметру и неизменности отношений элементов других геометрических фигур при изменении масштаба, в точке пересечения медиан и неисчерпаемости множества треугольников. В мире орудий техносферы отношения неподвижности заявляют о себе в работе гироскопов, слабый сигнал которых правит, посредством следящего привода, рулями ракет, подводных лодок и самописцами топопривязчиков.

Присущи они и стационарным циклам природных процессов (рис. 1.1). Их автограф механик видит в волнах картины разрушения горной породы. Их незыб-

Рис. 1.1 Картина разрушения горной породы под воздействием стационарных циклов природных процессов. Вершина горы Большой Иремель. Южный Урал.

¹⁶ Е.А. Баратынский. Финляндия.

лемая ритмика через “божра”, “кольцевой”, тюркской речи отзыается в славянском “Боже”.

Отношения неподвижности узнаются не только в оберегающем принципе основания, выявление вечной формулы действия которого делает бессмертными произведения искусства. Они проявляются в предмете этики, в определённости и нравственной окраске совершённого поступка, в неизменности прошлого, в которое отливаются время и поток становления.

*Подобен он скрыжали той,
Где пишет ангел неподкупный
Прекрасный подвиг и преступный —
Всё, что творим мы под луной.⁷*

Кристаллизованы они в таких началах отсчёта, как сохраняющие общечеловеческие основы вера, традиция и её образ Отчего Завета в наследственном веществе эволюционного опыта и сознании. По отношению к фундаментальному постоянству мы часто уподобляемся любопытному из одноимённой басни И.А. Крылова, который на вопрос: “А видел ли слона?” отвечает: “А разве там он был?”.

В мысли и формуле, являющихся историческим, духовным наследием России, отношения неподвижности, присущие порядку природы, олицетворены, например, в качественной определённости самых строгих дней года и в образах деда Мороза и его внучки Снегурочки из всеми любимой новогодней мистерии. В мире знаков представления о вековечно неизменном отображаются в “золоте, огнём очищенному” (*Откр. 3:18*) гвардейских георгиевских лент, икон и церковных облачений. Об изначальных составляющих категориального аппарата субъекта познания, представление о которых выражено в геральдической форме, ведут речь, отвечая князю Гвидону, корабельщики сказки о царе Салтане. Ненаблюданное в их рассказе о грузе корабля числится неуказанным товаром.

Функция начала образования представлена в истории о праведном сердце шумерского Зиусудры, соединившем до и послепотопное время и пространство. На отношения неподвижности указывает слово “этос”, обозначающее постоянные черты характера, неизменность эталонных мер, обычаяев и неподвижность заповедей мировых религий. О фундаментальном постоянстве напоминают аллегория направления на Мекку совершающих молитвенное поклонение намаз и пояснение Василия Великого⁸ к литургическому обычью: “Посему во время молитв все смотрим на Восток, но немногие знаем, что при сем ищем древнего отечества, рая, которое “насадил... Бог в Едеме на Востоке” (*Быт. 2:8*). На исследуемое отношение указывает безначальное и вечное существование Христа. В православии отно-

⁷ Е. А. Баратынский.

⁸ Около 329г. ...1 янв.379 г. Архиепископ Кессарии Каппадокийской, северо-восточное побережье Малой Азии.

шению неподвижности уподоблен и подвиг молчания. Святой Иоанн Лествичник говорит о нём: “*Любитель безмолвия имеет мужественный некий и строгий помысл, который недремленно стоит в дверях сердца, и приходящие помыслы убивают или отражают. Безмолвник тот, кто существует бестелесное усиливается удержать в пределах телесного дома*”. Но здесь необходимо заметить, что духовный идеал Христа и духовный пример Мухаммата, равно как и пророков — предшественников, начиная с Заратуштры, явили собой не отвержение жизни, а деятельное искусство целительного её совершенствования.

По правилам древних исследование свойств действительности должно было завершаться созданием образа, модели, уподоблением. Форме надлежало служить долговременным хранилищем добытых знаний и источником узнавания и верного понимания реальности. И исходный принцип началообразования неизменно оформляется в виде образа, либо выделяется мыслью как понятие, с духовным аспектом существования и отношениями вневременного класса.

В Древнем Шумере представление о начале начал олицетворяет образ старейшины богов Ана, знакомого всем по таким иерархическим точкам мира ориентиров, как Полярная звезда, и голос совести. В буддизме Тибета объектом высшей мудрости служит пустота, понимаемая как первооснова, природа всех явлений. “Пустой” — характеристический признак острова в рассказе корабельщиков царю Салтану о чуде града князя Гвидона. В зороастризме обращением огнива началообразования является образ Создателя Ахура-Мазды, в христианстве — всеобъемлющий принцип “Бог есть любовь”, в исламе — Всевышний Аллах Тааля, а в буддизме классическом — понятие причинно не обусловленной, т.е. абсолютной дхармы. (В буддизме Тибета дхарма — “то, что держит”.) В философской мысли Китая состояние невыявленности субстанций издревле обозначается космогоническим предельным понятием “тайцзи”, соединяющимся иероглифом “ци” с образом конька крыши. А.С. Пушкин в стихотворении “Деревня” пишет о древнем правиле и семантическом ложе:

Я здесь, от суетных оков освобожденный,
Учуся в Истине блаженство находить,
Свободною душой Закон боготворить.

Представления об отношениях неподвижности вводятся в сознание разными способами. Одно решение может переходить в другое, усиливая действенность метода и полноту понимания. В физике такие преобразования именуются калибровочными. Мифологическим примером подобных преобразований служат аватары Вишну, божества верховной триады индуизма. В мифах Древней Греции сын Океана и матери рек Тефида, отец сирен Ахелой принимает различные образы в борьбе с Гераклом. В сказке о царе Салтане А.С. Пушкина князь Гвидон обращается мухой, комаром и шмелем. Повесть Н.С. Лескова “На краю света” свидетельствует, что в основании веры

народов, родовым гнездом которых служит Россия, лежит одна и та же истина. В иконах Законафиста святым равноапостольным братьям Кириллу и Мефодию говорится, что святой Кирилл “...премудрость тайны Святые Троицы во многих подобиях показал еси”.

О характере преобразований и их общей размерности гласят строки айата 100 (106) суры 2 “Аль Бакара” (Корова): “Всякий раз, как мы отменяем стих или заставляем его забыть, мы приводим лучший, чем он или похожий на него. Разве ты не знаешь, что Аллах над всякой вещью мощен?” Коран считает предшествующие исламу религии видоизменениями древнего всеобщего и непрерывного учения.

Для нашего исследования нового образа числа, числа как формы учёта такой выходящей за поле зрения действительности, как причинные, метафизические объекты, сущностно важна вещественная модель принципа начaloобразования. Для Древнего Египта таковой была река Нил. Наименование реки, названной в Коране (20.39) морем, находится со словами “ноль” и “нуль” в отношении не только звуковой ассоциации. Все формы — разные отображения представлений об одном и том же основании: неизменной и животворной силе, владеющей огнivом жизни. Формы сохраняют существенные отношения между названием и реальностью, обозначением и обозначаемым.

В Древнем Египте Нил воплощал представление о такой мере, как причинная стадия благ, давших основание жителям его долины считать и называть себя избранным народом. Ландшафтный образ великой реки помогал уму, подчинённому явленному взгляду миру, осознавать, через легко воспринимаемое рассудком и чувством внешнее, глубокое и существенное, относящееся к иновещественным, метафизическими, заочным верховным началам бытия и знания. С божеством Нила, воплощавшего и водную стихию, путём метафорического переноса отождествлялся абстрактный образ океана Нуна, мифологический эквивалент представлений о безграничности, о такой точке отсчёта, как причинно не обусловленное начало и других отношениях “неподвижности”. Образ мифа работает в статусе понятия о началообразующей функции. В теогонии культового и теологического центра Древнего Египта города Иуну (греческое название Гелиополь, библ. Он) первый бог во вселенной появился из среды океана по имени Нуна по творческой причине: в результате осознания самого себя.

В речной цивилизации Шумера, сродной египетской, словом-палиндромом “нун” обозначалась превосходная степень величия. Обращение с “нун” к живоносным богам присуще “Ригведе”. Форма работает в имени мудреца Зу-н-Нун Мисри, столпа суфизма и основателя Ордена Маламати, прототипа масонского. Культурный феномен исландской саги являет миру масштабный образ родомысла и законодателя с именем “Ньяль”. Общая мера смыслонесущих согласных НЛ и свойства образного ряда склоняют считать корнем “истоковедческих” наименований “ноль” и “нуль” гидроним Нил. Трудно пройти мимо НЛ и в имени Еммануил. Им должен быть наречён Сын (Ис.7:14), Мессия, при котором различим, измерим и осуществим идеал

Царства Божия (Ис. 11:4; 32:1; Иак. 4:12). Его Рождество — элемент, весьма достойный представлять множество таинственных и не всегда приметных процессов включения. Словом “Рождество” переводят название “ноэль” соответствующей празднику музыкальной формы. Стока строфы XV главы десятой “Евгения Онегина” “Читал свои ноэли Пушкин” может указывать не только на характер или на время чтения, но и на начальнообразующую суть и функцию творчества автора.

Попутно мы выяснили, что моделью, сохраняющей существенные отношения связности между обозначением и обозначаемым, может становиться и отображение фонетическое, звук. Проверим последнее умозаключение элементом, не входящим в его схему. Пусть им будет арабский корень СЛБ, транслирующий смысл “извлекать сущность”. Мы легко обнаружим, что с двумя из тройки его знаков пересекаются множества букв существительных “слово” и “число”, несомненно, принадлежащих к смысловому ядру “извлекать сущность”. Его мерность применена А.С. Пушкиным для имён и характеров витязя Руслана и царя Салтана; размерность работает в имени наставника бога Диониса Силена. Она же характерна для понятия “исследование” и указывает на смысл ритуала помазания елейным маслом. В татарском языке существительным “ысул” передаются значения “способ”, “приём”, “метод”, часто обозначаемые аллегорией “ключ”. Арабское “саляф” — название первых праведных мусульман. От корня СЛБ в арабском языке образовано слово “крест”. Лексическая форма “солюк” в суфизме означает всепоглощающее желание “влюблённого”, то есть суфия, соединиться с “любимой”, под которой всегда подразумевается истина; “силиси” — суфийское название документа и всей златой цепи преемственности, по которой ходит говорящий кот Лукоморья.

Слово “села” древнего арамейского языка означает такую метафору крепости истины, как камень. В качестве понятия “сущность”, синонимичного категории “истина”, часто работает метафора “соль”, аллегорическое слагаемое славянского обряда гостеприимства. А слово “сладчайший” с СЛ в его заставной части, употребительно по отношению к сущности Иисуса. Свой первый земной приют Сын Божий нашёл в яслях. Ключевая образность кормушки для скота с корнесловом СЛ тоже вполне пригодна для доступного истолкования значения размерности и связей категории окормляющего обуславливающего начала.

Атрибутивное свойство действительности, распознанное духовным свойством разума, может транслироваться не только образом, звуком, но и отображающим закономерность символом. В этом случае символ становится высказыванием математического содержания и элементом проводящей сети высшего знания. Дополняющими друг друга символами — моделями представлений о неведомом и невиданном причинном пространстве служат формы знака числа “Нуль” в славянской и арабской графике. Оба обнаруживают один тип мысли, единый принцип исследования, деления объёма понятия “пребывающее” и его моделирования. Заметим, не умаляя других поднявших цивилизации и сохранивших общечеловеческие основы учений, что для

христианства и ислама характерны также общее благородство настройки сознания и чуткость к нравственным вопросам.

Начнём с родословной славянской цифры. Её прообразы в реальности обнаруживаются в траектории бесстрастного вращения “небесного вихря” астрономического космоса, и в наполненном чувством движении хоровода — отображении понимания связи зодиакального хода и природных процессов. Начало, предваряющее появление круга вещей и отношений, предстаёт, в зависимости от “краевых условий” познания, обнимающим Солнце кольцом змеи, увенчивающим египетских богов; яйцом брахманизма, причастным к акту творения материи; ореолом вокруг творящего и разрушающего мир танцем Шивы и материнским сосцом.

Оно является обручем — знаком заповеданного предназначения в руках божества; продиктованными пропорциями окружности планами Аркаима⁹ и Багдада времени Харун ар Рашида¹⁰, ротондами святилища Аполлона в Дельфах, римского Пантеона и дворца в Павловске; овалами иконы Богоматери “Неопалимая Купина” (рис 1.5); нимбом над головой праведника; обручальными венцом и кольцом; цепочкой, на которой держатся нательные крест православных и полумесяц правоверных. Золотой ободок начала начал оберегает от злых сил сакральные объёмы тарелки и чайной пары.

Дофеноменальное задающее начало обращается в монету, ложное основание общественной системы, по роду своему метафизической. В качестве начала отсчёта в ней этикой давно предложено основание нравственное. На разрушительную собственную функцию ложного основания барыша указывает миф о Фаэтоне, значение имени которого — прямо pragmatically-позитивистское мира сего: польза. Указаниями Евангелия на то, что образом мира в сознании человека не должен становиться рынок, служит эпизод изгнания Христом торгующих из храма (Иоанн. 2.14...17.) и участие Иуды Искариота.

Мера, давшая вид цифре, является круглым столом Совета Безопасности ООН и бубном, в который камлающий шаман вселяет могучих духов, производящих мир в движение; она обрамляет цирковую арену с героями и сме-

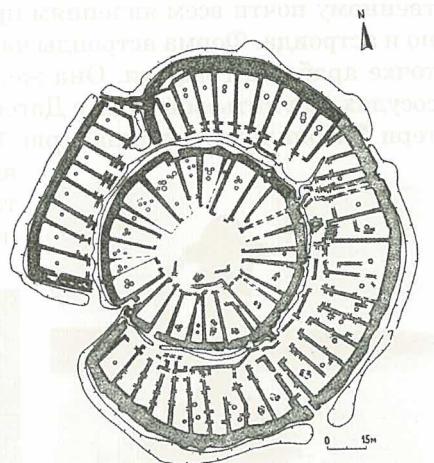

Рис. 1.2. Поселение Аркаим.
План. (Раскопки Г. Б. Здановича,
микромагнитная съемка
В. Я. Тибелиуса и Б. Н. Пунегова.

⁹ Культовый центр II тыс. до Р.Х. на р. Караганка бассейна р. Урал на юге Челябинской области.

¹⁰ Халиф династии Аббасидов второй половины VIII века по Р.Х.

няющими их клоунами; караваем ложится на стол, становясь подобным божеству, острову водной пустыни или царю эквивалентом жизнеобеспечивающего начала и источником энергии круговых обменных процессов в тонкой структуре живого. Группу на основе неизменного смысла пополнит и круговая фазовая диаграмма, соответствующая незатухающим колебаниям маятника часов с попеременным и неизменным переходом энергии потенциальной в энергию кинетическую и обратно... запечатленной схемой вращения диска Пи

Замкнутой кривой, соответствующей периодическому движению, свойственному почти всем явлениям природы, может быть не только окружность, но и астроида. Форма астроида часто придаётся изображающей число “нуль” точке арабской графики. Она же, астроида, завершает фигуру божества на сосудах для питьевой воды в Дагестане. На православной иконе Божией Матери “Неопалимая купина” (рис.1.5) повторенная дважды астроида указывает не только на зеленый Куст и таинственный Пламень, но и на согласованное протекание процессов, называемое в фи-

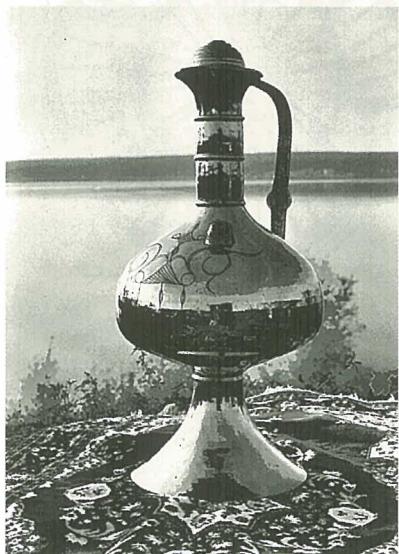

Рис. 1.3. Эрет. Сосуд для питьевой воды с изображением танцующего божества древних верований

Рис. 1.4. Древнее языческое божество — этнографическая форма учета представлений о действительности

зике когерентностью, то есть на единый источник согласного хода вещей. В науке когерентным названо и упорядоченное, согласованное, направленное движение больших количеств квазинезависимых частиц.

В сообществе задачи такого рода организованного движения решаются формирующими категориальный аппарат субъекта познания культурными институтами: традицией, в том числе мысли, школой и вероучениями, консолидирующим воздействием на сознание и представления о действительности языка, научной, фольклорной и мифологической картин сложения мира:

*Величие народа в том,
Что носит в сердце он своём.¹¹*

Нуль в санскрите, унаследовавшем мировоззрение Вед, обозначается словами “небо”, “космос”, “зрачок”. Определение космоса в Коране — “порядок, что задуман был Творцом” — несложное преобразование знакомого по отношениям неподвижности смысла “фундаментальное постоянство”.

Числа “Нуль” нет в церковнославянском буквенно-цифровом соответствии. В случае надобности для него применяется отдельный значок, напоминающий египетский иероглиф со значением “засов”. (Аллегорически знак смыкается с отношениями неприступности, охранительности, неподвижности.) Может быть, нет оттого, что в тексте “Откровения” Иоанна Богослова принцип начaloобразования распространяется на всё множество символов азбуки, с элементами которого четырежды отождествляет себя Господь: “Аз есмъ Алфа и Омега, начало и конец” (1.8;1.10;21.16;22.13.), заставляя подозревать в ней форму своего участия в жизни человечества. В то же время не кажется случайным совпадение форм буквы азбуки “О” и цифры — знака числа “Нуль”.

Имяслов буквы “О”, местоимение “Он”, не только совпадает с библейским наименованием древнеегипетского теологического и сакрального центра Иunu (Гелиополь). Вместе с местоимениями “Аз”, “Иже” и “Наш” местоимение “Он” означает ненаблюдаемого, тайно-действенного Творца, связывая знак и функциональное пространство числа “Нуль” с объектом верховенствующих мудрости и сакральной моцчи. Представления о его роли побудительного начала изображающий заставную буквицу “Он” художник выражает с помощью тропа. Метафоры незримого сокровенного огнива берутся из скрытых его соответствий в предметах окружающего, быта, физического мира.

Контуру буквицы придана форма яйца. Российский академик Карл Максимович Бэр, в честь которого в 1886 Академия наук России выпустила ме-

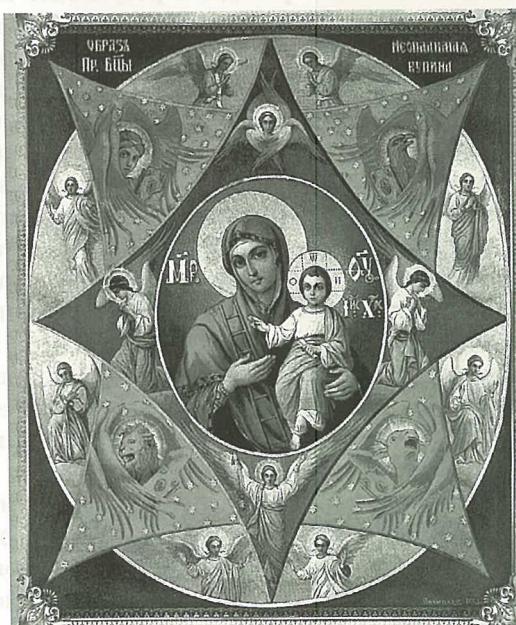

Рис. 1.5. Икона Богоматери “Неопалимая купина”

¹¹ А. Н. Майков. Три смерти.

далъ, обосновал, что “яйцо есть общая основная форма, из которой развились все животные не только отвлечённо, но и фактически и исторически”. Внутри кренделя — известный провозвещатель, петух. Разновидность калача, по правилам приготовлявшаяся из разного теста, подобно священным ладьям Египта и кресту Голгофы, состоявшим из трёх пород дерева, — тоже символ. Символ основной и обусловливающей жизнь поведенческой программы, на которую в Коране указывают и аяты 24...32 (рис. 1.9) суры 80 “Абаса” (Нахмурился) и символ перехода, в результате которого из теста получается хлеб. Ассоциативные свойства изображения настолько совершенны, что мы видим в аллегорическом объединении и бьющегося на спице Золотого петушка из сюжетной сказки А.С. Пушкина, и правдивое зеркальце Сказки о мёртвой царевне и семи богатырях. Таковы возможности этнографических и художественных форм учёта представлений о свойствах и состояниях пребывающего. Потеря связи с ними — разновидность потери памяти, в результате чего, как известно, субъект познания теряет дееспособность, переставая понимать, в конечном итоге, и то, что с ним происходит (Ис. 6:9,10).

Разуму свойствен поиск общей сущности и меры различных явлений. Единое во многом уже получило наименование “абстракция”. Абстракция часто обращается в путеводную нить, в инструмент представления и узнавания свойств окружающего мира: образ, символ, слово, число и язык. Вся эта, пользуясь терминологией древних египтян, “вода знаков” обобщает различные временные, пространственные координаты и многогранные импульсы опыта, извлекая из лабиринта мимолётного необходимые знания об общем, необходимом, непреходящем и непреложном.

Абстрактные, в том числе сказочные, формы описания, учёта, объяснения и организации действительности — способы существования и передачи знания о рационально воспринятой, теоретически осмыслинной и верно понятой реальности. Они уходят корнями и в могучий массив организованной информации знания предшествующего. Все служат элементами, на которых определяется функция сознания, принимающая значения в самоопределении, поступке и участии. В мифологии Древнего Египта описанная закономерность смоделирована в образах: на первозданном холме посреди вод Океана вырастает ива, в её ветвях вьёт гнездо цапля, из яйца которой возникает всё множество сущего. Цапля в этой картине — человеческое сознание, которому океан проблем реальности предъявляет трудные для решения задачи. Верба — уходящие корнями в творческое начало принципы, облегчающие понимание явлений и решение задач проблемного поля, часто являемые в

Рис. 1.6. Заставная буквица
“Он”

мифе, притче и сказке, Забаве Путятишне. В отеческой новогодней мистерии представление о подчас головоломной реальности олицетворяет милая загадывающая загадки Снегурочка.

Мы знаем о том, что закономерности различны, не только из школьного курса алгебры и элементарных функций, где о различии свидетельствуют их графики. Но в этнографических формах учёта одна закономерность может выражаться в разных образах. Различны формы выражения представлений об отношениях неподвижности и их окормляющем начале. Аллегорией важности верных представлений о действительности в суфийской сказке о Синдбаде-мореходе служит сюжет о принятой за остров рыбе. А в новогодней мистерии лишь верный ответ Снегурочке награждается подарком Деда Мороза. Как портреты закономерностей и водный пейзаж с вербкой и цаплей, и образы из новогодней мистерии, соответствуют наиболее полному набору данных о системе объективного мира, включая человека в нём. По своим ассоциативным свойствам они могут быть уподоблены точке геометрии Н.И. Лобачевского, через которую можно провести множество прямых, параллельных данной. Подобным свойством полноты обладает и ковчег праведника Зиусудры из шумерского предания о потопе. Бог Энки, устроитель замысла о спасении, говорит премудрому герою: “*Подними семя душ всякое внутрь корабля*” (*Эпос о Гильгамеше. XI. 27*).

В квантовой физике состояние, соответствующее наиболее полному набору данных о системе, называется чистым. В физике веры — иконическим. В Коране архангел, возвещая Пречистой Мариям о безупречной полноте свойств её сына Исы, заявляет, что он будет “чистым” (сурा 19 “Мариям”. Аят 19). Представления о свойствах всеохватного предельного состояния в “Илиаде” олицетворяет Зевс и его необоримая сила. В начале песни восьмой Зевс обращается к собранию богов:

*Цепь золотую теперь же спустив от высокого неба,
Все до последнего бога и все до последней богини
Свесьтесь по ней; но совлечь не возможете с неба на землю
Зевса, строителя вышнего, сколько бы вы ни трудились!*

Сущность — чистое состояние как предельное, конечное, завершающее обобщение состояний реальности, служит и основанием для четырёхкратного самоотождествления Бога с символами азбуки. Отождествления, преобразующего скромное конечное множество букв в охранительное духовное сооружение общества. О значении азбуки в кондаке 4 акафиста равноапостольным братьям Кириллу и Мефодию говорится: “*Бурю различных бед и зол, на языки словенские находящую, вашим предстательством разорите*”, спасая славянское “стадо, от волков мысленных рассеяемое”.

По своим происхождению и информационной ёмкости предельная форма — чистое состояние подобна семени растения. Аллегорический образ семени мы встретим в русской народной сказке “Хрустальная гора”. Ещё одно образное соответствие семени в славянском фольклоре — воевода. Семени

растения в индуизме уподобляется ишвара (санскр. господин) — творческая причинная стадия мира и его осознания.

Графическое подобие семени, зерна — обозначение числа Нуль в арабской графике. Арабское имя числа, sifr, по фонетической форме близко к обозначению тайного, секретного письма, а символ числа Нуль в изящной каллиграфии “агарян” — точка. Повторим, что обозначение и обозначаемое должны подчиняться закону связности, сообразности, взаимного соответствия, находиться в отношении содержательного равновесия, подобном отношению двух фаз секретного письма: доступной пониманию и закодированной. Применительно к тайнописи такая эквивалентность называется изоморфизмом. Отметим также, будучи в предметной области числа “Нуль”, что применительно к точке в математике употребителен термин “нульмерное пространство”.

Обратимся к генеалогии арабской цифры. В языке немецком обозначающая её точка называется “der Punkt”. В современной татарской речи, по роду своему тюркской, понятие “точка” передаётся существительным “нокта”. В речи арабской, одной из линий тока прайзыка человечества, смыслонесущие согласные **НКТ** того же обозначающего точку слова получены с применением операции сложения согласных букв слова “Муханадис” и замены получившихся сотни, пяти десятков и девяты единиц их буквенными эквивалентами. Значения слова “Муханадис” — “Геометр” (Землемер, Землеустроитель) и “Архитектор” (Главный Мастер, Главный Строитель) — тождественны Великому Архитектору Вселенной масонских лож.

На художника и строителя вышнего указывает не только символ, знак, но и фонетический код, звук. И линию тока началообразующей функции на разных широтах и культурных горизонтах можно различить по сочетаниям в корнеслове смыслонесущих согласных **К** и **Н**. Фонетический образ, как и образ фольклорный, мифологический, хранит и освещает черты и свойства своего источника, прообраза, реальности. В нашем случае это силы порядка системы природы, её иерархически организованной целостности.

Исследуемое нами атрибутивное свойство начального образования в системе жизни узнаётся по биению **КН** и **НК** в корнеслове причинно не обусловленного “Искони”, начинающем Евангелие от Иоанна, в именах Нёирин Каннон японской богини блага жизни и Нгаук Хоанг вьетнамского верховного божества, в наименовании “Океан” образа теогонического мифа Иуну, “Илиады” и сказок А.С. Пушкина, в слове “бэекан” языка эвенков, обозначающем душу и куклу. Во внутреннем единстве со свойством находится эпизод в Кане

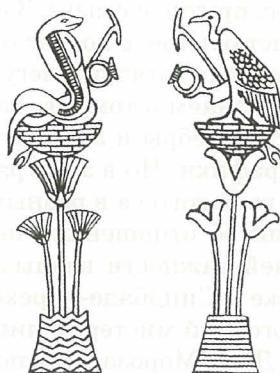

Рис. 1.7. Богини-покровительницы Низовья и Верховья Египта кобра Уаджит и птица Нехбет в корзинах-иероглифах “неб” с “жезлами правоты” — скрепами “уас” и картушами, аналогами иероглифа “анх”.

Галилейской. Иисус положил там начало чудесам и явил славу свою (Иоанн. 2:11.). Близ города Никеи обрекается водам Иверская икона Богоматери, явившаяся быть Хранительницей Афона. Благочестивая вдова, спасая её от иконоборцев, предала чудотворный образ волнам моря. Идя по воде, его принял на оном берегу принявший монашество сын вдовы. Тайное свойство “включения” соединено и с названием “санкхья” философской школы индуизма, означающим и “число”, и “размышление”, с существительным “окно” и с глаголом “возникать”. Произведением **КН** арабский язык обозначает состояние ума в сосредоточенном размышлении. Тем же словом обозначают суфизм, обнаруживая, по признаку типа и цели мышления, характер и древность духовного братства, связанного с высшими формами совершенствования человечества. Названное содержание корня **НКТ** хорошо координируются с гелиопольским (Иуну) мифом о воссуществовании первого божества во вселенной в результате осознания самого себя.

В космогонии Мемфиса (египетск. Хет-Ка-Пта, затем Меннефер) приглушенная пара **НК** в огласовке побудительного начала — иероглифа “**анх**” предшествует вместе с ним появлению жизни, мысль о которой зародилась в сердце и выразилась языком великого бога Птаха. Воссуществование иероглифа “**анх**”, видом напоминающего о джинне из сказки об Алладине и

Лампе, предварило появление творческой силы мемфисских богов. От его авестийского соответствия “**анху**” производно имя зороастрийского Создателя Ахура Мазды. Космогонический смысл иероглифа “**анх**”, переданный в переводах существительным “жизнь”, сообразен и со стихом “*Аз есть хлеб жизни*” (Иоанн. 6:48), и со свойствами дхармы буддизма Тибета. Имея наиболее общий характер по определению, иероглиф, похоже, является выражимостью и того, что ныне мы называем идеей. В греческой мифологии Идея — имя нимфы, вскормившей маленького Зевса. Идея — несущий остов сообщества в размышлениях президента США Джона Фитцджеральда Кеннеди, убитого в Далласе 3 ноября 1963 года. Они напоминают думы вождя оставшегося без оружия отряда. В книге “Стратегия мира” он пишет, что американское общество “испытывает сейчас большую нужду в моци идей, чем нужду в атомной, финансовой, промышленной и даже человеческой моци”. Форма знака “**анх**” практически повторяется культовыми фигурами из столицы Маргианы¹² (рис. 1.8), неизменно входит в

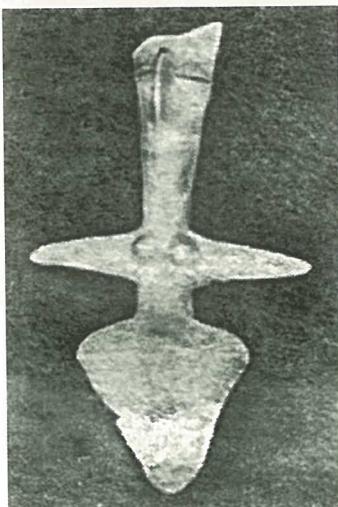

Рис. 1.8. Терракотовая фигурка божества из Маргианы — версия перевернутого иероглифа “анх”

¹² Страна Моуру зороастрийской “Австы”, II тыс. до Р.Х., перс. Маргуш. Центральные Каракумы, долина р. Мургаб.

реестр описаний форм животворящего православного креста и преосуществляется в державу царских регалий российской геральдики. Начертание его истолковывается, в контексте отображения представлений о процессах включения, как завязка запищающей стопу сандалии, хотя верхняя его часть явно напоминает и препоясанье, и картуш, а без перекладины он похож на такой знак окормления, как ложка, тоже имеющая отношение к программам включения. Смысл иероглифа может дублироваться картушами, что держат покровительницы Низовья и Верховья Египта кобра и птица, восседающие в гнёздах иероглифах “неб” (рис. 1.7).

В “Ригведе” повелительное наклонение “завяжи” применительно к ноге — аллегория принятия решения, предваряющего судьбоносное движение. В греческой лексике к идеографической конструкции Египта и Вед приближается слово “thesis”, обозначающее постановку ноги в танце.

Объект “завязка”, консолидирующее действие “завяжи” и по дальнему полю смысла, и функционально, эквивалентны подвязке, давшей имя Ордену Подвязки, адекватно представляющему кормило высшего круга европейской аристократии. Подстать раскрывающемуся смыслу меры “анх” и предназначение искусства, заключающего в себе то же побудительное начало, что отображено древней аллегорией, равно как и православной метафорой препоясания силою свыше на брань против сил преисподних. Отзвук истолкования египетского образа улавливается и в суждении Иоанна Предтечи о Христе: “я не достоин развязать ремень у обуви Его” (Иоанн. 1:27).

В шумерском пантеоне мера **НК** применима к божеству — подателю благ жизни, мудрости и ремёсел по имени Энки. В Зодиаке Энки — созвездие “Козерог”. В его царствование на небесном престоле находит жену сказочный царь Салтан, отделяется от тьмы свет, прибывая, и в его чертоге рождается Христос. В православном календаре у этих зодиакальных врат благ и милости стоит день святителя Николая-чудотворца, приходящийся на 19 декабря. Со времён “идолопоклонства” голова зодиакального рыбокозла Энки связывалась с эволюционным будущим человечества, что хорошо прослеживается в уцелевшем козлёнке сказки о волке и семерых козлятах, а покрытое чешуйей тело рыбы символизировало видение труднодоступных глубин скрытых связей, называемое премудростью. Функцию и имя,ственные шумерскому астральному богу, несёт татарское существительное “энкэ” со значениями “мать” и “материнство”. В некоторых источниках Энки — андрогинное божество. Синоним “энкэ”, существительное “ана”, пересекается с именем старейшины шумерского пантеона бога Ана, обладателя всех жизненных субстанций (ме), названных в оккультизме астральным планом.

В языке арабском пара **НК** содержится в корнеслове названия “нахл” пальмы, священного дерева и аллегории жизни, подобной знаку “анх” даже внешне. Корень **НХЛ** означает трудноуловимую сущность, воспринимаемую столь же изощрённым инструментом: богоданным свойством бараки. Именно его, это свойство, которое можно назвать силой внимания, ищут родители принца в сказке Г. Х. Андерсена “Принцесса на горошине”.

В мифологии Древней Греции, преемницы мудрости речных цивилизаций Шумера и Египта, свойства нульмерного пространства распознаются в образах богини ночи Нюкты, легко ассоциирующейся с характерным для предметной области числа “Нуль” состоянием невыявленности субстанций, и богини победы Ники, неизменной спутницы Зевса. В наши дни мы узнаём его метрику в смысловом ядре слов “der König”, нем. — “царь”, “вождь”, “победитель”, “герой”, “die Kunde” — “весть”, “die Kunst” — “искусство”, “können”, нем. — “мочь” и в основании отчего слова “наука”. Карл Густав Юнг говорит о причинной обусловленности последней¹³: “Вся наука, всё же, является функцией души, в которую уходят корнями все знания. Душа является величайшим из чудес космоса, это *conditio sine qua non* (необходимое условие) мира как объекта”.

С букв **Н** и **К** начинаются слова “начаток” и “конец” Божественного самоотождествления в “Откровении” Иоанна Богослова и именование иконы Богоматери “Неопалимая Купина” (рис. 1.5), в котором первое слово ассилируется с отношениями неподвижности, а второе — с понятием множества. В тропаре Пресвятой Богородице читаем о дофеноменальном: “Иже в купине, огнем горящей и несгораемой, показавый Моисеowi Пречистую Твою Матерь, Христе Боже...” Ту же последовательность смыслонесущих согласных содержат южно-германское существительное der Schneck со значениями “малютка”, “милашка” и имя Снегурочки, имена не увидевшего смерти пророка Еноха (Евр. 1:5) и коранического посланника Нуха (Зиусудра Шумера, он же Ной Ветхого Завета).

Операция сложения числовых эквивалентов букв **Н** и **К**, равных 50 и 20 в церковнославянском буквенно-цифровом соответствии, даёт числовой эквивалент 70 известной нам буквы “Он” и арабской “айн”, фонетической копии круглой “айн”, “глаз”, финикийской. Число обладает свойством совмещать системы знаний. В языке маловодных ареалов арабском словом “айн” обозначается колодец. Идеографическое наполнение связанных с постижением истины образов “глаз” и “колодец” ассоциируется с известными метафорами луча света в тёмном царстве и передачи воды жаждущим. “Семьдесят” — толкование значения названия “Септуагинта”, данного перевodu на греческий язык такого “ока” и “колодца”, как Ветхий Завет. Название “LXX”, несомненно, связано как с причиной с семидесятидневным исчезновением с небосвода над берегами Нила хранительницы благодатного вечного закона звезды Сотис (*Сириус, α Большого Пса*). Глава десятая Евангелия от Луки начинается с эпизода избрания Христом семидесяти на апостольское служение. В русской народной сказке “Вещий сон” число “семьдесят” сопряжено с такими диковинками, как шапка-невидимка, ковёр-самолёт и сапоги-скороходы, вполне достойными напоминать о ключе разумения и представлять милости Тайнодейственного Творца. Три старца препирались об этом отцовском наследстве семьдесят лет, пока случай, в лице Ивана — купеческого сына, не разрешил их спор.

¹³ Цитируется по кн. Э. Шредингера “Разум и материя”.

В отношении скоординированности со словообразовательным гнездом и смысловыми ядром и мерой **НК-КН** находятся слова “начало” и “конец”; тюркское название берёзы “каен” и наименование “кишкану” дерева, необходимого уже знакомому нам шумерскому богу Энки для исцеления организма жизни от нанесённого ему вреда. “Šurkinnu” — название жертвоприношения, которое совершает покровительствуемый Энки герой Зиусудра, ступивший на гору Ницир, поднявшуюся среди вод потопа. Во множество форм, выражают пред-
ставление о действии началообразующей функции, войдут суфийский Орден Накшбанди (Художники) и арабское наименование “накш-ха” пищи впечатлений; термины “цянь” (творчество), “кань” (погружение) и “кунь” (исполнение) китайской “И цзин”, книги о первоосновах мира; титулы “князь”, “хань” и “ко-
нунг”. В семейство входят имена Джоконда, Конфуций, Лаокоон, Лукан, Ни-
кита, Никон, Никодим, Николай, фамилии Кант, Сенека; карельское называ-
ние Кондопога со значением “медвежий угол”, библейское — Иерихон и исто-
рическое имя Самарканда (Мараканда) столицы властителя могущественной империи XIV века Тимура. Теми же смыслонесущими согласными, что тюркское и арабское слово “точка” (нокта), образовано название Такни крепости драгоценностей из рассказа о Хасибе и царице змей. В описании никому не ведомой и не подчинённой цитадели из “Тысячи и одной ночи” отчётливо рас-
познаются характеристические признаки нульмерного пространства.

В пользу принадлежности к ансамблю ключевого для нашего исследования понятия “начало” этимологический словарь раскрывает основу “кон” в космологических значениях “начало”, “порядок”, “ряд”. Их мерность и связность с карлогоническим (гарбха, санскрит — зародыш) принципом и тонким мастерством использования абстракций фундаментализируются в об-
разе: “Нача Богородица скати кокин, еже есть Червленица”. В последней редакции Евангелия от Иоанна словом “начало” замещено гимническое “ис-
кони” церковнославянского священного языка.

Из истории Дагестана известно о титуле “нуцал” правителя княжества с резиденцией на Хунзахском плато. Эта единица языка близка к слову “на-
чало” как фонетически, так и по смыслу, видоизменив согласный корня по типу “Кирка-Цирцея”. Подобное же обращение “К” является название эпической горы Ницир. Смысловая и лексическая форма “нечер” — огласовка еги-
петского иероглифа со значением “бог”. “Нетцер” — название свежего откор-
невого побега (рис. 2.2), с которым сравниваются и Пречистая Дева, и Христос. Образ привлекает внимание и как возможный этимологический и онто-
логический исток слова “нация”.

Метафоры “источник”, “исток” часто работают в статусе понятия “начало”. Они принадлежат к тому же корню, что существительные “точило” (устройство для выжимания масла, сока и гнева Господня) и “точка”. У последнего есть дополнение, передающее идеи равновесия, гармонии, концентрации, истины и плодоносности. Повествование об учении отрока Варфоломея, будущего преподобного Сергия Радонежского, говорит о причине бесплодности его начала словами “неточен бысть”. Признак “неточен бысть” по отношению к некоторым современным отрокам учительницы формулируют так: “Из

нега ничего не выjmешь”. Утраченная полнота значений слова “точка” отчасти восстанавливается представлением об институте школы как точке роста общества, идиомой “дойти до точки”, в значении до полноты понимания, до сути, до истины; представлением об опирающейся на истину точке зрения как о динамической силе ума искателя и высказыванием Дмитрия Мережковского об А.С. Пушкине: “Взор его был слишком трезв, точен и верен действительности”. Без связи с однокоренным со словом “точка” термином “сосредоточение” трудно говорить определённо о смысле понятий “понимание”, “развитие”. В исламе такого рода частности отились в формулу, описывающую свойство последовательностей: “Всё, без чего не достигается обязательное, само становится обязательным”. В интеллектуальной системе суфизма и арабского мира и знак точки, и обозначающее его слово с корнем **НКТ** прямо указывают на сакральный объект верховной творческой мощи.

Координирующий индекс **НК** самосогласованного поля многообразных проявлений началообразующей функции мы встречаем в знакомом названии горы Ницир, к которой пристал шумерский корабль с семенем всякой души в своём чреве; в общем названии “нуклон” нейтрона и протона, основы атомного ядра, и в слове “анекdot”, принадлежащем культурному горизонту, с коим сообразен термин “нулевой цикл”. Им, не предусмотренным Строительными нормами и правилами, обозначают подземную часть зданий и сооружений или подготовительные работы на строительном объекте. В этом рудном культурном объёме находится смысл слова “анекdot”, применённого А.С. Пушкиным для описания категориального аппарата умоустройства своего приятеля Онегина.

В татарской речи осциллятор **НК** наряжен прилагательным “нык” со значениями “крепкий”, “прочный”, “нерушимый”, “сильный”. Пара является в климатической характеристике “салкын”, с градациями описываемого лексической формой “салкын” свойства в состояниях “прохладно”, “холодно”, “морозно”, “стужа”. В языке греческом словом “нектар” именуется напиток, дающий богам бессмертие и вечную юность.

Парная и, как множество, состоящее из одинаковых элементов, равная **НК** форма **КН** работает в словах, передающих связь со значениями “сок”, “экстракт” и в слове “кан” (кровь) тюркской башкирской речи. Мы найдём её в существительных “закон”, “икона”, “канал”, “канат”, “канва”, “кандалы”, “канон”, “кантон” и “кануть”, “кенгуру”, “книга”, “кокон”, “кон”, “кондравшка” и “конец”, “конопля”, “конус” (средство кодирования и раскодирования тайнописи и геометрическая модель кроны древа жизни), “конъяк”, “окунь”. Упорядоченная пара и мера **КН** костюмирована в собирательном глаголе “окинуть”, сочетающемся со словом “взор”. Под действием напряжённости поля, производного от задачи преобразования объекта действительности в образ, наш осциллятор образует существительные “кандидат”, “конституция”, “консул”, “контора”, “контракт”, “концепция”, “скиния” и “сцена”; прилагательные, “уникальный” и “кондовый”. Этимологическим словарём последнее связываемо с диалектным “конда” и финским “honka”(сосна), но думать хочется о его родстве с древним славянским сло-

вом “кон”, “кун” в значении “род” и с карельским “конди”, “медведь”. Сосна, скорее, соединяет с “die Koniferen”, нем. — “хвойные”, древний шумерский смысловой исток слова “конференция”. Знаменем воспламеняющего свойства пребывающего огниво корне слова **КН** дважды является в наименовании зажигательной музыкальной формы: канкан из оперетты Ж. Оффенбаха “Орфей в аду” служит визитной карточкой замечательного музыкального жанра.

Сходимость мерности и связность имени и сущности проследим на примере существительного “канон”. Этимологи доводят его происхождение до мерного стержня из тростника, передавшего имя перекладине коромысла весов, откуда оно перешло на правило, инструмент нормы и на стандарт церковной службы. Но по отношению и к канону духовному, и к атрибутивному свойству пребывающего, действие собственной функции которого отображается масштабным, причинно не обусловленным мифологическим образом Океана и возбуждающим идеиные и лексические волны осциллятором **КН**, представляется сомнительной техническая линия тока в происхождении имени, там более её рыночный исток.

Имя и сущность легко и непротиворечиво осмысливаются как единство, когда место тростника занимает древнеегипетское абстрактное понятие “хену”. В границы этой общей меры действительности входили и входят объекты, обладающие общим свойством духовного, подобного любви к Богу, и родомысленного воздействия на человека, подобного любви к Родине, любви “к отеческим гробам”. Словом “хену” назывались и святая святых храмов Древнего Египта, где хранились наосы со священными ладьями и осуществлялось незримое таинство претворения в земные небесных вод. Буквальное значение “хену” — “то, что внутри”. По сути оно совпадает с определением абстракции. Соответствие “hen” египетской фонетической форме в греческом оригинале Евангелия служит одновременно соответствием среднего рода в провозглашении Иисуса: “Я и Отец — одно” (Иоанн. 10.30). Как и чёткое “одно” утверждения Христа об отношениях единосущности между Отцом и Им Самим, “хену” и “канон” связаны единородностью, то есть принадлежностью к единой тонкой субстанции, причине, сути, мере. Или идее.

Плодом осмыслиения единой мерности и связности внешне разрозненного служат возвышенные учения об идентичности. В православии — о единосущности Святой Троицы. В исламе имя “Единый” Аллаха передаётся тремя буквами: “Алиф”, “Ха” и “Даль”, что является изоморфным преобразованием триады в духе процитированного уже аята 100 (106) суры 2 “Корова”. В православии число тринадцать, образующееся сложением числовых эквивалентов арабских букв ٰ “Алиф” (1), ٌ “Ха” (8) и ٔ “Даль” (4) считается числом Божественной Премудрости. Собор Святой Софии Премудрости Божией, построенный в Новгороде Великом в 989 году, был тринадцатиглав. Воплощённую Премудрость (Софию) — Христа и Его двенадцать Апостолов — символизировал и киевский Софийский собор. Василиса Премудрая, дочь морского царя из русской сказки, — тринадцатая из голубиц-сестёр. Реминисценцию её образа нетрудно угадать в Волхове из оперы Н.А. Римского-Корсакова “Садко”. Чуть

сложнее общее свойство улавливается в пьесе “Лебедь” Камиля Сен-Санса, тринадцатой по счёту в его цикле “Карнавал животных”. Видоизменением выражения общего свойства служит слово “Висмиллах” известной арабской формулы “Висмиллах ар-Рахман, ар-Рахим” (“Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного”). Инверсией передающего его знака суфийской сигнальной системы служат изображение на эрмитажных древних русских колтах XI...XII века, астроиды иконы “Неопалимая купина” (рис. 1.5) и иконы “Спас в силах” середины XV века из иконостаса Свято-Преображенского собора Твери, хранящейся в Государственном Русском музее. Форму восьмиконечной звезды знака протезы “Висмиллах” сур Корана имеет фундамент мечети “Кол Шариф” в Кремле Казани. В науке, носящей в исламе титул “сокровищница веры” по причине того, что естественным основанием литья духовного свода тоже является практический опыт, учение о связности и единой обуславливающей её мере локализовано в предмете генетики. “Размерность” и “связность” как фундаментальные свойства геометрических объектов — основные категории предметной области такой части высшей геометрии, как топология. Корни слов “хену”, “огонь” и “тен”, равно как и “агнец”, — преобразования смыслонесущей пары и меры КН, которые можно назвать топологическими. Топологические преобразования определяются обычно как взаимно однозначные и взаимно непрерывные, сохраняющие линии тока.

Иного вида форма общей меры, указывающей на единое сакральное начало, общее гнездо, “то, что внутри”, доминирует в виде крупных точек между предложениями в арабских текстах Корана (рис. 1.9), ниспосланного пророку Мухаммату, и в написанном полууставом Евангелии от Марка (рис. 1.10) о посланничестве Иисуса (пророка Исы в Коране).

Единородные точки Евангелия и Корана в значении, наиболее удалён-

أَنَا حَبَّيْتَنَا لِلْأَسَاءَ حَبَّاً ● ثُمَّ مَنْقَعْتَنَا لِلأَرْضِ شَقَّاً ● فَانْتَهَتَنَا بِهَا حَبَّاً
وَعَبَّا وَفَقَّبَا ● وَرَبِّيْنَا وَنَخْلَأْ ● وَحَدَّائِقَ عَلْبَياً ● وَفَاكِهَهُ وَأَبَياً

Рис. 1.9. Аяты 25...41 суры 80 “Абаса” (Нахмурился).

ном от обыденного их восприятия в качестве знака препинания, — знак со-прикосновения священных текстов в истоке, в первоначальном учении, видоизменяющемся, по замыслу Мастера, Творца, подобно массе глины, теста или металла. На сопряжение это указывают также согласованность нравственных норм мировых религий, утверждение Корана о Едином, управляющем посланнической миссией всех пророков, и недавно упомянутый айат 100 (106)¹⁴ из суры 2 “Аль Бакара” (Корова), повествующий, как мы только что выяснили, и о топологических преобразованиях.

¹⁴ Всякий раз, как Мы отменяем стих или заставляем его забыть, Мы приводим лучший, чем он, или похожий на него. Разве ты не знаешь, что Аллах над всякой вещью мошен? (Коран. 2. 100).

Системное указание двух текстов на объект высшей сакральной силы и на единый исток метафизических учений позволяет думать о существовании на трудноизмеримой хронологической глубине некоего общего для вероисповеданий и цивилизаций сакрального центра, соединявшего вещественности, которые мы привыкли обозначать как “горнее”, “небесное” и “дольнее”, “земное”. Память о нём хранится в разных образах. Её фольклорный след — царь Горох народной сказки и странноватые родители принца, подкладывающие под гору перин и тюфяков горошину, чтобы выбрать сыну подходящую невесту. Среди зодиакальных символов на место слияния двух морей может указывать знак созвездия “Рак”, начидающего свое правление в момент полной силы Солнца и перехода продолжительности дня от возастания к убыванию. Математик определил бы момент баланса границы фаз, как точку равенства нулю первой производной, будь то скорость или угол наклона касательной. Форма знака созвездия “Рак” ассилирует символы чисел “шесть” и “девять” отношением центральной симметрии.

След общего гнезда в аяте 1 суры 17 “Аль Исра” (Ночной перенос) Корана — мечеть отдалённейшая, “вокруг которой Мы благословили”. Туда воля Всевышнего переносит пророка Мухаммата иной вещественности ночью вознесения (Ал-Мирадж), “чтобы показать ему из Наших знамений”. Как поля зрения бинокля, множества “небесное” и “земное” пересекались в древнем духовном центре, породившем понятие и символизм центра мира. Об этом пересечении в Коране (6.35) говорится также и как о лестнице на небо, и как о месте слияния двух морей. Аят 60 суры 18 “Аль Кахф” (Пещера) приводит возглас изыскателя Мусы (Моисея), стремящегося в область сопряжения, единого дыхания объектов “небесное” и “земное”: “Не отступлю, пока я не достигну места слияния двух морей, хотя бы довелось идти мне годы”. В рассказе о Хасибе и царице змей из “1001 ночи” имя искателя, пред которым открываются Ворота Слияния Двух Морей — Булукия.

Рис. 1.10. Начало Евангелия от Марка.
Шрифт — полуустав.

А.С. Пушкин, опираясь на сходное с претворением в земные небесных вод характеристическое свойство старинного орудия преобразования одного вида энергии в другой, дал месторождению форм, отношений, которые мы неспособны уловить непосредственно, и которые, не подразумевая осозаемых понятий пространства и времени, обусловливают движение колесницы мироздания, вид и название Лукоморья. Его мышлению оказалось по силам выразить действие причинного пространства и в обычных образах. В слегка ошеломляющей композиции повести “Метель” с движением сюжета совмещена действительность иного уровня. Действие неоткрытых ходов причинности, недоступных логическому восприятию законов отображено словом, делающим механизмом их понимания переживание, чувство, — древнейшие каналы проводящей сети высшего знания.

19 октября 1830 года, в годовщину Лицея, в Болдине, на полях рукописи “Метели”, последней из “Повестей Белкина”, датированной двадцатым октября, их автор напишет о главе десятой “Евгения Онегина”: “19 окт. сожжена X песнь”. Работа над романом, по замыслу двенадцатиглавым, передаёт, как энергия в механизме лука, в форму с иной качественной определённостью. Теоретическая схема труда, совершающегося для важнейшей общественной цели, поднимется на другую ступень абстракции и продолжится в образах и отношениях “Сказки о царе Салтане, сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди”. Абстракции более глубокие и ёмкие, они полнее обобщают внутренние закономерности, определяющие характер движения среды. Предельным обобщением образного ряда, имеющим характер прорицания, станет “Сказка о рыбаке и рыбке”.

Благодать ясной мысли поэта вырастает из той же извечно помогающей существованию человечества и одухотворяющей мёртвую букву математической структуры, что письмена и благородные вероучения. Художественная правда о ней — Воевода Мороз, верба острова древнеегипетской космогонии и дерево Зевса на пустом острове в Океане из его сказки. В ветвях вербы вьёт гнездо птица Бену, яйцо которой положило начало миру. Из ветви дуба сгибает лук будущий князь Гвидон. Всехватные, как небо, величины по признаку происхождения относятся к одному множеству. Об одном из его элементов Низами Гянджеви¹⁵ говорит в поэме “Сокровищница тайн”:

Под языком поэта лежит ключ к сокровищнице.

Общая особенность, имеющая жизненную ценность и эволюционную важность объективной истины, относит роман и сказки А.С. Пушкина к системам доктрин и образов, объединяемых предметной областью числа “Нуль”. В её оболочке, по отношению к которой неизвестно чего-либо более общего, обуславливающего, таится и поэтический образ силы, выковывающей такой субъект познания, как народ. Соединяет с этой силой не только ищущая истину система науки. Незыблемая формула, необходимая будущей истории России, стоит за звуком и слогом речи, традицией, за категориальным аппа-

¹⁵ Годы жизни ок. 1141...ок. 1209.

ратом образов и чудес пушкинской и народной сказки. Они и образуют добрую землю евангельской притчи о сеятеле (Матф. 13:3...23), делая человека соучастником бесконечного и ежеминутного дела сотворения себя и мира.

Повествование о слагаемых формулы миросозидания продолжится в разделе о числе “Один”.

Глава вторая. Число «Один»

Он лежал пустой равниной;
Рос на нём дубок единий...

А.С. Пушкин. Сказка о царе Салтане...

Определение единицы в кратком математическом словаре — “наименьшее из натуральных чисел”. Единица — мера сопоставления, эталон для построения и калибровки числового поля, выражение закономерности, дающей жизнь числообразовательной базе и натуральному ряду. Выше единицы не плещут волны синусоиды и вероятности. Умножение на единицу — скромнейший представитель множества тождественных преобразований, именуемых также единичными. В их корзину входят мероприятия гигиенические, природоохранные, лечебные и ремонтные, реставрация, сохранение соответствия между обозначением и обозначаемым, названием и реальностью, поддержание устойчивого функционирования общественных и производственных систем, удержание достигнутого в отношениях, спорте, научёмких технологиях, в культуре и идейной мощи...

В мифологии Древней Греции олицетворением представлений о значении трудов домашней хозяйки, правителя, врача, ремесленника, земледельца, воина, служителя науки и веры является фигура держащего небесный свод титана Атланта. Так, сохрания существенное, образ глубокой старины оказывается живым, является преосуществлением опыта, через который проходит каждое новое поколение. Это и пример инверсии, перевода в образ математического понятия единичного преобразования, и ещё одна иллюстрация понятия изоморфизма, благодаря которому простая форма становится эквивалентом и рабочей моделью сложной системы отношений, присущих элементам отображаемого ею множества, реальности.

Подобное движение к вершине приводит и к появлению отображения, состоящего из одного элемента, — единичного множества. В один гомологический ряд с титаном Атлантом становится страж Крита медный великан Тал. Фигура Тала — такой же, как титан Атлант, образ, работающий в статусах как понятия, обозначающего фундаментальное слагаемое системы отношений, так и признака множества. Из имени “Тал” в сочетании с древнеегипетской лексической единицей “рен” со значением “имя” возникло слово “толерантность”. В техносфере нижний и верхний толерантные пределы об-

разуют интервал достоверных представлений о действительности, сиречь знаний, что служит важнейшим инструментом инженера как сопричастника акта творения, гарантирующего надёжность работы машины и безопасность пассажиров корабля или летательного аппарата.

В паре с нулём единица образует такое уникальное множество, как числовая база двоичного способа счисления компьютерных операционных систем. Эталонной мерой служит и замкнутое между нулём и единицей бесконечное множество дробей $\{1/2; 1/3; 1/4; 1/5 \dots\}$. Оно эквивалентно совокупности всех натуральных чисел $\{1; 2; 3; 4; 5 \dots\}$. Другим эталоном служит множество вещественных чисел из того же промежутка. Эталон именуется “континуум”, а всякое эквивалентное ему множество — континуальным.

Единица уникальна не только в качестве действующего начала построения счисления. Класс эквивалентности “число Один” — отображение системного уровня Бытия со специфической собственной функцией. Чем же эквивалентны друг другу предметы этого класса? Каково общее внутреннее свойство элементов, входящих в это подмножество Универсума?

Часто элементы эти — объекты метафизические. Иммануил Кант определил метафизику как вид знания, который “надо рассматривать как данный; метафизика существует если не как наука, то во всяком случае как природная склонность”¹⁶. Эмпирическое обобщение представлений об этом естественном основании изложено в известном диалоге: “— Так ты из-за рифмы будешь на меня всякую неправду сочинять? — вскипел Знайка.

— Конечно, — ответил Незнайка. Зачем же мне сочинять правду? Правду и сочинять нечего, она и так есть”.

Ветхий Завет ставит в соответствие нашему поисковому признаку понятие “свет”.

Б в начале сотворил Бог небо и землю.

Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною;

и Дух Божий носился над водою.

И сказал Бог: да будет свет. И стал свет.

И увидел Бог свет, что он хороши; и отделил

Бог свет от тьмы.

И назвал Бог свет днём, а тьму ночью. И был вечер,

и было утро: день один.

Но годятся ли меры “свет” и “день”, объекты физического мира, на роль обозначений скрытого атрибутивного свойства мироустройства?

Для ответа на вопрос о взаимосвязи относящегося к разным измерениям пребывающего отыщем несколько возможных отношений, для которых применима идеограмма “свет”. Первый шаг поможет сделать биография автора, соединившего свет, день и начало творения в конспективной редукции главы первой книги “Бытие”. До изгнания и принятия имени, которое мы произносим как Муса и Моисей, будущий боговидец, а посему и законода-

¹⁶ Соч. Т. 3, с. 118. Критика чистого разума.

тель, входил в высший жреческий круг Древнего Египта с именем Хозарсиф. Посвящённый царице Неба и Земли Исиде воспитанник египетской школы мысли, а затем главный хранитель её сокровищ, он не мог не знать, что в космогонии Иunu начало творения, выраженное им в идеограмме “свет”, зарегистрировано по индексу мысли, разума. О разуме как скульптуре сущего в священной по статусу “Илиаде”, на сопоставимой со временем жизни автора “Пятикнижия” хронологической глубине, с эпитетом “светлый” высказывается Гомер (13.731):

Светлый: плодами его племена благоденствуют смертных;

Оным и грады стоят, но стяжавший сугубо им счастлив.

Тысячелетием ранее, в шумерском по роду своему эпосе о Гильгамеше (Бильгамесе), сподвижник героя Энкиду говорит царю города Урука, своему господину и побратиму, о свете верного представления о действительности: “*Самого могучего, но не имеющего разумения, — Намтар (бог смерти) пожрёт его, Намтар, что не ведает различий.*”

Гелиопольская стратегема Древнего Египта легко различима в таком своём обращении, как “свет разума”, “Солнце Правды” тропаря в честь Рождества Христова. С идеей бытийно-первенствующей световой субстанции согласно и изречение пророка Мухаммата: “Всевышний наградил рабов своих всевозможными дарами, из коих наилучший, самый величественный и до-стославный — разум”. “Солнцем святым”, “солнцем бессмертным”, то есть правящей силой миропорядка, величит разум “Вакхическая песнь” А.С. Пушкина.

За предопределением второго шага поиска обратимся к небесным письменам. На сущность благодатного света превосходящего другие измерения человеческого сознания указывает первое созвездие Зодиака, “Овен”. Смысл его шумерского имени передаётся в переводе на русский язык как “Царь — невольник” и “Доброволец”. В календаре зороастрийцев соответствующий месяц называется “Фравардин”. Значение наименования на среднеперсидском (пехлевийском) языке — “Души героев”. Так долговременная практика сообщества заметила, отфильтровала и утвердила вечной небесной печатью первичность духовного в понимании действительности и благополучия цивилизации. Добровольцем был царь раннего Южного Двуречья, первоначально — наёмный работник общины, обречённый быть убитым за право служить её благу. Прометеев дар, дающий такую настройку сознанию, горел и в сердцах гуру Нанака и пятерых готовых жертвовать жизнью добровольцев, основателей сикхского священного и боевого союза — хальсы в Индии. К семейству, проникнутому решимостью действовать ради пользы других, относятся готра (санскр. — коровник) будд и халка суфиеv, которой, по сути, являются Христос и двенадцать Его учеников. Сегодняшние мусульмане — шииты считают невозможным спасение без имама, существу которого свойственна предвечная божественная световая субстанция, нетварная и свободная от неведенья: “*Тот, кто умирает, не зная истинного имама своего времени, умирает смертью безбожника*”. О священном свете духовного источника в типологии и поведении личности

напоминают Иисус и его заповедь “*Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя*” (Иоанн. 15:13), мечеть “Кол Шариф” (Царь — невольник) в казанском Кремле, художественный фильм “Добровольцы”, безымянный герой романа В.С. Пикуля “Честь имею”, слово объяснения Татьяны

*Но я другому отдана;
Я буду век ему верна.*

и строки А.А. Фета, опоэтизировавшего высокие призвание и дар:

*Не жизни жаль с томительным дыханьем;
Что жизнь и смерть... А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем —
И в ночь идёт, и плачет уходя.*

В духовной доктрине Пифагора душа, обладающая высшим призванием, избирает воплощение не для себя, а для общего блага. Совершенным образом такого воплощения служит жертвенный царь, “свет миру” (Ин. 8.12.), Сын и Агнец Божий, вещающий: “*Огонь пришёл Я низвестъ на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!*” (Лука. 12.49). С точностью до преобразования Ему равен зороастрийский священный огонь — сын Создателя Ахура-Мазды. Лучезарным идеалом сияет и Пречистая Матерь Христа. Благая весть об их избрании осенить землю евангельским светом приходит к ней по воцарении созвездия “Овен”, знаменующего наступление фазы преобладания дня, света.

Меру “свет” можно распространить на каждый из элементов множества “*братство имеющих свидетельство Иисусово*”. Его характеристический признак “*дух пророчества*” указывает на связность с иными, запечатлевшимися в их действиях, показателями пребывающего. Дух пророчества даёт представление о выходящей за пределы осозаемого реальности так же, как свет даёт представление о реальности, отличающейся от самого светильника.

Прорицание — проявление способности к высшим формам восприятия, именуемой в суфизме баракой. Поскольку свойство можно воспринимать как дар, поскольку его корень заменяют иногда смыслонесущими согласными корня, от которого слово “дар” происходит. От этого корня производно и название “халка” первичной группы — организационной основы суфизма. Как и сикхская хальса, суфийская халка подчёркивает значение принципа организованного развития. Его содержание выражается стихом Евангелия: “*Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир*” (Иоанн. 1:9). Последователи суфизма считают эту заложенную в уме каждого человека область сознания задатком его способности к самосовершенствованию и гармонии с замыслом и целью творения и стремятся пробудить ее.

Меры “свет” и “единица” согласуют различные модели представлений о функциях высшего порядка, определяющих состояние системы. В первом послании к Тимофею святого апостола Павла говорится о Боге: “Единый, имеющий бесмертие, Который обитает в неприступном свете”(6.16). В доктрине огнепоклонничества — зороастризме Бог есть совершенная единица. Основное определение Аллаха в Коране, “Единый”, дополняется обворожительным айатом 35 суры 24 “Ан Нур” (Свет).

Аллах есть Свет земли и неба,
И Свет Его подобен нише,
А в ней светильник, что в стекле,
Стекло же — точно яркая звезда,
(Роняющая) свет жемчужинный.
Светильник зажигается от древа
Смоковницы благословенной
Ни на востоке, ни на западе земли,
Чьё масло может вспыхнуть (светом)
Хотя огонь его и не коснётся.
Кладётся свет на свет
(Всё выше к небесам),
И к Свету Своему ведёт Аллах
лишь тех,
Кого (Своей угодой) пожелает.
Так для людей Аллах приводит притчи:
Ему известна всякой вещи суть.¹⁷

На суть двух метафор красивого и загадочного айата указывают две его заключительные строки. Ниша в нём — притчи. Светильник в нише — освещающий суть вещей смысл притч. Печать айата хранит истину и в толковании, применимом к символу. В этом случае его текст передаёт тот же смысл, что транслируется приёмом самоотождествления Бога с символами азбуки в “Откровении” Иоанна Богослова (1.8;1.10;21.16;23.13.). Точный и верный действительности взор А.С. Пушкина преобразовал знаки азбуки и их высокие связи в витязей стражи острова князя Гвидона “Сказки о царе Салтане”. Богатырями в горящей как жар чешуе водительствует блистающий жемчужными сединами первопоселенец пантеона Иуну, глава их могучих охранительных рамен.

Образ, символ, кукла, слово, танец, светильник и свет, мысль соразмерны тем, что дают представление о реальности, отличающейся от их собственного значения. Эту общую особенность иллюстрирует и образ певуньи Белки из той же сказки. Однаковое свойство быстро достигать любой точки древа жизни объединяет её и речь. В ведийском культурном наследии собирательница сокровищ речь — великая богиня Вач, несущая на себе богов, чем смы-

¹⁷ Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой.

кается с древнеегипетской богиней неба Нут. С бытийного первенства того же обращённого в свет космогонического принципа, что в стихе Корана, только не смоковницы, а Слова — Логоса, начинается Евангелие от Иоанна. Образ пушкинской сказки проливает свет и на значение его псевдонима “Белкин”. Три значения слова, называющее, обозначающее и скрывающее, пришли к нам из речи древних египетских жрецов. Живы они и ныне. Так ложка — название столового прибора. В поговорке “Один — с сопкой, семеро — с ложкой” сопка и ложка обозначают и описывают множества и отношения. Ложка может служить и указанием на фундаментальный принцип, лежащий в основе жизни. Три смысла слова скрыты и за эпизодом трёхкратной заброски невода, с которого начинается “Сказка о рыбаке и рыбке”.

Ещё один пример смыслового сложения является сказка Г. Х. Андерсена “Принцесса на горошине”. Из особенностей утончённого восприятия её главного действующего лица, и из высшего восприятия символа числа “Нуль” арабской графики, имеющего форму горошины, ясно кого ведёт Аллах Своей угодой к Свету Своему. Это обладатели качества, карамата¹⁸, называемого в суфизме “барака”.

В такой твердыне ислама, как Дагестан, слову “барака”озвучно наименование “авараг” немногих, которых мы называем святыми пророками и выражение благодарности “баркалла”. Свойство бараки, в частности, проявляется в силе внимания, в способности видеть неприметное малое так же хорошо, как большое, а неотчётливое и скрытое — как вполне различимое. А.С. Пушкин в стихотворении “Пророк” говорит об этом качестве:

*И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полёт,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.*

Аналогия суфийскому термину легко находится в технической терминологии. Бараку можно назвать детектором слабого сигнала. Своебразным выражением представлений о свойствах бараки служит эпизод такой культурной святыни тюрков, как сабантуй. Испытанием на обладание даром бараки служит задача разбить палкой глиняный горшок. Решить её надо после нескольких оборотов

¹⁸ Караматы — дары Аллаха. В более глубоком и близком к истоку культурном горизонте смыслонесущие согласные и их слоги совпадают или пересекаются с категорией Ка древнеегипетской теории личности, именами Ра функции, управляющей движением Солнца, и Маат богини, в чьё хранение Всемогущий поручил устройство мира. Слог “мат”, коим заканчивается неарабское имя Мухаммат, в шумерской языковой среде неизменно связан с таким аллегорическим образом божества, как гора. В санскрите гора — “адри”. Этим словом обозначается и число “семь”, за которым стоят отношения управления. В мифологии Древней Греции Адрастея — имя нимфы, воспитательницы Зевса, делавшей ему игрушки. Её можно видеть в Государственном Эрмитаже на картине Леонардо да Винчи “Мадонна с цветком”. Пример словообразования методом сложением архетипов, характерен и для существительного “барака”.

оруженосца с завязанными глазами. Так эпизод празднества становится тропом, ходом сообщения, соединяющим видимое с представлениями о тонком побудительном начале жизни, властном, в союзе с человеком, разрушить её оковы.

Хорошо нам знакомое по чудесам техники связи значение детектирования слабых сигналов было отлично известно древним. Они отобразили общее и полное его понимание слабосветящими звёздами созвездия “Дракон”. Созвездие мыслилось как регент хора небесных светил. Часть титулатуры шумерского вращателя вселенной Энлиля “Небу — его царь, земле — её великая гора” увековечена небесными письменами и относится к этому северному созвездию. В то время совмещения великих законов культурных горизонтов с достижениями наблюдательной астрономии в созвездии “Дракон” находилась Полярная звезда.

Один из эпитетов Энлиля — “Господин дуновение”. Лёгким страусовым пером коронована богиня-хранительница правды и миропорядка Древнего Египта Маат, давшая имя математике, ветви и визитной карточке аскетики. Очень вероятна связь с представлениями о значении слабых сигналов обращений князя Гвидона в мууху, комара и шмеля. Диковинно мал и игрушка-конёк сказки П.П. Ершова. Ещё одно значениеозвучного с именем “Снегурочка” южно-германского слова der Schneck — “Крошка”. Крошка гироскоп — действующее начало всех навигационных систем сегодняшнего дня. Сродни его водительству и требующие абсолютного слуха verba magistri, слова учителя. Их очень известный пример — “Бхагавадгита”. “Гита” — наставление лучнику Арджуне, о котором он в смятении просит своего колесничего Кришну. Но исходит поучение и от великого браздодержца — бога Вишну, сокрытого обликом друга-возницы.

Смысловая двуплановость присуща и тесно связанной со Стихом Света сказке “Волшебная лампа Алладина”. Сохраняя существенное, на основании отношений изоморфизма, она классифицирует и делает узнаваемым характер перемен, в том числе изменений в социальной и ментальной структуре.

Служа эквивалентами обусловливающих систем отношений и свойств действительности и мерами их узнавания и понимания, образ и символ, притча становится, как уже отмечалось, высказываниями математического содержания. Как и в математике, выраженные ими законы выполняются всегда, распространяясь на опыт любого поколения. Как формула алгебры, так и формула миросложения выражают обобщающую закономерность. Они передают отношения, существующие между элементами реального множества, переоформляя их в отношения, присущие множеству — отображению. Всякий такой род “басенной” равнозначности в отношениях обозначения и обозначаемого, соразмерного преосуществления одного в другом, называется в науке изоморфизмом.

А.С. Пушкину строгий научный приём позволяет обозначить закономерность, соединяющую будничное и вечное. Очень скромен образ няни Филиппьевны, являемый в девяти строфах главы третьей романа “Евгений Онегин”. Великую Панагию и Пантаниссу (Всесарицу) выдают в ней число “девять”, поставленное в соответствие Богоматери в православном каноне, и об-

раз её воспитанницы Татьяны в царственном блеске главы восьмой и сиянии царевны-строительницы Сказки о царе Салтане. Таков путь мысли от вещественного образа с легко узнаваемыми чертами к предельной абстракции, идеальному образу-символу, архетипу. К идеограмме, единице измерения причинных субстанциональных координат категориальным аппаратом субъекта познания. Единице столь же необходимой, как метр, секунда или килограмм. Об одной из таких единиц, веками не теряющей связи с породившей её действительностью, вспоминает индийский издатель Л. Бхаттачарья: “Я принялся потешаться над глупостью, как мне тогда казалось, тех, кто “носился” с памятью о человеке, которого вовсе не существовало. Реакция моего отца была немедленной и резкой. Ну уж если Арджуна не существует, то кто тогда существует? Может ты, или я? Мы-то как раз приходим и уходим, а Арджуна остаётся. Он воплощается в нас и живёт в нашем воображении. Он гораздо более реален, чем любая так называемая реальность нашего мира”.¹⁹

Сказка, Забава Путятишна, часто отнюдь не чужда природе философского знания, являясь его прологом и итогом. Образ и отношения такой сказки — вершина усилий гения. Один из самых простых примеров — сказка о репке. Её построение моделирует отраслевой механизм решения хозяйственных задач, творческую деятельность духовных субстанций, ту же, что шествие выших служителей таинств в книге одиннадцатой “Золотого осла” Апулея, взаимодействие войск на сцене театра военных действий, сумму воздействий разнородных нагрузок на диск и лопатку турбины, обеспечение нужных свойств материала путём легирования в металлургии. Сюжет байки объемлет конструктивный принцип проектирования, математическую категорию “ряд” в её приложении к вычислению значений тригонометрических функций, а в физике — взаимодействие систем и полей, например описываемых линейными уравнениями.

Самым же большим достоинством сказки является то, что за её персонажами и отношениями скрывается норма подхода к поиску истины. Ряд различных решений, каждое из которых приложимо к той или иной части исследовательской задачи, но которые сами по себе не связываются в цельное единство, не может служить заменой общему пониманию, которое охватывает всю картину. Математик назвал бы такую процедуру анализом на пересечение. Сказку о репке можно назвать и родоначальницей теории признаков, которыми руководствуется в своей работе страж Тал.

Подобным путём в философской системе индуизма истина в необходимой полноте открывается с помощью даршаны. Понятие даршаны, применяемое к обозначению системы мысли, происходит от глагола “дарш” санскрита со значением “видеть”. Истина и её поиск в даршанах совмещаются друг с другом общим элементом — “светом”. Любопытно, что в информационно-поисковых системах недавнего прошлого *поисковые признаки* записанной информации

¹⁹ Курьер. ЮНЕСКО. Сентябрь 1985 г. С. 26.

мации наносились на перфокарту в виде сочетания отверстий так, чтобы у карт с однотипной информацией эти отверстия совпадали “на просвет”.

То, что Бог книги “Бытие” назвал свет днём, свидетельствует, что изоморфизм — очень древний способ экономии мысли, сохраняющий существенную для искателя меру и связи исследуемого объекта. Так поскольку день — единица измерения времени, то данное Богом имя связывает со свойством “свет” и самоё функцию времени. С формообразующим аппаратом мира сияния разума, дня и отфильтрованного в образах переживания и понимания опыта, координируются общей способностью проливать свет на окружающее и вызывать вещи к существованию. Базовая единица “день” имеет столь же доступный и ясный смысл, как единица натурального ряда. Обе обозначают атрибутивную собственную функцию миросложения, задающую для класса эквивалентности числа “Один”. Функцию действующего начала.

Закончим ответ на вопрос о состоятельности отображения физическими объектами “свет” и “день” нашего метафизического подмножества, с заданной на нём функцией действующего начала, ещё одной иллюстрацией из романа А.С. Пушкина “Евгений Онегин”. В нём “свет” — наименование господствующего общественного целого, представленного множеством своих сил и состояний, наделённых естественным свойством близости. (Знакомство с ним происходит, конечно же, в главе первой, и из описания дня героя.) Но власть над светским иноком остаётся за другой реальностью. Её свет открывает подрастающему Евгению Monsieur l'Abbé. Глава братства обращает зелёную нишу Летнего сада в “окружённый стеной сад истины”, а совершенный камень скульптур — в светильники, освещдающие чудеса космоса. Мальчик оказался способным к восприятию неприметных сигналов его скрытого и строгого порядка, к различию выходящей за границы видимого действительности. Эти настройка и основа сознания Онегина определит в дальнейшем многое в особенностях его решений и преображений.

Собственная, атрибутивная функция системного уровня реальности, в нашем случае это функция действующего начала, неизбежно складывается с функциями пространственной и временной. Под их воздействием её восприятие расслаивается по временам, градам и весям, принимая самые разные выразительные формы. Но существуют меры, охватывающие всё их могучее многообразие, упорядочивающие его восприятие, позволяющие различить общее во вкусе разных блюд пиршства жизни. Одна из таких мер — число. Нишей, в которую помещается светоч его смысла, служит знак числа, цифра. Поговорим о связи с действительностью формы знака числа. За освещением закона их соответствия обратимся к аппарату мысли и инструменту речи. Остановимся на происхождении языковых форм “единица”, “первый” и “раз”. Они описывают единую собственную смысловую функцию в зависимости от обстоятельств её действия. Этимологический словарь выводит наименование “единица” от того же корня, что слово “иной”, часто употребляющееся в значении “скрытый”, “сокровенный”. В истории Египта значение это характерно для истолкования имени фиванского царя богов Амона (рис. 2.1). Близость представлений этимологов к реальности, выходящей за пределы

видимого, утверждается в имени древнего финикийского бога Адониса, мигрировавшего в греческий пантеон, и родственном ему наименовании Адонай, которым иудеи заменяли непроизносимое четырёхбуквенное имя божества. Их корень, как и основу слов “один” и “единица”, божественных имён “Диана” и “Дионис”, образует та же пара согласных. В надписи царя Дария I²⁰ на скале горы Бехистун над Хорасанской дорогой в северо-западной части Иранского нагорья, имя которой происходит от мидийского *багастана* — “стан богов”, термином “айадана” передано значение “место поклонения”.

Модальность “первый” производна от нарицательного имени “пер-аа” двора и государя Древнего Египта, равно как библейское “фараон” и кораническое “фираун”. Она родственна именам языческого бога славян Перуна, хеттского Пирвы. Мере родительного падежа современного гидронима Евфрат, действующего начала кормящего ландшафта Месопотамии, соответствует лексическая форма Purattim таблицы VIII “Эпоса о Гильгамеше”.

Форма “раз” пересекается и с фонетической орбитой “разум” оболочки исследуемого нами смыслового ядра, и с древнеегипетским наименованием “оаз” обводнённой части пустыни, и с имясловом “Аз” буквы, обозначающей единицу в церковнославянском буквенно-числовом соответствии. Мы уже знаем о её связи через группу из четырёх местоимений, “Аз”, “Иже”, “Наш”, “Он”, с образом Творца, “Солнца Вселенной”. Схожий мотив арабского термина “аль-азаль” указывает на безначальное, причинно не обусловленное существование Аллаха Тааля. Арабское происхождение имеет и слово “азимут”. В зороастрской Авесте “йаз” — глагол со значениями “поклоняться”, “почитать”, которому в санскрите соответствует форма “йадж”.

Если рассматривать ассоциативную связь как разновидность аналогии и способ согласования предметов далее, то имяслов “Аз” координируется и с названием “Уас” скрипетра древнеегипетского божества, и с именем “Уасет” столицы Древнего Египта Фив, а на большей хронологической глубине — с шумерским “А зу” в значении “водознатец”, “целитель”. Звук “А” в нём означает не столько воду в её физико-химическом восприятии, сколько линию тока. Вещее понимание её сохранила китайская медицина, оперирующая понятием “поток энергии”. Линией тока всего тысячу лет назад мыслилась человеческая жизнь. Святой Кирилл²¹, умирая в Риме в возрасте 42 лет, го-

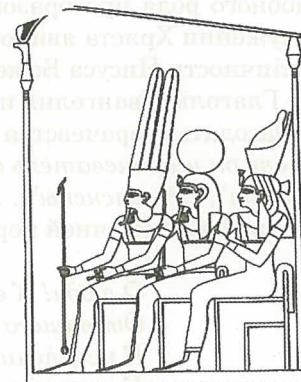

Рис. 2.1. Божества верховной триады Фив Амон со скрипетром “Уас”, Хонсу и Мут с рельефа скального храма Рамсеса II (1290...1224) в Абу-Симбеле.

²⁰ Царь государства Ахеменидов в 522 ... 486 гг. до Р.Х., периода наивысшего могущества древнеперсидской державы.

²¹ Константин Философ. Родился около 826, умер в 869 г. по Р.Х.

ворит брату Мефодию: “...падаю, течение скончав”. В Древнем Египте работающая в статусе понятия метафора “вода” соразмерна индуистской дхарме и означает “то, что ведёт”. Выражение “быть на чужой воде” означало нахождение в зависимости, а порядок назывался “водой изобилия”. Близкий, как и славянский корнеслов, к этой размерности и связности в понимании категории “вода”, Патриарх Константинопольский Герман (VIII в.) в хвалитных стихирах Крещенской утrenи говорит о водознатце Христе: “Яко в водах всех нас обновил еси”.

Шумерское название врачаevателя привлекает сообразностью, союзностью основообразующей функции и с благодатью целить недуги. Что демонстрирует Иисус, олицетворяя функцию действующего начала и исцеляя недуги тела, духа (Марк. 2.17) и ложного обычая (Марк. 3.4). Мы уже знаем, что подобного рода преобразования называются единичными. Главным из них в служении Христа явилось восстановление такого эталона, как воплощённый в личности Иисуса Божественный Замысел о человеке.

Глаголы Евангелия и Корана в гимне жизни очень часто звучат согласно. Благодатью врачаевства того, что в сердцах, ниспослан Коран: “Путеводитель он и врачеватель для тех, кто веру приобрёл” (Айат 44 суры 41 “Фуссилат”, “Разъяснены”). Айат 57 суры 10, “Йунус” (Иона) и айат 82 суры 17 “Аль Исра” (Ночной перенос), гласят:

*О люди! К вам увещание пришло
От вашего Владыки
И исцеление (от всех сомнений),
Которые (теснят) вам грудь.*

*Через Коран Мы посылаем то,
Что служит исцелением (души)
И милостью для верных,
А для неверных — лишь потеря
Увеличит.*

С созидательным действующим началом Бытия святые равноапостольные братья Кирилл и Мефодий соединяют обе формы обозначающей единицу буквы славянских азбук. Глаголицу открывает крестообразный “Аз”, символ Божьего суда и Закона.

По оси культуры сообщества форма знака восходит к двум эпизодам суда “Властелина всего” Осириса: взвешиванием на Весах Истины сердца претендента на место в царстве блаженных, и с возвращением праведному зрения и жизни в стране верховного божества загробного мира и культа. “Аз” схематично повторяет форму весов из “Книги мёртвых” Древнего Египта и форму человеческой фигуры в один из моментов пробуждения.

“Аз” же держит светильники Троицкого моста в Санкт-Петербурге на той же, что Нил, географической долготе. Зная о единородности существительного “канон” с сакральным древнеегипетским понятием “хену”, охватываю-

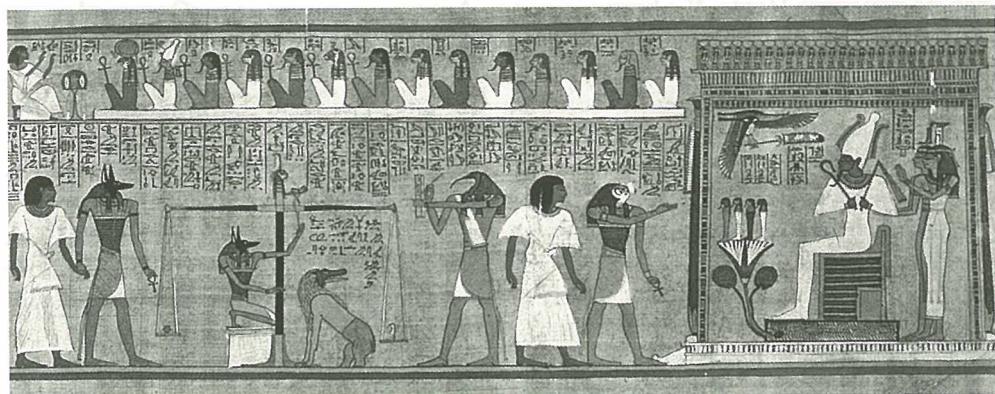

Рис. 2.2. Изображение суда Осириса на рисунке из Книги Мёртвых

(“Папирус Ани”, XIX династия, 1306...1186 г.г. до Р.Х.

Британский музей, Лондон)

Рис. 2.3. Верхний ряд изображения суда Осириса из Книги Мёртвых.

(“Папирус писца Несмина”, IV век до Р.Х., Государственный Эрмитаж). В центре — умерший. Два глаза под его руками, орнамент из кобр-уреев, светильников и первовидных иероглифов “шу” (воздух) — аллегория обретения нового дара различения и возвращения способности дышать.

щим родину, царские чертоги и “святая святых” храмов, помня о сочетаемости его с коромыслом Весов Истины заочной страны, можно заключить, что братья воспринимают число “один” как каноническую меру порядка и сопоставления более ёмкую, нежели день, приближающуюся к свету времени, обители божества и канонических заповедей поднимающих цивилизации вероучений. Как мусульманский азан, напоминающий о Весах Аллаха для деяний человека и справедливом воздаянии за них. Как общий призыв врачующей власти силы вечной жизни и тех чувств, для которых нет органа в земной обители. Или как универсальную категорию меры.

Перейдём к знаку кириллицы. Согласованность с мерой “день” различается в нём рельефнее. Происходит это чуть ниже Троицкого и Дворцового мос-

Рис. 2.4. Светильник Троицкого моста.
Санкт-Петербург.

тов по течению Невы. У сфинксов возле Академии художеств. Основа формы букв “Альфа” греческого алфавита, не чуждого демотическому письму Древнего Египта, а вслед за ней “Аз” кириллицы и “А” шрифта гражданско — стилизованное изображение контура головы сфинкса. Сфинксы Древних Фив (Уасет), обрамлявшие, как ныне подъём от Невы, обе стороны аллей, ведущих к храмовому комплексу — святилищу Амона (Незримый, Сокровенный) — аллегории дней года. С точки зрения математики в фигуре сфинкса нет ничего необычного. Это простое объединение множеств, такое же, как поле зрения бинокля, рыбокозёл Энки, душа и тело, лук царевича, ещё не наречённого Гвидоном, ум и нрав, сливающиеся в дух. Могущество, незыблемость и скрытость охранительных отношений высшего порядка во власти дня отображаются телом льва. Жизнеобеспечивающее регулятивное свойство царственности и направленность моши власти олицетворяет голова царя. День — сакральный образ царя, восходящего ежеденно солнца и мерила правды. Царь был олицетворением представлений о свободной от неведения реальности, об условии сплочённости разрозненного во множестве единичных жизненных процессов, об источнике изобилия. Его роль как верховной личности в возвышенных религиозно — философских учениях древности необычайно велика. Царь занимал престол Бога и сам был божеством. В Старом царстве — “превыше всех богов”. Знаком могущества божества приводить в движение и действие производительные силы природы и вызывать вещи к существованию был “жезл правоты”, скипетр. Изображение жезла, увенчанного короной, могло заменять изображение бога. Конфигурацию и свойство божественного скипетра “Уас” повторяет знак числа “Один”.

Число, как отражение атрибутивного свойства действительности, — проявление высшей общности в рассуждении. Находясь в русле (воде) такого подхода к описанию пребывающего легко показать, как единый оценочный критерий мироустройства, обращаясь разными изобразительными формами, облекается общей всем им фонетической мерой. Как и число, она обнаруживает внутреннее единство, единородность в опыте, передаваемом средствами различных интеллектуальных систем. Так на жизнеобеспечивающую сущность в безводных ареалах указывает тюркское имя Сария со смыслонесущими согласными СР и значением “ключ”. В пустынях водных “сааре” — название острова. Хранитель веры буддийских монастырей Монголии и Тибета именуется Чжамсаран. “Твою державою благоденствуем”, — высказывание о таком жизнеобеспечивающем начале, как царь. Это далеко не все оказывающиеся параллельными прямые, которые можно провести через данную координатную точку, костюмированную образом Зарастро оперы В.А. Моцарта “Волшебная флейта” и явленную преподобным Серафимом Саровским. Ко множеству состояний, в которых проявляется регулятивное свойство-критерий, принадлежат, например, боги Осирис и Серапис, богиня-охранительница Сerket, гора Ницир (Нисир) и жертвоприношение Šurkinnu, которое совершают ступивший на неё капитан шумерского ковчега Зиусудра. Элементами множества являются индуистская Сарасвати и зороастрийский мантротельный Сраоша, птицы Сирии с колта XI...XII веков из клада, найденного в

1885 году близ Софийского собора в Киеве и хранящегося в Государственном Эрмитаже. К нему относятся астрономический период сарос, по истечении которого повторяется взаиморасположение в пространстве Земли, Луны и Солнца, праздник сретенья, сердце и шестикрылый серафим, высший ангельский чин. С египетским образом откорневого побега “нетцер” (рис. 2.2) связано имя Назорей Христа.

Обусловленные общей мерностью и связностью отношения подобия согласуют со скипетрами богов посох Деда Мороза, царские церемониальные жезлы в Каирском Египетском музее, пастырский патриарший посох и маршальский жезл, волшебную палочку фей и палочку дирижёрскую, учительскую указку, золотую трость для измерения пределов небесного града, нисходящего из палат художника и строителя Вышнего в “Откровении” Иоанна Богослова, математическое понятие отрезка прямой и шест лодочника, действуя которым, он приводит в движение своё транспортное средство. В иероглифике Древнего Египта фигура человека с прямым высоким посохом означает старейшинство и власть (рис. 2.8).

В отображении таких астрономических единиц, как день и год, родство богословской мысли Древнего Египта прослеживается в поэтике Древней Греции. В “Одиссее” место монументальной и статичной аллегории — сфинксов заняли быки Гелиоса. О них божественная Кирка — Цирцея вещает многославному царю Итаки:

Скоро потом ты увидишь Тринакрию остров, издавна
Гелиос тучных быков и баранов пасёт там на пышных,
Злачных равнинах; семь стад составляют быки, и бараны
Столько же; и в каждом их стаде число пятьдесят, и число то
Вечно одно; не плодятся они, и пасут неусыпно
Их Фаэтуса с Лампетией, пышнокудрявые нимфы.

Говорят, что этюд о теоретико-множественном восприятии календаря, присущем умуустройству Кирки, царя Одиссея, древних греков и их предшественников, дошёл до нас благодаря рапсодам, со слов которых примерно в шестом веке до Р.Х. были записаны “Илиада” и “Одиссея”. (Древнейший список священной по своему статусу “Илиады”, дошедший до наших дней, написан за 400 лет до Р.Х.) Витийствуя в собрании, вызывая к существованию образы, отношения и чувства, организующие сознание слушателей, рапсод держал лавровую трость.

В связи как с формой знака и значением числа “один”, так и с опорной функцией действующего начала следует рассмотреть ещё один образ. Это распространённый сакральный символ — столб Джед. (Созвучное название слово “джати” санскрита означает “рождение”. Оно открывает титул “джатаведас” бога Агни, имени которого единородно со словом “огонь”.) Поздний прообраз символа — колонна из дерева, в которой богиня Исида нашла раку с телом супруга Осириса. В грандиозной модели столба в массиве пирамиды Хуфу (грецизированное Хеопс. Старое царство. 2551...2528 г.г. до Р.Х.) поме-

щается таинственная “камера царя”. Переходя границы династические и рубежи понимания, несущая конструкция стала аллегорией позвоночного столба самого Осириса. Сначала столб Джед воздвигался в праздник Хеб-сед обновления сил царя по прошествии тридцати лет правления, затем чаще, потом во время коронационных торжеств.

Видоизмененным, Джед сопровождает такое коронационное торжество, как свадьба в селениях дидойцев (цеозов) Сагада, Тляцуда и Хамайитли во внутргорном Дагестане²². Выглядит столб как связанная из шестов мачта высотой не менее 15 метров. Её венчает известный с незапамятных времён карпогонический символ — яйцо (пустое). В него, беспорядочно движущееся вместе с вершиной шаткой конструкции, колеблемой подружками невесты, нужно попасть пулём представителям тухума (рода) жениха. Удалец стяжает высокий общественный статус, сопровождаемый безграничной гордостью обеих сторон, не только за от веков исключительно высоко чтимое умение блестяще владеть оружием. Подспудно, в культурном безотчётом, его успех ассоциируется как с обладанием тухумом божественным даром бараки, так и с воспроизведением акта творения, с событием и силами, благодаря которым мир приходит в движение, и жизнь начинает и продолжает своё существование.²³

Сакральный ритуальный атрибут можно видеть на фреске в храме близ города Абидоса (египетск. Абджу). Абидос — культовый центр Осириса, местонахождение его головы и центр многопланового и разветвлённого карпогонического культа (гарбха, санскр. зародыш). Карпогоническая функция связана не только с появлением ростка, семьи или человека. Её предметная область охватывает рождение чувства, мысли, мира и духовное рождение. Паломничество в Абджу — прообраз хаджа, паломничества в Мекку. Его совершил и фараон Сети Первый (Новое царство. 1304...1290 г.г. до н.э.) На фреске

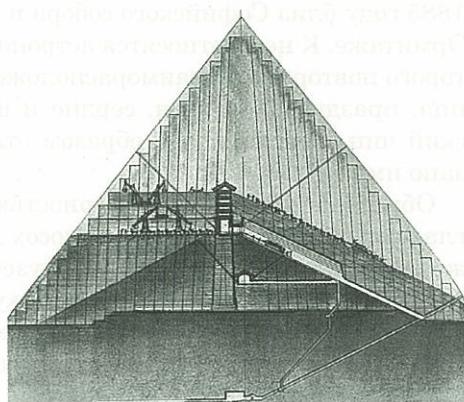

Рис. 2.5. Внутреннее устройство пирамиды Хуфу, в котором царь желал воспроизвести строение тайного святилища бога Тота.

²² Все этнографические материалы из духовного наследия Дагестана предоставлены Гасановым Ахмедом Хантуевичем и его сыном Абубакаром, Лабазановым Расулом Лабазановичем и Хантуевым Могомедом Гасановичем, жителями селения Сагада Цунтинского района Республики.

²³ Отличившийся получает каноническую ёмкость с водкой или спиртом и сухое баранье мясо в объёме передней ноги. В старину джигит-герой награждался чайником напитка “меди” крепостью 25...35 градусов и носовым платочком ручной работы невесты.

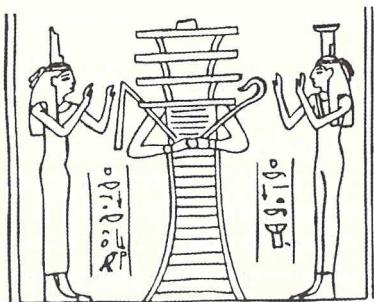

Рис. 2.6. Богии Исида (слева) и Нефтида (египетск. Небетхет “Владычица дома”) с фетишем Осириса. Контурное воспроизведение части рисунка из Книги Мёртвых (“Папирус Уннефера”, XVIII династия, XVI в. до Р.Х. Британский музей, Лондон.

Во-первых, четыре полки с выкружкой соответствуют четырёхбуквенным именам Исет, Усир и многих других египетских богов, например, Амона, Атона, Атума, Птаха, Хнума и богини правды и миропорядка Маат, а также четырём божествам-гребцам ладьи бога Ра, равно как четырём обозначающим тайнодейственного Творца, Солнце Все-лennой, церковнославянским местоимениям “Аз”, “Иже”, “Наш” и “Он”. Во-вторых, такая форма конструкции — это отчётливый признак телескопического устройства. В колонне Джед стабильные отношения порядка, организующие и гармонизирующие царство, переоформляются, преосуществляются в отношениях вложения и следования элементов её телескопического механизма, также являющихся отношениями порядка. Существенное сохраняется, и устойчивость, как “*первое условие общественного благополучия, согласуется с непрерывным совершенствованием*”²⁴. Оба вида отношений порядка строги и обладают свойством единственности. Так единственным способом вкладываются одна в другую, собираясь в одну, матрёшки. Единственным образом раскладывается в последо-

изображён ритуал “приношения царём колонны Джед богине Исиде (Исет)”.

Попробуем восстановить некогда всем понятное значение этого ритуального объекта. Начнём с очевидного. Изображения на фреске принадлежат к одному классу эквивалентности, и его полноправным представителем является царь. Множество упорядочено отношением типа “Y больше X”, характерным для натурального ряда, иерархии и власти. Отношение порядка, в котором и выражается действие власти, дополняется отношением преемственности. Для царя и царства жизненно важны оба вида этих архитектурно-организующих регулятивных отношений. Олицетворением представлений о них как о несущем основании страны и оси вращения мироздания и служит колонна Джед. Покажем это.

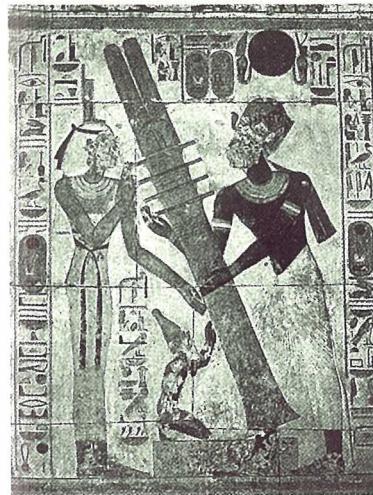

Рис. 2.7. Столб Джед на фреске храма Сети I в Абидосе

²⁴ А.С. Пушкин.

вательность — спектр солнечный свет. Таким же незыблемым отношением следования упорядочиваются и такие объекты, как позвоночник и бычий хвост, ритуальный атрибут одежды фараона. В позвоночном столбе, как и в телескопическом сочленении, прослеживается и подобие, сообразность, сопротивляемость, изоморфность его звеньев звеньям династическим. Мировоззренческое значение символа Джед состоит также в отображении отношений преемственности, транзитивности. В преданиях отношения эти чаще всего обозначаются генетической связью “сын”. “Душа твоя в нём и сила твоя в нём”, — говорят Осирису о его сыне Горе. “Мой сын”, — зовёт Руслана вешний Финн. “Мой отец”, — обращается к нему витязь, обнаруживая преемственность аскетического могущества.

Сопротивляемость и связность с древним идеографическим объектом усматривается и в алфавитах. В греческом письме и латинице идеограмма Джед — прообраз прописной буквы “дзета” и обеих “зет”. Только отношения следования переданы в них конструктивным принципом складного метра, а не вложение. В декартовой системе координат Z обозначает вертикальную ось. Аффинные преобразования поворота соединяют знак Z с буквами И и Н, “Иже” и “Наш” церковнославянской азбуки. Вместе с “Аз” и “Он” местоимения обозначают такое ориентальное начало мира, как его Создатель. С І десятеричного, не имеющего имя слова и обозначающего единицу второго разряда, число “Десять”, начинается имя Йисус.

Наконец, в сложенном виде, телескопическое устройство подобно графическому знаку единицы. Наименьшего из натуральных чисел, задающего шаг и порядок последовательности их бесконечного ряда, выражавшего закономерность её построения. Всеми идеографическими свойствами древнеегипетского образа-столпа обладает Александровская колонна с фигурой царя — ангела на Дворцовой площади Санкт-Петербурга. Монумент, в который Огюстом Рикарром де Монферраном обращён сакральный столб-символ Джед, снова явился началом отсчёта: мерой стихотворения А.С. Пушкина “Памятник”.

Таким образом, и числообразовательная база, и обе славянские азбуки открывают аллегориями мощи и силы, с которыми предки соединяли сохранность мироздания и миропорядка, прочность устоев общественного устройства и блага человеческой жизни. Вместе со скипетром божества системный уровень верховых форм восприятия и действия обозначает корнесловов **ДН** называния “день”, которое Бог даёт свету. Вокруг него водительствующая рука функции действующего начала собирает самые разные свои проявления. Препроведшее то ли путём видоизменения авестийского “даена”, “вера”, то ли заимствованное из арабского слова “дин” означает в татарском языке религию, веру и вероисповедание. Существительное “денья” — мир, свет, вселенную и бесчисленное множество. Материнская платформа водоёмов — дно, как образ изоморфна золотому руну сакрального основания вод нашего сознания. Без него человек безжизнен с точки зрения способности к восприятию. Термином “дно вод” мифология может обозначать начала пресноводных потоков. Вожделенная река “Слова о полку Игореве” — Дон. Динарий — дневная плата подёнщику в евангельской притче. Произведение **ДН** — основа за-

ставной части титулатуры “dingir” шумерского вращателя вселенной Энлиля, имён главы германо-скандинавского пантеона Одина и Даная, матери Персея в древнегреческой мифологии, автора “Божественной комедии” Данте и второй корень должности “комендант”. Немногим отличаются от “dingir” фонетические оболочки имён вседержителя Степи Тенгри и тучегонителя индоариев Индры. “Дюнгир” — название шаманского бубна, пресуществляющегося при камлании в коня. Смысловой корень ДН, применённый А.С. Пушкиным в таких построениях, как образы князя Гвидона и донских жеребцов, помогает обрести большую полноту понимания их заочного судьбоносного смыслового слагаемого.

Подобное обращение иерархии истолкования происходит и с разрешением загадки Сфинкса. Уже переместившегося в эллинистическую культурную среду, но не потерявшего, как титан Атлант, или страж Крита Тал, ни значения вечной формулы действия, ни связи с мгновениями живого опыта, порождающего сообразный себе абстрактный образ вечной закономерности. Загадка Сфинкса всегда о человеке: “Утром — на четырёх, днём — на двух, а вечером — на трёх”. “На трёх” — это с посохом, и отвечающий Сфинксу Эдип видит в этом одряхление. “Эдип — царь” Софокла — греческая трагедия, созданная в пятом веке до Р.Х. выходцем из семьи, отлично знакомой с египетской мыслью и формулой. Мы знаем, что в предшествующей феномену Древней Греции цивилизации Египта иероглиф в виде фигуры человека с высоким посохом означает не “старость”, а “старейшина” и “власть”. В языке древнерусском такого, как посох, рода орудие называлось словом “оружь”, однокоренным со словами “оракул” и “взор”. Им вооружён воевода Мороз. В “Откровении” Иоанна Богослова образный эквивалент связанного с умозрением и откровением взора — золотая трость для измерения пределов небесного града. Зная об эшелонированности смысла произведения подлинного искусства, всегда являющегося орудием философии; помня о том, что Сенека понимал философию как науку о спасении человека, а Софокл отзывался о своём творчестве как представляющем людей такими, какими они должны быть, можно утверждать, что существует иной, скрытый уровень истолкования загадки — притчи. Он должен быть подстать Стиху Света, какозвучны ему аяты 29 и 30 суры 14 “Ибрахим”²⁵: “Разве ты не видел, как Аллах приводит притчей доброе слово — оно, как дерево доброе: корень его твёрд, а ветви в небесах... Оно приносит свои плоды в каждый миг с соизволения своего Господа. И приводит Аллах притчи людям, — может быть, они опомнятся!”

Не только то, что назвал Эдип, скрыто в загадке, поведанной Сфинксу Музами. Посох, судя по египетскому иероглифу, — ещё и обозначение такого действующего начала и характеристического свойства старейшинства и власти, как верное представление о действительности, сопоставимое со све-

Рис. 2.8. Иероглиф со значениями “старейшина”, “власть”

²⁵ Коран. Перевод академика И.Ю. Крачковского.

том истины. Свойство опорное, оно появляется и проявляется в итоге дня-опыта. Есть у символа и третье значение, скрываемое. Это обозначение собственной функции системного уровня Бытия. Размещение орудия-аллегории, орудия-обозначения предельной абстракции в руке человеческой указывает на иное начало отсчёта и на другой ответ. Он — о разуме, мере и завете. Ответ звучит в замечании Христа “Царствие Божие внутрь вас есть” (Лк. 17:21) и в стихотворении Ф.И. Тютчева “Колумб”.

*Так связан, съединён от века
Союзом кровного родства
Разумный гений человека
С творящей силой естества...
Скажи заветное он слово —
И миром новым естество
Всегда откликнуться готово
На голос родственный его.*

Тема человеческого могущества доминирует и в самой трагедии Софокла, но в другой форме. Никакая сила не может превозмочь пресуществляющегося во плоть слова проклятия царя Пелопса, оскорблённого отцом Эдипа, преступившим, как и Парис, закон благодарности, ни изменить его, ни остановить его исполнение. Закономерность закрепляет изречение Софокла: “Много в природе дивных сил, но сильней человека нет”.

Завершим разговор о признаках “свет” и “день”, о классе эквивалентности “число Один” и об определяющей принадлежность к этому множеству основообразующей функции действующего начала аятом 33 суры 55 “Ар Рахман”, (Всемилостивый): “О сонм гениев и людей! Если вы сможете проникнуть в страны небес и земли, то проникните, но проникните вы туда только тогда, у вас для этого будет сила”²⁶.

Утвердиться в понимании содержания и власти этой силы помогают и числа, добытые опытом и силой внимания меры представлений о действительности, формы всеобщности, элементы древней универсальной классификации, описывающие необходимый человеку алгоритм действия творящих сил естества.

Бытийно-первенствующая его часть в мироустройстве — разум. Это духовное свойство из мира метафизических объектов освещает ненаблюданное и предоставляет возможность творить мыслью. Причинный, карпогонический фактор мысли даёт вещественную жизнь невыявленному, потенциальному стремлению, “намерению” свойства материи обрести форму, рождаются во плоти слова и множества сущего. В сказочном тереме индуизма абсолютный субъект Пуруша созерцает и поддерживает игру первоначальной субстанции Пракрити, материнской основы Махата, первого продукта эволюции.

²⁶ Цитируется по Байматову А.А.

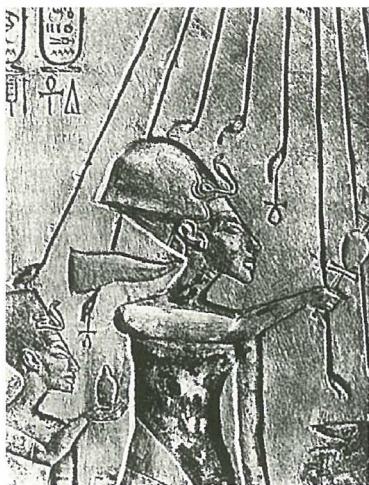

Рис. 2.9. Поклонение Атону.
Аменхотеп IV (Эхнатон) и
Нефертити. Ахетатонская
стела. XIV в. до Р.Х.
Египетский музей. Каир.

Способность творить с помощью мысли, ставящая творение рядом с Творцом, лежит в основе притчи о человеке как образе и подобии Божием и открывающего азбуку места буквы “Аз”, в основании “Tat twam asi”, “Ты есть То”, индуистского учения об идентичности; прочитывается в идеограмме заканчивающихся кистью руки лучей солнца — Атона (рис. 2.9) и освещает путь к решению поставленной в аяте, стихотворении, загадке Сфинкса и иероглифе проблемы преодоления границы качественной определённости, в том числе закрепощённости демоном века человеческой личности.

Ясность и мощь мышления математика представляют всё происходящее на лице Земли как множество с заданной на нём функцией. Функция распространяется на необъятный круг наблюдаемого и ненаблюдаемого, и потому её поведение не вполне могут охватить категории из курса математического анализа. Функция непрерывна, из

чего, равно как из аятов 29 и 30 суры 14 следует, что сотворение мира — процесс ежедневный и ежеминутный, и реки рая — постоянно действующая оросительная система. Свои знания о закономерностях этого процесса предки заключили, в частности, в числах числообразовательной базы, небесных письменах Зодиака и кортеже притч о днях творения. Будучи построены на общей аксиоматике, все модели сопровождения сознания, не противоречащие благородству замысла о природе человека, подчиняются её следствиям и совместимы между собой.

Глава третья. Число «Два»

Почему нас покинули чёрные люди?
Горе, компасы наши они унесли...

Н.С. Гумилёв. Экваториальный лес.

Попытаемся обнажить ещё одно основание бытия... Чему учит число “Два”? Почему оно столь значимо, что следует за иглою дня на древе жизни? Почему количественная ёмкость “два” соответствует такому атрибутивному признаку жизни биосферы, как парность? Почему и как именно с ним связано понятие чётности?

Для поиска ответов опробуем цеховый подход математики. Есть ли что проще, чем приёмом перечисления описать такое множество, как класс эквивалентности числа “Два”? Критерию количественной ёмкости, близкому сердцу, склонному к логике и выводимости, удовлетворяют такие элементы — двойки, как день и ночь, жребий, две чаши древнеегипетских Весов Истины, что затем пресуществились в весы Аллаха, близнецы пантеона Древнего Шумера Син и Нергал и близнецы Артемида и Аполлон греческой мифологии, Дед Мороз и его внучка Снегурочка из новогодней мистерии, два лика бога Анубиса из описания Апулеем процесии высших служителей таинств и два алтаря из того же рассказа, именуемые “помощник” по быстро приходящему на помощь промыслу верховной богини Исет (Исиды). Признаку “два” как задающему отвечают стихотворный размер романа А.С. Пушкина “Евгений Онегин”, названный по имени Ямбе служанки, развеселившей богиню Деметру двусмысленной шуткой, и наполненная парностью глава вторая романа; звонкая и глухая модальности “Г” и “К”, “Д” и “Т”, “Б” и “П” непроизносимых смыслонесущих согласныхзвуков; сязаемое вещество и непосредственно не наблюдаемое поле. Двойко начало Откровения: сверхчувственное духовное, для которого нет ординарного органа чувств, и через познание природы, естествознание. Элементами множества являются две воды второго дня творения книги “Бытие” и живая и мёртвая воды сказок, видимость и действительность, занимающие место друг друга при игре в напёрстки, материальное строение жизни и его речевое отображение, два сына купца из русской народной сказки “Вешний сон”; два моря, ради достижения места слияния которых умный и блестящие образованный краевед Хозарсиф-Моисей-Муса готов потратить жизнь; мир “горний”, небесный, и “дольний” мир уроцищ и низменностей жизни; двуединство (сугубость) богочеловеческого начала в правде Нового Завета, два естества Логоса, разум и слово; избранные сосуды Божии святые равноапостольные братья Кирилл (Константин Философ) и Мефодий, двухфигурные росписи храма Воскресенья Христова — Спаса на крови царя Александра Второго в Санкт-Петербурге, нуль и единица как база двоичной системы счисления, ближние и дальние поля смысла образа и слова, увлекательное и содержательное значения сказки и притчи, выраженные в фольклорном имени Забава Путятишна, слагаемое “днём — на двух” загадки Сфинкса, парность в строении живого, в том числе такая двусторчатая дверь в него, как энергии процессов фотосинтеза и дыхания; корпускулярно-волновой дуализм; обращающиеся друг в друга нейtron и протон нуклона, формулы “инь” и “ян” китайской философской мысли; приливы и отливы, два шага божества верховой триады индуизма Вишну, коими он покрыл землю с небом и пространство между ними; иное имя, получаемое при крещении и в монашестве, два весёлых гуся, серый и белый, из детской песенки, расстояние в два пролёта лука, с которого двадцать седьмой ночью месяца Раджаб передаётся Мухаммату откровение в описании суры 53 “Ан Наджм” (Звезда), удвоение молекулы ДНК, открытое в 1953 году и т.д.

В науке с признаком “два” сопряжено утверждение теории оптимизации о том, что наилучший режим — это соотношение двух, а не большего числа

режимов. Это обстоятельство ранее появления теории нашло своё отражение в ходьбе, вожжах конской сбруи, в двух формах человеческого тела и в двух деревянных брускочках для получения огня, символизирующих сведущего во всяком творении ведийского бога Агни, в фигурах колдуна и богатыря вступления к “Руслану и Людмиле”, в метриках, что костюмированы А.С. Пушкиным в образах Онегина и Ленского, Татьяны и Ольги, а также в том, что типичная плоская кривая, например упавший на пол шнурок, устойчиво касается прямой не более чем в двух точках, и веретено скользящей в траве змеи “ломается” по длине в двух направлениях.

Очевидно, что в получающемся перечне элементов-двоек методически главный для математиков признак количественной ёмкости “два” работает как компенсатор видовых отличий. С замечательным искусством абстракции здесь всё в порядке. Наш признак “два” — един во многом. Он присущ всем предметам вне зависимости от их индивидуальных свойств. Но такое основание единства в непоследовательном многообразии элементов образующегося трудноперечислимого множества мало что говорит о характере раздваивающей континуум функции. Миологическая аналогия подобного подхода — ложе разбойника Дамаста по прозвищу Прокрут. В связи с ним вспоминается и притча о несравненном мулле Насреддине, который ищет ключ не там, где потерял, а где светлее. Нас же интересует, пользуясь терминологией сказки об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке, не разорванный надвое конь Ивана-царевича, а серый волк, который это сделал. А на вопрос, почему количественный признак “два” поставлен в соответствие такому атрибутивному и всеобщему признаку жизни биосфера, как парность, отвечают два голубка из сказки о Морском царе и Василисе Премудрой. Дочь морского государя посыпает пару голубей как напоминание о себе Ивану-царевичу, а вместе с ним и каждому из нас.

Парность, голуби сказки, как и две известные скрижали с высеченными на них заповедями, — необходимое напоминание об атрибутивной характеристике среды, задающей для функционального пространства числа “два”. В союзе с ней число не столько оценочный критерий количественной ёмкости, сколько слагаемое древнего учения, свободное от течения времени и пространственных координат. Учения о важности верного представления о действительности и необходимом для этого аппарате. В древнегреческой мифологии его действие олицетворяет глава контрольного ведомства Крита Тал. В речи русской — слово “столица”.

Образ Тала, неусыпного стража острова Крит, принадлежит, как и серый волк сказки, к дидактическим единицам учения об отношениях разбиения. Медный великан с божественной кровью в единственной жиле оберегал державный остров посреди виноцветного моря от гибельных вторжений. От имени и служения богатыря Тала происходит термин “толерантность” математики и трансплантологии. Пара ТЛ работает и в полном наименовании Всевышнего мусульман: Аллах Таала.

Образы древней греческой мифологии, выработанные опытом, искусством и вниманием к силе вещей, охватывают и деятельность сознания. Важность

для судьбы верного понимания принадлежности к благому или неблагому основанию элементов, критериев, на которых определяется функция сознания, в священной “Илиаде” иллюстрируют и итоги суда Париса. Близкий итог его выбора, посев, —

*Он богинь оскорбил, приходивших в дом его сельский;
Честь он воздал одарившей его сладострастием вредным.*

Результат дальний, жатва, — гибель царства.

Некогда со сказками боролись, как с наследием идолопоклонства. Однако именно в фольклорной форме описания свойств Бытия возникает интересующий нас элемент, находящийся, как опыт, держащий подкову гвоздь, вода, работа плуга, ложки, геометрическая аксиома, сосредоточенное размышление, знаменье, чувство или иммунитет, в некоем обусловливающем отношении к другим. Математик назвал бы такой элемент аргументом. Значением аргумента определяется значение, которое принимает функция. Понятно, что в предшествующих рассуждениях о работе сознания роль аргумента принадлежит его структуре, понятийному аппарату. Поступок — это значение, которое принимает функция сознания.

Мы знаем, что в поры исторической древности канона в статусе понятия о сложной системе отношений работала метафора. Благодаря достоинствам изоморфизма, решавшего задачи равенства свойств изображения и оригинала, образные отношения мифа, притчи и завершающей усилия гения сказки добродушно отображают суть, существующую в абсолютном смысле. То есть являются правдой, либо служат ходом сообщения с истиной, в чём мы убедились на примерах образов титана Атланта, начальника терминала входного контроля Крита Тала, певуньи Белки, двух брусков знака и титула “джатаведас” верховного земного божества Вед Агни и сказки о репке. Общее естественное основание предельных абстракций, отрефлексированное мыслю в простой изобразительной форме с характером формулы и архетипа, — опыт.

В Древнем Шумере представление об искомом нами причинном параметре формообразующего аппарата мира олицетворял претендент на сердце богини состояний Инанны пастырь Думузи. Его задачей было раздваивать континуум — “траву прядения” для кудели девы шумерской гимнографии. (Волей генерирующего информацию случая имя пересекается с существительным “дума”, именем Дамиан христианского бессребреника и прозвищем апостола Фомы Близнец, Дионис на греческом языке.) Двум фазам существования Думузи, как затем Персефоны²⁷, дочери богини Деметры в древнегреческой мифологии, ставились в соответствие холодное и тёплое время года, изоморфные категориям “да” и “нет” алгебры участия.

²⁷ В Эрмитажной галерее пленительных образов работы Леонардо да Винчи дочери Деметры и супруге Аида достаточно многими признаками соразмерен и связан “Женский портрет”, завершённый любимым учеником Леонардо Франческо Мельци около 1520 года.

В континуальное множество, заданное общей мерой “трава прядения”, попадают, прежде всего, люди. Это ясно из социальной специализации богини-пряхи, из уподобления антропогенеза росту травы и ополчённости коей плакатного облика смерти, такой же, как Ианна, “дочери верховного эфира”. Раздвоение континуума предполагает и заявление Христа: “Думаете ли вы, что Я пришёл дать мир земле? нет, говорю вам, но разделение” (Лк. 12:51).

Много севернее Южного Двуречья, в системе образов храма древней правды славян сама пряха находится в полновластном отношении к пребывающему. Её образ олицетворяет представления о процессах включения, исторгающих мир из состояний невыявленности, хаоса и поддерживающих движение Бытия. Акафист святым братьям Кириллу и Мефодию утверждает, что они нашли славян исповедующими истинную веру. Философ Константин и воевода Мефодий знали о способах построения и передачи древних учений, читали за пределами грубого видимого и различили за ним опыт достижения духовных вершин, объемлющее коллективное культурное безотчётное, архетипам которого и придали необходимую форму, укладывающуюся в сознание и в рамки христианства.

Древняя богиня славян по имени Макошь является, помимо представлений о причинной области процессов включения, и искомое нами конституирующее начало отношений разбиения в формуле миросложения. На функцию этого слагаемого указывает ключевая образность её жеста осмотра пряжи.

Ставший каноническим жест мироустроительницы повторяют “твердейшая адаманта” Параксева Пятница деревянной скульптуры русского Севера, богиня с печати из Диктенской пещеры на Крите (рис. 3.2) и Великая Панагия с северной вышивки (рис. 3.1), давшая форму и шатру церкви Успения Богородицы в селе Варзуга на Кольском полуострове (рис. 3.5). Жест характерен для верховной богини Карфагена Таннит (рис. 3.4) и Богоматери Оранты с мозаики абсиды Софийского собора Киева (рис. 3.3). Его воспроизводят священники православных храмов во время инициации таинства нис-

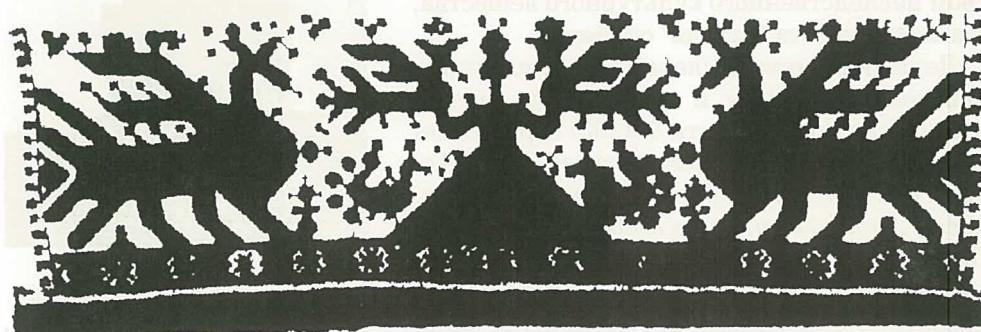

Рис. 3.1. Изобразительный канон Великой Богини на архангелогородских и вологодских вышивках XIX века. Выставка народного искусства в Московском Историческом музее. 1921 г.

Рис. 3.2. Архетип категориального аппарата жителей острова Крит — богиня с печати из Диктенской пещеры.

Рис. 3.3. Богоматерь Оранта. Мозаика апсиды Софийского собора. Киев. XI век.

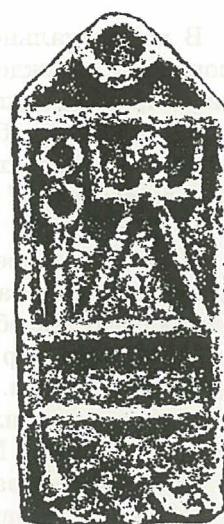

Рис. 3.4. Таннит. Верховная богиня Карфагена.

хождения Святого Духа. В геральдике канонический жест Великой Панагии славян определяет и размещение крыльев герба России (рис. 3.6) — некогда “византийского” орла. Его главенствующее и телоправительствующее начало, призванное обеспечить благую качественную определённость берегов русла жизни, явно и тайно сопряжено с числительными “оба”, “пара”, “два” и с родством наследственного культурного вещества, станового хребта “откуда” славян.

Державная пряжа славянской владычицы неведомых дорожек и невиданных зверей изоморфна образу айата 98(103) суры 3 “Семейство Имрана”: “Держитесь за верви Аллаха все, и не разделяйтесь, и помните милость Аллаха вам, когда вы были врагами, а Он сблизил ваши сердца, и вы стали по Его милости братьями.” Вервию Аллаха можно назвать и сам Коран. Его нити-суры спрятаны из волокон-айатов. С точностью до преобразования пряже богини из славянского достояния в сфере духа равен канат ритуалов государственных церемоний Древнего

Рис. 3.5. Великая Панагия славян, обращенная шатровым навершием церкви Успения Богоматери в селе Варзуга. XIX век.

Египта. Намного раньше, нежели вервь Аллаха, эта идеограмма служила выражением закономерности порядка вещей, проявляющейся в единстве, справедливости и изобилии. Олицетворением представлений об аргументе в формуле движения общества был царь, ладонью которого удерживался церемониальный канат. Российское “Твою державою благоденствуем” вполне годилось бы для строки гимна в честь государя египетского.

В индуистской мысли с действием и именем славянской мироправительницы и матери всего живого Макоши (Мокоши) пересекается такая категория опыта, как мокша (санскр. — освобождение). Мокша связана, как и аллегория волоконца и пряжи, с высшей реализацией “Я”, с его переходом в другую фазу. (Буддизм воспринимает задачу этой реализации как упорядочивающее отношение к пребывающему самого человека. Поэтому идею коммунизма воспринимали формами своей парадигмы и своего пути буддисты раннего СССР. Критериальную установку на то, что проблемы решаются усилиями людей, а не как в сказке о Золушке, благодаря вмешательству Провидения в награду за рабское смирение, утверждает и изречение айата 12(11) суры 13 “Ар Ра’ад” (Гром): “Поистине, Аллах не меняет того, что с людьми, пока они сами не переменят того, что с ними.”

В каноне и иконографии России глубинной могущественной древней Макоши безошибочно распознаётся в образе Параскевы Пятницы. Клятва святой Пятницей героев повести А.С. Пушкина “Барышня-крестьянка” и сюжет вышивки XIX века открывают незыблемость её места вершины народного самосознания в совсем не давнем прошлом. В свете понятия “общий признак”, применительно к категории “абстракция” и теории множеств, примечательно и то, как царь Одиссей просит, чтобы приняла жертву “необорная дщерь Эгиоха” пряжа Афина Партенос (Партенос, греч. — Дева):

К тебе мы всегда на Олимпе

К первой взываем, бессмертных моля!

Илиада. 10. 462.

Каждому из примеров, соединённых с образом великой богини славян, можно дать и другое истолкование. И оно будет входить в ту или другую теоретическую схему. Но задачу согласования отображений между собой и объединения их в целостное единство решает иконический образ, сохранившийся в храме славянского духовного опыта. Верховновластная пряжа Макоши — аллегория единого во многом, бесконечного в конечном, неделимого в делимом, метафора утверждения отношений порядка и причинной целост-

Рис. 3.6. Симург геральдического изображения герба России.

тности разрозненного во множестве единичных вещей, его гармонии с замыслом и целью творения. Она является лейтмотивом для интонирования о настоящем и будущем и в сакральной правде айата Корана, и в символике пышной сценографии государственного ритуала Древнего Египта, и в индуистской аскезе, и в размышлениях Г. В. Ф. Гегеля о странствиях и деяниях мирового Духа.

Пришедший на смену сочным и ясным уму и сердцу “языческим” картинам миросложения монотеизм описал унаследованное универсальное знание другой изобразительной формой. Доступная пониманию непосвящённых ключевая образность эволюционной пряжи Макоши была заменена, выражаясь производственным языком, операцией входного контроля качества материала для неё. В книге “Бытие” яркие и внятные уму и сердцу формы исторически более древнего канона сменил “чертёжный” образ раздваиваемых твердью вод в событиях второго дня творения.

*И сказал Бог: да будет твердь посреди воды,
и да отделяет она воду от воды.*

*И создал Бог твердь; и отдал воду,
которая над твердью, от воды, которая под твердью.
И стало так.*

И назвал Бог твердь небом.

И был вечер, и было утро, день второй.

Перед нами — одна из опор свода сокровенных знаний, главным хранителем которого служил египетский священноначальник Хозарсиф. Время и другие обстоятельства преобразили его в духовного пастыря Моисея. Он жил, согласно Библейскому словарю Меррилла Ф. Унгера, между 1520...1400 г.г. до Р.Х. (XVIII династия, Новое царство Древнего Египта).

В иных, арийских географических и временных координатах, модель уже существовала в проповеди боговидца Заратуштры (греческое имя пророка — Зороастр). Она непримиримо разделила добро и зло. Место полученного жрецом Заратуштрай Откровения в истории человечества стоит отдельного доброго слова и усматривается уже из идеи этой древнейшей религиозной системы о приходе Спасителя. Следует подчеркнуть и то, что Евангельский осёл сцены Господня входа в Иерусалим — зороастрский символ, по роду своему космогонический, тоже полагающий основание миру и его движению.

Несколько столетиями ранее появления образа разлучения вод в Пятикнижии отношения разбиения явлены и в задаче выбора, которую решает ещё один прорицатель. Видоизменённое имя царя шумерского города Ура — Авраам. Его испытание на толерантность легло в основу крупнейшей дидактической единицы учения ислама — праздника Жертвоприношения (Курбанбайрам). Как и в случае титана Атланта, сюжет с Авраамом и сыном служит портретом сложной системы присущих реальности отношений. Для Авраама любовь к Богу, служение отношениям вселенским и державным, превосход-

дит любовь родственную. Зрячими на Бога, учредившего царство в исход от тяжких вселенских бед, были Иван IV Грозный и Николай I. В своей последней книге “Beyond Peace” американский президент Ричард Никсон, умерший в 1994 году, пишет о служении цивилизующей силе мира как о “высшей цели для себя и для общества”. Назидание мусульманского празднества Жертвоприношения о высоком долге служения части целому дублирует аятат 103 (101) суры 23 “Му’минун” (Верующие): “И когда подуют в трубу, то не будет в том день родства”...

Образная конструкция второго дня творения из книги “Бытие” — пример совершенства сведения исследованных свойств действительности к голой вершине идеальной абстрактной модели. В таком как она обобщении упорядочивающий континуум причинный параметр “твёрдь” обрёл признаки незыблемости универсальных математических законов, а сама закономерность двоения континуума сохранила строгую и ёмкую учётную форму. При этом модель утратила очевидные признаки олицетворения представлений об общем жизненном принципе, начале, об акте творения, благодаря которому возникли составные части вселенского и общественного порядка. Отзвук связи с его покровительством сохраняется лишь благодаря дополнению: нарицанию тверди небом.

Поговорим о требующей истолкования модели в категориях теории множеств. Первое множество в построении второго дня творения, а это — раздваиваемый сознанием континуум, бесчисленные элементы которого невозможно разместить в виде какой-либо последовательности, описано образом “вода”. Для представления об общей задающей мере элементов множества второго, в которое входит конституирующий аппарат поиска истины, трудно подобрать более подходящее образное соответствие, чем твёрдь. “Товарный” признак третьего множества — отношения порядка, которые обращены, благодаря свойствам изоморфизма, в асимметричные отношения “над” и “под” между элементами идеальной образной конструкции. То же свойство асимметрии, характерное для отношений порядка, мы встречали ранее в последовательностях позвонков стана Осириса, цветов спектра, отношениях типа $Y > X$ и изоморфном им отношении вложения.

В языке математики всякое такого рода отображение принято называть двуместной операцией, определённой на произведении первого множества на второе со значениями из третьего множества. С его аналогами все прекрасно знакомы по кучке пепла и химической реакции нейтрализации, по операциям сложения и умножения двух чисел или элементарных функций. Отличие случая множеств заключается в том, что здесь “сомножители” нельзя менять местами. Иначе следствие займёт место причины, повергнется первородство, представляющее, как богиня Макошь, Воевода Мороз и Христос, бестион принципа основания и отношений неподвижности, а картина отображающейся произведением действительности будет выглядеть примерно так:

*Ехала деревня мимо мужика,
Вдруг из-под собаки лают ворота.*

Очевидно, что простая конструкция египтян, равно как суд Париса, либо входной контроль качества материала для пряжи Макоши, моделирует и разбиение разумом потока, отливающегося как в блага или бедствия настоящего и будущего, так и в фундамент неподвижного “откуда” коллективного культурного безотчетного. Его архетипы придают смысл и позволяют понять цель человеческой жизни. Заметим попутно, что благодаря работе отношений разбиения в таком функциональном механизме сознания, как рассудок, существуют все каталоги и классификации. Управляет разбиением “краеведческая” функция различения.

Великая богиня Макошь, представляющая более высокую, а потому и более объемлющую ступень абстракции, не классифицирует, а доступно разъясняет, посредством ключевой образности, требования к субъекту познания, будь то человек или народ, предопределяющие его место в эволюции и истории человечества. В нашем исследовании судьбоносная функция различения и будет представлять искомое задающее начало предметной области числа “два”.

Священный Коран также ставит в соответствие фактору, в статусе понятия о котором работают образы мифологического великана Тала и тверди из книги Мусы, имя различения. Его сура 25 “Аль Фуркан” (Различение), название которой — синоним самого Корана, начинается с айата, прославляющего Аллаха Таала, усовершенствовавшего сознание Пророка низведением ему ориентирующего дара различения:

Благословен есть Тот,
Кто Своему служителю низвёл Фуркан,
Чтобы он стал для всех миров
Увещеванием (Господним)...

Полноты ради скажем, что отношения разбиения описывает и арабское слово “shakka” со значениями “раскалывание”, “разделение пополам”, “прочерчивание”, “вспучивание”, “вспахивание”, “раскапывание земли”, работающее в упомянутых уже (рис. 2.9) айатах 25...32 суры 80 “Абаса”, (Нахмурился):

Обильно воды Мы излили
И расщепили землю
Для прорастания злаков,
И виноградных лоз, и трав съедобных,
Оливковых и финиковых пальм.
И возвели сады густые,
И фрукты, и луга
Для пользы вам и вашему скоту.

Но наша тема — урожай иных борозд, шок предотвращающий. Или вызывающий.

В азбуке, исполняющей, подобно стражу Крита Талу, функцию охраны славянского стада от рассеяния мысленными волками, на закон соответствия между выбором и операциями “да” и “нет” алгебры участи указы-

вает дорожный знак буквы “Веди” кириллицы. Имяслов “Веди” — не одно лишь напоминание об ответственности за следование этической линии. В церковнославянском буквенно-числовом соответствии буква и курсопрокладывающее число “Два” сопряжены. Числовой и фонетический знаки функции различения, имяслов буквы В, подают информацию о предметной области числа “Два” в предельно концентрированном виде. Это убеждает, что буква — такая же вершина абстракции и такой же важный инструмент универсальной классификации, описания свойств и понимания действительности, как существующие только в сознании идеальные образы точки, окружности или прямой. В отличие от них, буква и цифра сохраняют след образного мировидения.

Без доброго слова о букве не обойтись, тем более что она являет не только собственную функцию атрибутивного свойства среды, но и даёт представление о её обращении в функцию состояния. Иллюстрацией перехода свойства в состояния могут служить аватары Вишну и преображения царя Гвидона, гончарные изделия, однокоренные имена могущественного языческого бога Бела, эпического исландского Бальдра, что всех лучше, сказочных искателя Булукки из рассказа о Хасибе и царице змей “1001 ночи” и работника попа Балды из сказки А.С. Пушкина. Материаловедам-термистам отлично известно, как меняются состояния, служебные свойства конструкционной стали в зависимости от режима термической обработки. В очерке о числе “Нуль” приведены различные примеры состояний, в которых существует образное представление о причинно не обусловленной началообразующей функции, об отношениях неподвижности и их окормляющем начале, выраженном осциллятором КН. В очерке о числе “Один” в различных образах оживает такое свойство пребывающего, как регулятивное действующее начало, кодируемое произведением СР.

В каждом таком случае функция свойства видоизменяется в функцию состояния и входит в комплекс его, состояния, свойств. Коран касается феномена в айате 100 (106) суры 2 “Корова”: “Всякий раз, когда мы отменяем стих или заставляем его забыть, мы приводим лучший, чем он, или похожий на него”. М.А. Булгаков указывает на тиражирование свойства именем Полиграф Полиграфович экземпляра бывшего бессловесным рода. Индуизм фиксирует явление в многоликости божеств. Сказка кодирует преобразования свойства в состояния в эпизодах с рассыпавшимися зёрнами чародее или джинне, которые склёвывает обратившийся в птицу герой. Случай попроще являются известные пресуществления в борьбе с Гераклом сына Океана и матери рек Тифиды отца Сирен Ахелоя и обращения Людоеда из сказки о Коте в сапогах. В том или ином состоянии одно и то же свойство предстаёт в зависимости от обстоятельств, разрознившись во множестве единичных вещей и отношений. Понятно, что и Кот, которого явно не хватает в сказке о курочке Рябе, и Людоед — вид, данный абстракциям, о котором говорит М.Ю. Лермонтов²⁸. Им, абстракциям, но обращён-

²⁸“Русская мелодия”. См. Пролог.

ным, по причине различий характеристических свойств, в образы зверей, и даёт имена Адам в известной сцене нарицания. Эти же звери то являются соболями и черно-бурыми лисами груза корабельщиков, то бессловесно стоят, ожидая жизни в слове, у яслей с малышом Христом в святую ночь Его Рождества.

Уровень свойства и уровень состояния в священной “Илиаде” обозначают два имени одного и того же объекта, даваемые одно — богами, другое — людьми. Уровни хорошо различала русская грамматика. Так в слове “мир” причинный кремнистый “горний” уровень свойств обозначался восьмеричным *И*. Зыбкий “дольний” уровень состояний, “рассматривания творений” — *Ї* десятеричным.

Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не так, как
мир даёт, Я даю вам (Евангелие от Иоанна. 14:27)

Та и другая буквы открывают имя *Іисус*, указывая на Его сугубую природу. Такое же разделение существовало для множества других однокоренных слов. Реформа правописания закрыла не только источники вероучения в grammatischem строе России. В нём перестала различаться сокровища, субстанциональная кромка ткани Бытия, метафизическая, выходящая за пределы грубого видимого кладовая действительности, о которой говорит и А.Н. Майков:

*“Не отставай от века” — лозунг лживый,
Коран толпы. Нет, выше века будь!
Зигзагами он свой свершает путь,
И вкривь, и вкось стремя свои разливы.
Нет! мысль твоя пусть зреет и растёт,
Лишь в вечное корнями углубляясь,
И горизонт свой ширит, возвышаясь
Над уровнем мимобегущих вод!*

Грамматический строй перестал указывать на общую для этносов России культурно-историческую практику самосовершенствования, поиска вечных истин и её результаты, выражавшиеся в таких впечатляющих достижениях, как образы Макоши, Деда Мороза и Снегурочки, птицы Симург, других этнографических и эпических форм учёта ориентальных представлений о действительности, оставленных нам в наследие и завет заботливыми, умными и честными предками.

Прежде, чем пространно говорить о букве “Веди”, повелительно указывающей на необходимость поиска верных представлений о действительности, совершенствования способности к ее восприятию, будем иметь в виду общий смысловой исток связки “ведать — венчий — просвещение”, общее основание глаголов “вешать”, “вести”, “проводить”, “править”, “упорядочивать”, “предопределять” и регулятивного существительного “правда”. Им Незнайка усо-

вершенствовал обозначение метафизики Кантом. Связь имяслова “Веди” с организацией действительности подтверждает и кораническая последовательность “различать — проповедовать — предопределять”. Она следует из айата о ниспослании различения и факта существования исламской цивилизации.

Важным вступительным обстоятельством служит и бытование буквы “Веди” как открывающего путь предзнаменования, протезы, что сродни таким средствам и условиям навигации, как лоция, знаменье, оракул, подсказка, нить Ариадны, вручённая ею герою Тесею по наущению пленника Дедала; как компас, голос петуха в ночи и его провозвестие — свет. Воздействующим на чувство поэтическим соответствием этой роли буквы является гомеровский образ Зари, “что выдыхает свет” в Коране (сура 81):

Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.

Основой слова “протеза” служит “thesis” греческого языка, означающее постановку ноги в танце, являющимся аллегорией жизни в некоторых системах построения знаний о ней. Ему родственны названия “стезя”, “тезаурус”, “гипотеза” и “тезис”. Его смысл помогают понять имя Тесей афинского царевича, положившего конец Минотавру и деяниям, но не ремеслу Прокруста, и существительное “тиеса” литовского языка со значением “правда”. Последнему, как и принципу основания из области отношений неподвижности, равновелико или сообразно учёное слово “парадигма” в значениях “образец” и “подход”.

Чтобы обозначить родственное отношение между “Веди” азбуки и аристократическим Орденом Подвязки, известным предлогом учреждения которого послужило происшедшее во время танца событие, нужно упомянуть еще два элемента. Это глагол со значением “плясать” (орхеомай) и существительное “вождь” (орхамес) греческой лексики, относящиеся к одному словообразовательному гнезду.

Буква-предлог “В” с числовым эквивалентом “Два” открывает частотный словарь русского языка, начинает синодальное издание Библии и освящает традиционное фольклорное вступление “*В некотором царстве...*”. “*Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!*” — протеза каждой из сур Корана, исключая девятую. На письме, сохраняющем плоды работы освящающего истину разума, двусвязный знак буквы-освятительницы “В” развернут к сакральному пункту точки, как ниша-михраб мечети развернута в направлении на Мекку.

Форма знака-предтечи “Веди” даёт большой простор для поиска его, знака, прообразов, предшествующих разновидностей форм кодирования настраивающего сознание охранительного и проводящего навигационного сигнала функционального пространства числа “два”. К этим прообразам и устремимся.

В топологии буквы “В” просматриваются инверсии двух разлучённых вод второго дня творения; завесы в храме, что “раздрагались по средине” (Лк. 23.45.)

в момент гибели Христа, разделив воды старозаветного и евангельского периолов. Внешний вид “В” соотносится с видоизменением в символ двух деревьев, из которых создали мужчину и женщину три сына Бора, асы Один, Вили и Ве, в исландском сказании о видении конунга Гюльви. В букве “Веди” отчётливо различается подобие формам короны фиванского царя богов Амона (Сокрытый) (рис. 2.1), пилонов египетского храма и “оперения” столпа “Джед” (рис. 2.7), узнаётся сочетание двух арок храма двуликого привратника Януса на римском Форуме, имени которого мы обязаны названием месяца и открывающей год дверцей январского новогоднего праздника. Форма буквы “В” ассоциируется с двуглавой вершиной горы, например кавказской Ушбы, чьё название означает в переводе колдунью, фею, ведьму, и с углублением в алтарном камне. В сказке П.П. Ершова букве подобны два горба верного друга Ивана — коњка, дополняющего представление о действии и значении функции различия в восприятии и совершенствовании действительности.

В историческом времени форма символа “В” перенесёт механика к арочным конструкциям входов глинобитных стен жилищ Шумера, которые, из-за свойств глины как конструкционного материала, не могли быть не сводчатыми. Аллегория “дверь”, что прочитывается в символе буквы-предтечи, стоит отдельного слова. Отворённая дверь — известная повивальная метафора, знак открытого пути. С дверью овцам прообразовательно сравнивает себя Христос (Иоанн. 10.7.). Дверью к истине и благодати православная церковь называет Царицу Неба и земли Богоматерь. “*Тобою Царь царствующих и Господь господствующих на земли нам явися*”, — говорится в молитве к Пресвятой Богородице, именуемой “Неопалимая Купина” (рис. 1.5). В честь Госпожи Вселенной, Матери Слова и Живота, православный священник вынимает в алтаре часть из второй просфоры.

Существительные “дверь”, “двор”, “дворец”, “диван”, в значениях совета при государе в Османской империи и сборника стихов, фундаментальная философская категория “движение”, числительные “два” и “девять” (граница качественной определённости, преддверие рождения и двузначных чисел), — все, по роду своему одноначальные, формы принадлежат одному словообразовательному гнезду. Его образует равная пара ВД (истоку имя слова “Веди” буквы “В”) пары ДВ. Поскольку состоящие из одинаковых элементов множества равны, поскольку перестановка их неискажает действительности. Лексические формы принадлежат и к семейству знаков действия, состояний нашей задающей собственной функции различия, “что выдыхает свет”. Функции, формирующими множество “открыватели пути”, “проводники”.

К её дому относятся, помимо сказанного, индуистский праздник огней и света Дивали, древний Див из “Слова о полку Игореве”, имя которого совпадает с глаголом санскрита со значениями “сверкать”, “сиять”; слоговая система индийского письма “деванагари”, слово “дев” санскрита со значением “небожитель” и родственное ему и глаголу “див” по сущности, восприятию и звучанию славянское “дева”.

Если в нашем исследовании множество “открыватели пути”, “проводники”, задаёт и знаменует функция “различение”, предваряющая мысль,

поступок и участь, то в “Откровении” Иоанна Богослова производная от неё и силы внимания мера названа “дух пророчества”. Ко множеству “проводники” принадлежит каждый из её носителей — членов пастырского сообщества “братство имеющих свидетельство Иисусово”. Православная церковь учит, что Божественное Откровение не ограничено Священным Писанием, Священное Предание не замкнуто хронологическими рамками, и Дух Святой действует через людей всех времён, запечатлевая Себя в их деяниях. Поучение согласно с выводом святого Августина: “*То, что называют христианской религией, существовало среди древних и никогда не переставало существовать со временем сотворения человека.*” В послании к римлянам (1.17) святой апостол Павел пишет, что в благовествовании Христовом “открывается правда Божия от веры в веру”. В Коране, представляющем религию как непрерывную линию тока и духовное достояние человечества, неоспоримый вещественный признак участия Всевышнего в происходящем на лице земли — не только притчи, но и, иногда гонимые, вестники и посланники, неизменно несущие свою службу в людских селениях. Посланник Аллаха Таала Мухаммат называет их братство “жители моего дома” (ахлю байтир-расул).

В романе А.С. Пушкина “Евгений Онегин” к сообществу открывателей пути принадлежат такие “возничие” и олицетворения представлений о культуротворящих основаниях, как строители категориального аппарата своих воспитанников няня Филатьевна и Monsier l’Abbé. (Так математическая область отношений утверждает правоту высказывания Платона о том, что воспитатель и есть единственный подлинный государственный деятель.) В государственном ритуале Древнего Египта с канатом-идеограммой проводник — держащий его фараон. В Древнем Китае самодержавный небесный свод поручает возвещать свои помыслы о том, куда держать путь, царю, Сыну неба и правительству колесницы Поднебесной. Бог Кришна в “Махабхарате” — колесничий лучника Арджуны. “Проводник” — значение имени князя Гвидона из “Сказки о царе Салтане...”. В суфийской по роду своему “Божественной комедии” Данте провожатый с именем Вергилий — символ разума, ведущего к счастью. Повторим, что заметное обобщающее место во множестве “открыватели пути”, “проводники”, место аргумента в функции движения колесницы мироздания занимает и буква-предтеча с имясловом “Веди” и числовым эквивалентом “два”.

В её заставных изображениях (рис. 3.7) отчётливо различимы лик божества, ответственного за истину и верность учётных форм представлений о ней; провозвестительница птица Пародарш (Предвидящий) зороастрийской религиозной системы; инверсия египетского столба Джед, а в ней — горлица сказки “Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что”, и древнейший символ Предопределения, в который любил преосуществляться древний Крон, — жеребчик, прообраз категории “жребий” и шахматного коня.

Фонетический прототип имя слова “Веди” мы найдём в древнейшей из правд, помогавших человеку осознавать себя и нетленное в своей жизни. Это правда арийского духовного наследия. В нём “Веди” — название углубления

Рис. 3.7. Заставные буквицы “Веди” Остромирова (XI в.) и Юрьевского (XII в.) Евангелий Новгорода — пример широты кругозора художника в выражении представлений об общей причине в объектах разных философских школ, вызывающих сходное воздействие на организацию сознания.

и центра алтарной площадки. В него, устланное травой брахис, помещались жертвенные зёрна, мёд, молоко. Пища, как затем хлеб в правде преосуществления тела Христова, была образом перехода свойства в состояния, символизировала общий принцип, единое побудительное начало, разворачивающееся в многообразие пребывающего, единую меру, единственную проявляться и распознаваться в обстоятельствах и формах многих. Ведийский ритуал (рита, санскр. — мировой закон) сопрягал движения быта и миропорядка, социальной и космической организации. Жертвенный дар и сакральная сценография соединяли дарителя с неисчерпаемой мощью его ядра.

*Жизнь хороша, когда мы в мире
Необходимое звено,
Со всем живущим заодно.²⁹*

Среди алтарных огней и гимнов Ригведы человек обретал чувство силы и части мироздания. Его жизнь становилась священнодействием: осмысленным и освящённым бытием звена системы, иерархически организованной целостности. Индуизм с его учением о мокше как результате достижения тождества атмана (санскр. — дыхание, душа, я сам) и брахмана, из которого возникает мир, поныне выводит дхарму человека из всеобщей вселенской дхармы. Для того, чтобы “вложить дхарму в сердца людей” легендарный древнеиндийский поэт Вьяса создал эпическую поэму “Махабхарата”. Ту же задачуставил перед собой, думая о мысли и формуле, необходимой истории России, А.С. Пушкин.

Церковнославянским ключом разумения “Веди” полно выражается и культурный идеал фактора воспитания, школы:

*Поймите лишь, каких носители вы сил, —
И путь осветится, и все падут сомненья,*

²⁹ Аполлон Майков. Три смерти.

И дастся вам само, что жребий вам судил!³⁰

Идеал координируется с молитвенным стяжанием: “Облеки мя, Господи, крепостию Твою” и с изречением Серафима Саровского³¹: “стяжи дух мирен, и вокруг тебя спасутся тысячи”. Школа пробуждает особую область сознания, сопрягает её золотое руно с практикой достижений предшественников, отрефлексированных в литье культурного свода. Укрепление их достижений, без которого для народа не наступает завтра, вполне согласуется не только с древними ведийскими задачами человека на сцене жизни.

В среде санскрита, языка, хранящего мировоззрение Вед, число “два” обозначается, с учётом такого практического назначения знания, как распознавание и умение, словами “найяна” (“глаз”) или “бабу” (“рука”). (С последним сливаются воинские звания “бабушка” русского и “бабай”, “дедушка”, татарского языков.)

Уместно заметить, что отозвучного с арабским корнем СЛБ понятия “шульба” санскрита, означающего шнур для разметки мест священнодействия и поучение об этом, происходят существительные “Schule” немецкого, “school” английского, “scuola” итальянского языков и русское “школа”, где, открывая пути в будущее и предопределяя его,

...правильный снур корабельное древо ровняет
Зодчего умного в длани, который художества мудрость
Всю хорошо разумеет, воспитанник мудрой Афины.
(Илиада. 15.409)

Таков беглый, бледный и поверхностный список свода знаний, послуживших основой пролегомены, аргумента, предтечи “В” с именем “Веди”, поставленной в соответствие всевидящему и всеведущему числу “Два” и задающей функции различения. Её обусловленными обстоятельствами соответствиями, помимо образов Зари, стражи Тала, утверждения стопы, компаса, или римского принципа “Divide et impera” (Разделяй и властвуй) демаркации границ, могут служить слово “взор” и сопряжённый с ним такой уже упомянутый характеристический признак благого ведовства, как “дух пророчества”. Существительное “взор”, связанное, прежде всего, с умозрением, имеет общую морфему с “оракул”, “Оранта”, “орхамес” (вождь), с греческим названием Орхоя ограждённого шумерского города Урука, царем которого был герой древнейшего известного эпоса Гильгамеш.

От функциональных и фонетических соответствий снова вернёмся к модели второго дня творения. В её составе ещё раз посмотрим на такое дополнение, как нарицание тверди небом. Напомним, что совмещающий изображение и оригинал принцип изоморфизма переоформляет отношения, присущие действительности, в соразмерные отношения, присущие её образу.

³⁰ Аполлон Майков. Ф.И. Тютчеву.

³¹ Преподобный Серафим Саровский, чудотворец, годы жизни 1754...1833.

Он лежит в основе загадки, притчи, басни, являющейся ипостасью Слова сказки, экономит мысль и, опираясь на доступные пониманию образы, облегчает узнавание и точное понимание явлений действительности.

События второго дня творения — сложный случай моделирования единства в многообразии, единого во многом. Дополняющий модель образ неба, со-прягаемый Богом с твердью, а опытом — с истиной и другими всеохватными предельными вершинами абстракции, наиболее полно сохраняет существенные отношения между обозначением и обозначаемым. Примечательно, что слово “наиб” арабского языка со значением “заместитель” не только обладает теми же смыслонесущими согласными, что замещающее “твёрдь” “небо”, но и вызывает ассоциации с топографической картой, замещающей реальную местность в командно-штабных военных играх.

Небу как объекту образного мировидения свойственно описание его как разными функциями, так и их комбинациями. Купол легко воспринимается и как причинно обусловливающий объект, субстанция, со своей собственной функцией, функцией предопределения, той же, что несёт культурный свод. Отлитые “*в исход от тяжких бед*”³² на том и другом трудом тысяч великих умов и сердец письмена составляют становой хребет “откуда” народа и человечества и, как завет и карта, помогают различать эволюционный, не всегда снабжённый рельсами или твёрдым покрытием, а иногда обращающейся и в военную тропу земной путь.

“Литьё небес” — древняя метафора, работающая в статусе понятия об извлечении сущности и своде истины. У древних египтян представление о куполе небес олицетворяла Нут, богиня гелиопольской Великой Девятки. По характеристическому свойству нести на себе небесное воинство, всех богов с их ладьями, богиня Нут тождественна великой ведийской богине речи Вач. Слово — космогонический принцип и в российской культурной традиции. Его бытийное первенство в духовном своде Корана выражено аятом 111 (117) суры “Аль Бакара” (Корова): “Он — творец небес и земли, а когда Он решит какое-нибудь дело, то только говорит ему: ‘Будь! — и оно бывает’”. В заповеданном походе “*с ненасытной жаждой бессмертия, славы и добра*”³³ купол-скала духовного окоёма оказывает родомысленное воздействие на человека, связанное с истиной и целью его и исторического существования. Это предназначение обусловлено и внешним замыслом, функцией промыслительной. Отсечение от корня “откуда” отсекает народ от самосознания, самобытия и места в истории.

³² А.Н. Майков. У гроба Грозного.
³³ А.Н. Майков. Клермонтский собор.
³⁴ А.А. Блок. “З. М. Гиппиус.”

Не сознающий себя народ, как и не сознающий себя человек, перестаёт понимать, что с ним происходит (Ис. 6:9,10).

Подтверждением суждений о свойстве свода-литъя, купола-скалы, может служить предвозвещение Исаии (34:4,5) о поведенческой программе ярости своего Бога на все народы: *“И истлеет всё небесное воинство; и небеса свернутся, как свиток книжный; и всё воинство их падёт, как спадает лист с виноградной лозы, и как увядший лист со смоковницы. Ибо упился меч Мой на небесах”*. В возбуждающем этническую природу ферменте завета пророка избранным воплотить в себе Бога и править миром соплеменникам, насыщенным кровью до стадии размокания от неё гор, мало общего с христианским Заветом Любви.

Нарцисание имени, как и появление слова, — это операция преобразования, перевода действительности в образ. В Древнем Египте имя считалось одной из сущностей его обладателя, указывало на эту сущность. Случалось, что оно бывало и поважнее внешности, и для возвеличивания нового прославленного просто перебивали надпись на уже имеющемся изваянии. Нечто подобное, но уже по отношению к выгоревшему культу, сначала и приходит в голову в связи с нарцисцизмом тверди небом. В отличие от соответствия “свет — день” первого дня творения, оно представляется, как русалка на ветвях дуба, по меньшей мере, парадоксальным. В то же время не хочется ставить под сомнение соответствие обозначения и обозначаемого как принципу изоморфизма, так и положению теории множеств о том, какие величины можно поставить в один ряд с данными. Тверди, к примеру, могут быть уподоблены число, разделяющее числовую ось на подмножества “больше” и “меньше”; разделительный союз “или”; границы государства и понятия; непрерывная связь функции различения и участия, неизменный результат химической реакции и производственный участок входного контроля поступающих материалов. О действии, равномощном библейской тверди говорит Христос применительно как к происхождению Своей силы, миссии, так и ко взятной аудитории мысли и формуле: *“Не думайте, что Я пришёл принести мир на землю; не мир пришёл Я принести, но меч”* (Матф. 10:34). Преосуществлением этого меча разумения вооружается Руслан в поэме А.С. Пушкина “Руслан и Людмила”.

Язык функций и образов, пригодный для описания великих законов и отношений масштабных множеств, состоит не только из имён богов. Абстрактное начало начал, Океан Нуна, становится осязаемым Нилом, наполненная мыслью и правдой речь — Белкой, миросложение — кунсткамерой, детектирующее слабый сигнал верхового эфира свойство бараки — Сивкой-Буркой и крылатым верховым животным по имени Бурак, на котором Мухаммат совершает путешествие в ночь Миградж 27 числа месяца Раджаб. Делаящий выбор субъект познания, то есть каждый из нас, будучи неготовым к правильному восприятию действительности, обращается Парисом или радующимся деревянному коню жителем Трои. Утратившее связь с берегами завета, культуры и традиции сознание сообщества пресуществляется в изменившую русло реку, а его страна обитания, создававшаяся Пророчеством ве-

ликим царством, обращается в гибнущий от безводья или затопления город. Предельные абстракции, скрытые в конкретных образах, являются собой и на обеденном столе. Пшённая каша в праздничной тарелке рассказывает о поведенческой программе, подчинённой явленному миру и угождению чреву. Летун гусь, её украшающий, напоминает о такой части сущего, как действительность, находящаяся за пределами видимого. Эта часть, послужив точкой опоры научного мышления, дала предмет и имя метафизике и обозначила фигуркой гуся титул “Сын Ра” государей Египта. Математики почтили её категорией “ненаблюдаемое” в определении генеральной совокупности в статистике.

В русском православии покровительствующая судьбе народа составляющая модели разлучения вод, обозначенная нарицанием тверди небом, получила выражение в великом празднике Покрова Пресвятой Богородицы. Явившись во Влахернской церкви Константинополя, Всецарица изменила положение рук, держа уже не пряжу, а сияющей “*паче лучей солнечных*” Покров из неё.

От проходящих через сердце каналов проводящей сети высшего знания перейдём к холодным рассуждениям о нарицании тверди небом. Название должно отражать место оригинала, начала, собственной функции в строении универсума. Небо незыблемо и непреходяще, относится к высшему и внешнему порядку и, в отличие от камня, неподвластно руке человека. Небо — атрибутивная характеристика среды его обитания. Оно — конститутивный элемент всего происходящего на лице земли. Почему бы такому объекту явленного мира не стать портретом собственной функции среды причинной, субстанциональной?

В очерках о числах “Нуль” и “Один” была намечена связь основообразующих принципов, их собственных функций, с лексическими описаниями различных проявлений последних. Сейчас можно воспользоваться задачей обратной. Узнать абстрактное общее свойство системы вещей в разных состояниях: метрику функции в значениях группы слов, образованных от словоизводного корня. Сопоставим выражающий метафизическую данность корень и свод представлений о ней.

Аппарат обусловленных обстоятельствами образных решений, обобщаемых смысловым корнем НБ, подобен набору проекций одного предмета на различные плоскости из школьного курса черчения. В их свод войдёт корабельщик Уршанаби, доставивший царя Гильгамеша через воды смерти для беседы с награждённым вечной жизнью шумерским святым Зиусудрай, аккадским Утнапишти. (Сказание о Гильгамеше, по меньшей мере, на тысячелетие старше книги Хозарсифа-Моисея.) При себе Уршанаби, носитель сочетания НБ в имени, имеет и “нечто каменное”. Эта твёрдая аллегория эпоса является и ключом к достижению неприступного берега, и, подобно числу, опознавательным знаком системы “свой-чужой”. Дополнят аппарат проекций масштабный образ вавилонского покровителя письма и мудрости бога Набу (рис. 3.7) и основанное его отцом Мардуком “твёрдое место Нибиру”. Место служит для определения течения дней года и его, года, границ. “Твёрдое место Нибиру” — некая обсерватория, и её работа

по определению границ года немыслима без наблюдения небесных светил. Таким же “твёрдым местом” служат предельные абстракции, например образы сказок или те же числа, служащие повседневным средством поверки нашего мышления о реальности. Набу — обоготворение находящей и освещющей истину функции разума, которую и представляет обладатель имени. Морфема “неб” работает в аккадском названии nebehe царской одежды или перевязи. Государь поневоле облечён функцией, подобной стрелке компаса, тверди разделительного союза “или” и охранителя Тала. “Небхим” — название части Ветхого Завета “Пророки”, входящей в его состав второй. “Аль Анбийа” (Пророки) — именуется сура 21 Корана. В Новом Завете голова пророка,

который в душе просвещённой
Ведает знамений смысл (Илиада. 12.228)

— шлюз, соединяющий земные и небесные воды. “...О том, что мы видели и слышали, возвещаем вам, чтобы и вы имели общение с нами; а наше общение — с Отцем и Сыном Его Иисусом Христом” (1 Иоанна 1:3).

В китайской матрице восьми первооснов мира из книги “И цзин” возглавляющая их список творческая причина “Цянь”, чуть видоизменив состояние воспламеняющей пары КН, разворачивается в строку образом неба, за которым следует, синонимичное тверди и истине, свойство крепости. Согласно китайскому преданию, комбинация триграмм книги “И цзин” была ниспослана императору Фуси (около 2852...2738 г.г. до Р.Х.) небом. Очевидно, что с китайской моделью закономерностей мироустройства пересечены более поздние аллегории образной конструкции книги “Бытие”.

(Признаком, возбуждающим мысль о ещё одном пересечении, служит общая основа имени Фуси сообразительного императора, наименования Фисон первого из четырёх потоков, на которые разделяется исходящая из рая река, и имён Вьяса автора “Махабхараты”, Василиса, премудрой дочери морского царя, и слова “Висмиллах”)

В языке арабском благословенному нарицанию “небо”озвучно единородное с “Веди” название “Ан Наба’а” (Весть, Великая Весть) суры 78 Корана. В сообразности величин убеждает содержание суры. Она о Дне Разделения, открывашем пути в рай или ад. День этот, равно как Суд Христа (Иоанн. 5.27...29.), упорядочивает толпы в точном соответствии с египетской моделью разлучения вод. Провозглашая о жребии, Евангелие и Коран организуют сознание на его предпосылках, к которым имеют прямое отношение покровительственный навигационный сигнал (карта) мира “горного” и функция его (её) различия (чтения), живая способность к его восприятию. Арабское же слово “инаб” означает “виноград”. Продукт из него Христос отождествляет со своей кровью, опираясь, вероятно, не только на принцип изоморфизма, но и на ассоциативные свойства корней. Преосуществляя небесное в земном, Иисус указывает на метафизическую высоту образом явленного мира.

В назидании греческой мифологии с Господним обозначением заданной на множестве функцииозвучно имя Ниоба дочери неблагодарного сына Зевса царя Тантала. Ниоба унаследовала свойство неточной ориентировки в пространстве отношений. Дерзко оскорбившая мать Артемиды и Аполлона богиню Лето, царица греческих Фив, лишившись детей, обратилась в такое долговечное напоминание о правилах субординации, как камень. Крупнейшей дидактической единицей других географических и культурных координат является и эпос о Нibelунгах.

Наш анализ на пересечение НБ продолжим в самой стране Та Кем, из которой Господь воззвал Сына Своего (Матф. 2.15.), и с которой ассоциирует Себя в книге пророка Осии³⁵ (13.4).: «*Но Я — Господь Бог твой от земли Египетской, — и ты не должен знать другого бога, кроме Меня, и нет Спасителя, кроме Меня*». Ассоциативные свойства корней позволяют различить древнее имя Египта в арабском корнеслове ФХМ. Производные от него слова “фехам” и “фахам” соответствуют значениям “чёрный” и “мудрый”.

По прибытии на место, мы с лёгкой досадой обнаружим сначала, что небо, как составную часть среды обитания, египтяне обозначали иероглифом с огласовкой “пет”. Иероглиф хорошо нам знаком по лавочке основания буквы “Д” с именем “Добро”, по перекладине буквы “Т” с её именем “Твёрдо” и по балке с поплавками церковнославянской “Фиты”, символизирующей свою Церковь и повторяющей поперечное сечение египетской ладьи для дальних путешествий божества.

Можно было бы продолжить движение в поисках нашего признака пересечения, если бы не одно обстоятельство. Отчётливо различается, что Христос повторяет приём нарицания имени при избрании двенадцати (Марк. 3.16). При этом Он, Мессия, использует обозначающую небо египетскую смысловую и лексическую единицу “пет”, нарицая Симона Петром. В греческом языке, в то время международном и обиходном для Средиземноморья, “petros” — название камня. В отдалённых от стран бассейна древнеиндийских содержательном и выразительном планах “putrās” — ребёнок, сын. Корень и отзвук смысла совмещают слова “птенец” и “питомец”. Построение Христа столь же основательно, как дом из Его притчи, воздвигнутый на камне благоразумным мужем (Матф. 7:25). Духовной твердыней будущего дома человечества является и называется камнем и сам Иисус (1П. 2:4...7; 1Кор. 10:4). По сути, Он повторяет в нарицании Симона Петром нарицание тверди небом. Если вспомнить об отношениях неподвижности, инвариантности и единосущности, то другой формулы и не может, и не должно быть.

В плане математическом наречённое Иисусом имя — объединение множеств. Эта научная категория знакома нам по фигуре сфинкса, по облику сына Крона, воспитателя Геракла и Ахилла кентавра Хирона, по крылатому Бураку, верховому животному Пророка Мухаммата, и стадам Гелиоса, по составному полю зрения бинокля, грузу корабельщиков из сказки А.С. Пушкина и по союзу духа, души и тела в христианской антропологии. В дополня-

³⁵ Осия. 748...690 г.г. до Р.Х.

ющем и украшающем эту науку романе “Евгений Онегин” упоминается и такое объединение множеств, как союз “волшебных звуков, чувств и дум”.

Посему значение “небо” египетской лексической единицы “пет” — начальная, сакральная основа имени обладателя ключей от врат рая святого апостола Петра. Мы столь же верно истолковываем роль Петра — деятеля и отзываемся о крепости его служения, представляя себе скальное основание: “ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют её” (*Матф. 16:18*). Известно и о том, что такое транзитивное отношение, как преемственность служения, примером чего является апостол, чаще и точнее всего обозначаются генетической связью “сын”.

В апостольское имя-объединение множеств входит и не столь явный содержательный план. К нему, скрытому, ведут троп “птенец”, с парой ПТ в корнеслове, и обозначающее камень арамейское³⁶ слово “села”. Корень последнего, как известно, пересекается с корнем СЛБ арабской речи с указывающим на воду истины значением “извлекать сущность”. В этой связи становится понятным изречение “*Моисей сделал камень таким же благоуханным, как мускус*” из книги суфия Хакима Санай “Окружённый стеной сад мудрости” и эпизод исторжения вод из скалы. Но воплощённое “для искупления многих” (*Матф. 20:28*) Слово пришло в мир не для того, чтобы стать, подобно Моисею, вождём своего народа или связать мир рыночным загоном. Его задача — “взыскать и спасти погибшее” (*Лк. 19:10*). Проекции этой задачи определяют и объясняют множественность содержательных планов, объединённых именем-сводом Пётр. Смиренно заметим, что в отношении Санкт-Петербурга ближе к онтологическому истоку такое семантическое переоформление значения названия, как “Небесный город”.

На примерах меры НК, количественного признака “два” и связи с комплексом идей буквы “Веди” показано, что единое свойство может проявляться во многом. Дополняет понимание того, как свойство может воспроизводиться в разных образах и состояниях, корнеслов ПТ, общий для имён Пётра и мемфисского бога Птаха, египетского названия неба и славянских слов “птица”, “птенец” и “путь”. Как и общая формула, характерная для старозаветной и новозаветной процедур нарицания имени, пара ПТ объединяет утопическую картину христианской задачи возвышения человечества с рамой незапамятной исторической реальности, кризисной для Ойкумены. Следы её рассыпаны в преданиях помимо аллегорий изгнания из рая или потопа. Движением людей к краям обжитого мира правили русла рек и пути миграции птиц. Маршруты перелётов птиц послужили спасительным мостом для самой жизни древней цивилизации. Форму мостика имеет и иероглиф “пет”.

Благодарная память о службе птиц во время великого испытания жива во многих сюжетах. Почтение к заслугам пернатых дожило до наших дней в слове “инаугурация”, производном от названия “авгуры” греческого цеха птицегадателей. В “Илиаде” (10. 274.) лазутчикам Диомеду и Одиссею

³⁶ Общепринятый язык Ближнего Востока вплоть до завоеваний Александра III Великого (Македонского).

*Доброе знаменье храбрым немедля послала Афина —
Цаплю на правой руке от дороги; они не видали
Птицы сквозь сумраки ночи, но слышали звонкие крики.*

На коронах царей Древнего Египта сочетаются обереги кобры и головы птицы, размещённой, как и в знамениты Афины, справа (рис. 3.8). Их переоформлением служит притча о понимании языка птиц царём Сулейманом и о его властном над джиннами кольце. Грандиозным празднеством — кумбхамелой Индия раз в двенадцать лет чествует пресуществившегося в птицу сына Индры Джаянту, спасшего явившийся из вод Океана сосуд кумбху с напитком бессмертия. Слагаемое “Сын Ра” в иероглифике титулатуры фараонов открывается фигуркой гуся. Гусь — священная птица древнейшего бога земли Геба, олицетворяющая одну из сущностей земли и его, Геба, природы. В космогонии Гермополя Великий Гоготун снёс на Изначальном Холме яйцо, давшее жизнь богу Солнца. По одной из гелиопольских космогонических версий начало миру положила птица Бену, цапля, свившая гнездо вкроне вербы на Первозданном Холме, и отождествившаяся затем греками с птицей Феникс. На прекрасном полотне Эрмитажной коллекции Леонардо да Винчи “Мадонна с младенцем” (“Мадонна Литта”) божественный ребёнок изображён с птенцом в левой руке (рис. 3.9).

В днёй минувших анекдотах гуси спасли Рим. Принимая во внимание строжайшую дисциплину римлян в организации воинской и караульной службы, каравшую смертью сон на посту, можно утверждать, что действительным прообразом предания служит реальность перелётов пернатых, за много веков до римской реминисценции указавшая путь спасения поисковым отрядам, предварявшим движение больших масс людей. Из этих же этнокультурных и хронологических глубин исходит такая этнографическая форма регистрации действительности, как традиция приготовления гуся для стола праздника Рождества и жареной птицы для второго дня славянского свадебного обряда. Священными птицами Древнего Египта были не только гуси и цапли. Ибисы, прилёт которых был союзен разливу Нила, были священными птицами бога Тота, коему посвящался первый месяц народного календаря. Коршун соединялся с культом властительницы Нехбет,

Рис. 3.8. Погребальная маска царя Тутанхамона (Небхепрура) в короне-платке “немес“.

XVIII династия,
1347...1338 г.г. до Р.Х.
Египетский музей. Каир.

матери богов Додинастической эпохи. Сокол — священная птица бога Ра и его сына Хора.

В ласточку преосуществляется сестра и супруга Осириса Исида во время его поисков. Ластвицей доброгласной называет акафист избавительнице от всякого злого обстояния и скорби Святую Параскеву Пятницу...

*Но в искре небесной прияли мы жизнь,
Нам памятно небо родное³⁷*

— описание не единственной причины обычая отпускать птиц из клеток в праздник Благовещенья. В символике православного храма с опытом, скрытым в глубине культурных горизонтов, пересекается слово “паперть”, обозначающее площадку перед входом в церковь, крыльцо. “Паперть” представляется незначительным видоизменением существительного “папорть”, названия в одном случае середины крыла птицы, а в другом — перепонки лапки водоплавающих. Колокольное литьё языка, звука, окликает людей и рассказывает заветную древнюю и вешую правду всякий раз, как только нога встаёт на ступеньку крыльца, открывая причинную обусловленность переносного употребления слова, обозначающего преддверие дома и храма.

Значение “птица” имеет и тюркское существительное “кош”, совпадающее со вторым слогом имени Макошь. Птица — каноническая самостоятельная, как на пилоне храма Филэ, или составная часть убранства головы Исиды (рис. 3.16.) и Мут (рис. 2.1). С именами и образами Параскевы и Макоши попарно, фонетически и функционально, пересекается образ и имя птицы Пародарш (Предвидящий) зороастрской Авесты. Птица занимает место побудительного начала в цепочке действий по поддержанию священного огня — сына и жизненной силы Создателя, Ахура-Мазды.

Космогоническая речь, включая не только смысловые границы слов, но и её фонетические и интонационные очертания — хранилище наследственного вещества и зёрнен высшего знания. Сохранение и укрепление достижений

Рис. 3.9. Леонардо да Винчи.
Мадонна с младенцем
(Мадонна Литта). Темпера, холст,
переведена с дерева.
Исполнена ок. 1490 г.
Государственный Эрмитаж.

³⁷ Е. А. Баратынский. Дельвигу.

Рис.3.10. Пути миграции белых аистов.

предшественников и исторической памяти о них — категория не только нравственная, но и жизнеобеспечивающая. В плане связи времён имя “Пётр” смыкает служение апостола как с известными Христу событиями прошлого, доисторического времени, так и с совместным с ними спасительным назначением Его Церкви. На связь же с исследуемой нами задающей функцией различения, дающей подлинное знание и открывающей путь колеснице ми-роздания, указывают ключи в руке апостола.

Убедившись, что имя и в самом деле соответствует существу служения его обладателя, почётным торжественным маршем, под звуки хора ловчих, волшебных флейт и лир проследуем к нашему поисковому признаку НБ в иероглифике Древнего Египта.

В интригующем построении “твёрдь — небо” фонетическая форма “неб” — огласовка другого иероглифа. С покровительственным могуществом функции различения он соединён самодержавным значением “владычество”, но, в отличие от небосвода, имеет форму нижнего сегмента сферы. Эти сегменты со свойством симметрии и обозначаются словами со свойством симметрии в корне, в порядке смыслонесущих согласных. В славянской речи венчающий церковное пространство свод, прообразовательно указывающий на охранительную сень небесного воинства, владычества и покровительства, называется баня. В русском языке слово “баня” всегда означало такой образец прочности, как круглый каменный свод. Значение паровой купальни оно приобрело с деформацией поздно внедрённого в русскую речь из итальянской слова “bagno”. В символике новогодней мистерии равновеликую по идеографическому значению форму этого свода, бани пакибытия³⁸, имеют тульи головных уборов воеводы нульмерного пространства Мороза и матери мысли Снегурочки. В удмуртском языке “табани” — название такого древнейшего сакрального символа, как блин. Банник — славянское название хлеба с формой свода и египетского мифологического острова и Первозданного Холма Бен-бен, которым мать невесты благословляет пару к венцу, к земному пакибытию.

В этнографической форме учёта культурного наследия соседнего с Удмуртией Татарстана равная НБ пара БН работает в названии “сабантуй”. Достояние тюркской мысли и культурной традиции только в первом приближении производно от названия “сабан” плуга. Рука великого народа не может не быть возложена на плуг иного рода, испытанный веками плуг этнического мышления. За предметом быта скрыта предельная абстракция, служащая его, мышления, исходным пунктом и поверочным эталоном. Глубокий

³⁸ Паки — вновь.

корень сабантуя соразмерен такому аргументу, как плуг (и рог, сошник) разума, а с ним и имени шумерской богини письма и грамотности Нисабы, где согласные стоят, как и в именах вавилонского Набу и египетской первородительницы Нехбет, в последовательности НБ. Праздник соединяет быт народа и хранимое учётной формой традиции “безотчёtnoe” знание глубинной реальности жизни и её законов и смысла, находящихся вне пределов опыта видимого и одной человеческой жизни. На не всем очевидную границу сопряжённости двух качественных определённостей праздника указывает его традиционная девятидневная продолжительность. Тюркские и шумерский языки схожи по конструктивному типу.

В мифологии Древнего Египта пары НБ и БН тоже обозначают равномощные образы. В этюде о птицах упоминалась цапля Бену, из яйца которой возникло всё множество сущего. Ива³⁹ для её гнезда укоренилась на холме Бен-бен. Его наименование производно от смысла, передающегося глаголом “выныривать”. Смысл обладает свойствами образа — чистого состояния, предельной абстракции, и его можно применить не только к процессам включения или фазовым переходам, касающимся акта творения мироздания, приведения его в движение или возобновления хода времени. Им можно обозначить и перемены в состоянии сознания. Его манифестиацией является город князя Гвидона.

Превосходящий иероглиф “неб” работает в высшей геральдике, выделяющей заданную на множестве функцию в виде геральдической фигуры; в именах богов, тронных именах и титулатуре царей, везде отчётливо демонстрируя связь с незыблемой сущностью, обладающей несокрушимой высшей властью. Нужно сказать, что восприятие тех давних дней видело во власти подобие оросительной системы. В палитру владычества как основа входило покровительство. Хорошим примером этого служит совпадающий по звуанию с междометием турецкий титул “ага”. “А” в его составе значит то же, что в Шумере: поток воды. Словообразовательная единица “га” в тюркской речи струится смыслом “направление”. Однаковыми смыслонесущими согласными выделяются наши слова “Кремль” и “окормлять”.

Земной прообраз указывающего на метафизическую общность и данность иероглифа “неб” предельно прост. Это корзина для переноски глины на строительстве плотин гидротехнических сооружений. Для кормящего ландшафта Древнего Египта строительная корзина — идеальный аллегорический образ, вмещающий многоплановый и многогранный опыт освоения путей сообщества к процветанию. Повторяющая форму корзины идеограмма “владычество” — отображение правила движения не только от корзины к плотине, но и от факта к закону, от волокна — к канату, от короткой человеческой жизни к многовековой жизни народа. Корзина — идеограмма может научить различению в малом большого и бесконечного в конечном, сообщает мирским трудам характер деяний веры и значение подвига совершенствования.

³⁹ Ива. Она же — притча аятов 29 и 30 суры “Ибрахим”, приведённых в очерке о числе “Один”.

ния жизни. Она может обозначить цех или страну. Но всё это ближнее поле метафоры, не утрачивающей ключевую образность в истолкованиях, доступных пониманию широкого круга слушателей.

Свойство уникальности, единственности, иероглиф “неб” обретает в скрытом смысле. Он увековечивает добытую на дороге познания, в пути поиска гармонии истину в стилистическом русле предельной абстракции. Говоря языком науки, в его форме и знаке выражено характеристическое свойство разума различать причинное, ненаблюданное, метафизическое; добираться до истины как идеальной сверхчувственной сущности, дающей подлинное знание. Древними изображениями смысл выражен и совмещён в геральдических символах: угнездившихся на царственном лбе (рис. 3.8) и в корзинах “неб” покровительницах земель Египта змее и птице (рис. 1.7). Очевидно совпадение “на просвет” значений иероглифа “неб” и головы царя по принципу суперпозиционной перфокарты. Христианам этот же смысл известен по покровительственному оберегающему действию Святого Духа — возвещающего о будущем (Иоанн. 16:13) телоправителя православной церкви. Святой Дух запечатлевает Себя не только в созидании и предназначении царств, но и в деяниях вестников, имеющих такое свидетельство Иисусово, как дух пророчества.

Со знаком “неб” и связана эта удивительная, пронизывающая прошлое и уходящая в будущее линия тока функции незыблемой и непреходящей, соединяющей человека с верховым началом бытия и знания. Проходя через сердце, она заставляет его жить, работая в необъяснимом сокровенном порыве, и соединяет с ним подлинную мудрость. О её русле напоминает духовная жажда связи с созидающим действующим началом мироздания; линия тока воспринимается как знание или догадка о тайных влияниях, вмешивающихся в течение жизни, чувствуется как опасность утраты связи времён, гибели святыни и наследственного вещества. Место этого курсоуказателя и сени, как место кроветворного костного мозга, не могут занять ни власть, ни слава, ни деньги, ни что другое из плотских заповедей, “ибо что пользы человеку приобрести весь мир, а себя самого погубить, или повредить себе?” (Лк. 9.25.)

В осязаемой форме сакрального причинный параметр, обозначенный иероглифом “неб”, проявляется в ниспослании в кувуклию благодатного огня в канун православной Пасхи. Его сущность обнаруживается в объединяющей мощи и подъёмной силе музыки и идеи. Она обозначена и в такой проблеме сферы различения, как передача знания. Проблема передачи знания и способности восприятия действительности известна по диалогу: “А вы за кого почитаете меня? Симон же Пётр отвечая сказал: Ты — Христос, Сын Бога Живого. Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах” (Матф. 16:15...17). Она же служит основанием преданий о долгой бездетности Авраама, о понятливом китайском императоре Фуси и неточном отроке Варфоломее. В паре ФЛ имени последнего брезжит имя стражи Тала.

Отношение, когда внешняя, явленная оболочка используется для указания на более глубокое знакома нам не только по сабантую, заставным буквам, образам Нуна и Нула, по новогодней мистерии, по материнскому благословению хлебом-банником возобновляющей земное бытие пары, но и по евангельскому вещанию, касающемуся утраты верного понимания действительности: “*слушом услышите, и не уразумеете; и глазами смотреть будете, и не увидите...*” (*Матф. 13:14; Ис. 6:9,10*). Работа пары “навигационный сигнал — получатель сообщения” хорошо известна и по сочетаниям “воспитатель — воспитанник” романа “Евгений Онегин”, сказке о принцессе и горошине, по шумерской истории о праведнике, спасшем семя всякой души во время всемирного потопа, по съеденному плоду райского дерева и другим примерам обретения или утраты владычества.

Иероглиф “неб” участвует в комплексе представлений о власти и механизме действия вышней правящей силы мифа о Матери природы Исиде и Владыке Всего Осирисе. “Неб” — первый из двух корней слова “небанх”⁴⁰ (египетск. — “обладатель жизни”) — названия раки, в которой царь Усир (Осирис), обманом заключённый туда живым братом и узурпатором власти Сетом, начинает своё плавание к верховному могуществу и бессмертию.

Сюжетная линия и организующий сознание эмоциональный фон мифа об Исиде и Осирисе дают жизнь видоизменённым и упрощённым реминисценциям, повествованиям о вверенном предназначении властителя Двуречья царя Саргона I⁴¹ и законоведа Мусы (Моисея). В них уже сама корзина-идеограмма, прообраз иероглифа “неб” служит мерой действия промыслительной верховновластной силы и индикатором соединения божественного и человеческого. Руки материей оставляют ей и водам Евфрата и Нула соответственно богоспасаемые корзинки с детьми. Младенцы, таким образом, становятся соединёнными с небесным жизнеобеспечивающим царственным начальником, и, разумеется, его посланниками и вестниками неизречённой истины. Необходимо напомнить, что поддержанием работы линии связи с высшим знанием неизменно и незаметно занимается суфизм.

Спасительное путешествие в Египет с младенцем Христом в колыбели-корзине совершает и святое семейство. В антихристианских иудейских писаниях Христос не вовсе безроден. Он “ben Пантера”. По удивительному стечению обстоятельств имени отца в русской речи соответствует слово “пантер”, обозначающее круглую плетёную ёмкость, набиваемую репной ботвой для зимнего корма скоту. Для такого рода совпадений всегда наготове ярлык “случайность”. Но в физике и теории вероятности категория “случайность”, связанная с функциями запуска цепной реакции и генерации информации, фундаментальна. В сказке “Вещий сон” вмешательство случая в лице купеческого сына Ивана решает семидесятилетний спор трёх старцев о наследстве: ковре-самолёте, шапке-невидимке и сапогах-скороходах. Роль информа-

⁴⁰ Об иероглифе “анх”, соразмерном свойствам идеи, упомянуто в очерке о числе “Нуль”.

⁴¹ Шаррукин. XXIV в. до Р.Х.

ционно-измерительных каналов в ней, как и в сказке о царевне-лягушке, исполняют три стрелы. В физике при делении ядра оружейного урана 235 от случайного по своей природе воздействия нейтрона испускается в среднем 2,5 вторичных нейтрона.

Водной стихии и тому же кормилу и каналу рождения от благосенно-истинной покровительственной верховной власти обрекаются богатыри в мифе о сыне Зевса и Danae Персее и в сказке о царе Салтане. Линию тока её обозначений продолжают притча о ковчеге, миф о преодолении Чермного моря под водительством Моисея, таинство православного обряда крещения и предание об Иверской иконе Божией Матери, благодой Вратарнице обители Афона. Повторим, что хранившая икону благочестивая вдова обрекла чудотворный образ волнам моря, спасая от иконоборцев. По велению Богородицы его встретил на оном берегу, идя по воде, принявший монашество сын вдовы.

В очерке о числе “нуль” как свойство разума назывался поиск общей сущности и меры различных явлений. Мера, безотносительная к различию предметов, была названа абстракцией. Абстракция сущность математическая, а потому часто выходящая за грань видимого. Но мера не перестаёт быть общей от того, что крылатый конь Средиземноморья с именем Пегас, производным от ведийского слова со значением “форма”, в метафизических ландшафтах Средней Азии становится крылатым верблюдом. Так важность верного представления о действительности в повествовании о первом путешествии Синдбада-морехода выражена сюжетом об острове, на деле оказавшемся рыбой, а в сценографии новогодней мистерии России фабулой, когда подарок деда Мороза (олицетворяющего представления об отношениях неподвижности, о причинно не обусловленном и о предельной абстракции) получается в награду за верный ответ Снегурочки. В египетской модели разлучения вод главенство верного воспятия действительности скрывается за образом тверди. Механизм модели выражает закономерность упорядочения континуума небесным воинством механизма работы сознания.

Общее характеристическое свойство делает разные по форме модели элементами одного множества. На основании принципа изоморфизма в соответствие абстрактному свойству и множеству может быть поставлен образ и наречено имя. Для случая высшей общности они будут иметь предельный характер. В сказке о Синдбаде-мореходе представление о её силе олицетворяет птица Рухх.

Наш анализ на пересечение НБ элементов, не входящих в библейскую (второго дня) теоретическую схему, не приводит к разрыву с принципом единого во многом. Он позволяет сделать вывод, что в их многообразии мы имеем дело с выражениями единого условия, имеющего наиболее общий характер. По Канту подобное условие возможности всякого синтетического восприятия — характеристическое свойство субстанции. Это пространство, где всё разъединяется и соединяется, называется в просторечии причинным. В “Фаусте” И.В. Гёте в нём, недоступном Мефистофелю, обитают матери, видящие “сущностный чертёж”.

Рис. 3.11. Православная икона “Богоявление” с сегментом иероглифа “неб” в сюжетной части, с которой связано ее название.

(ок. 1408 года) и на московской иконе XIV века “Рождество Христово” в залах Государственного Русского музея в Михайловском дворце Санкт-Петербурга. Единородная идея о рождении свыше, что выражена затем Христом в беседе с Никодимом: “Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие” (Иоанн. 3:5.), распространяется и на такой субъект познания, как народ. Христианской символикой корзина иероглифа “владычество” утверждена и на куполах православных храмов. Там он продолжает своё неизменное служение как отображение верховновластной тверди, износящей совечное ей древо жизни. Реминисценцией идеограммы служит изображение в мавзолее di Galla Placidia в Равенне (V век по Р.Х.). Два голубя на нём и в сказке о Василисе Премудрой — версальные деформации олицетворения представлений об исследуемой нами функции миросложения. Их легко перевести друг в друга и без многопереходного преобразования.

Мы знаем, что в арабском языке слово “крест” происходит от корня СЛБ, несущего смысл “извлекать сущность”, доходить до истины, “до точки”. Корзина может быть аллегорией занятого этим, в целях совершенствования жизни, братства. Отправляющегося, к примеру, в Колхиду за золотым руном на корабле “Арго”. Седлающего Росинанта. Собравшегося на Тайную вечерю. Или выплавляющего и отливающего в дугообразные пластины сообразный истине металл в печах Аркаима. Извлечение из рудных жил сущности, “того, что

Второй вывод заключается в том, что нарицанием тверди небом выражено наиболее общее охватывающее абстрактное условие, безотносительное к различию охватываемых предметов. Этим признаком безотносительности к многообразию при исследовании и описании пребывающего в математике обладает контролирующее понятие *“переменная”*. Независимая переменная нарицается обыкновенно аргументом. Вопрос о том, что же является транслитерацией термина иностранного происхождения, слово “небо” или огласовка “неб”, становится неуместным, если они имеют одно происхождение.

Сегодня иероглиф “неб” соединён с тем же животворным и промыслительным началом жизни. Его сегмент ясно виден в композиции происхождения Святого Духа на византийской школы иконе Богоявления, шире известного как Крещение Господне (рис. 3.11). То же изображение можно видеть на иконе “Крещение” из иконостаса Успенского собора во Владимире

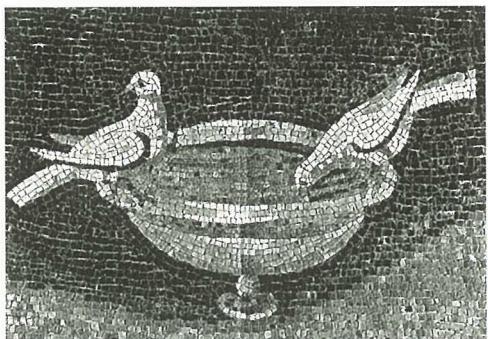

Рис. 3.12. Мозаика в мавзолее di Galla Placidia.

внутри”, является следствием различия. Различие рождается в молчаливом горниле сосредоточенного размышления. Сосредоточенное размышление служит аргументом для функции прочности “литья небес”, свода достижений в области духа. Равно и причиной неотразимого обаяния образов Леонардо да Винчи, указывающих на область иной реальности в системе вещей.

Человек внимательный и памятливый заметит, что на куполах Теремной церкви московского Кремля олицетворяющий представления

о небесной тверди символ находится не в основании, а на стержне креста, и имеет форму не лодочки, а изящных рожек. Эти видоизменения не разрушают ни типа, ни итога философской мысли, ни равенства отображений. Мудрецы механики всех времён и народов отнесут рог к предметным областям тверди и отношений неподвижности как балку равного сопротивления сечения изгибу. Рожки сохранили ещё одну форму учёта представлений древних о задающем параметре работы мысли, характерном для функционального пространства числа “два”. Эта “зарубка на носу” — наследие глубокого знания и наблюдательной астрономии Шумера. Значение открывавшей пути функции различия, понимания, распознавания было внятно языческому мировоззрению. Знание о её могуществе и значении как о верховенствующем, обусловливающем основании самосохранения и развития, средстве ликвидации зависимости, выражено небесной метафорой и самым частотным образом плодовитости и мощи своего времени — головой быка созвездия Тельца, второго в Зодиаке. На крестах Богородицкого Раифского монастыря близ Казани рожки изменили симметрию с зеркальной на центральную. Образовавшаяся волна и серповидное монастырское озеро стали ещё одной формой построения знания об исследуемой нами предметной области. Образ волны вобрал в себя и напоминание о кораническом месте слияния двух морей, к которому стремятся Муса и Булукия, и идею о передаче воды жаждущим. Образу волны и несущего воду в пустыню канала изоморфны берег в пустыне водной, благоухания из вывода Дионисия Ареопага, взятого эпиграфом к работе, и из выражения Хакима Санай о чудотворце Мусе, исторгнувшем мимоходом и воду из скалы. Олицетворяет представление о пути познания и постижения истины, находящемся в предметной области числа “Два”, и скульптурная группа “Самсон”, равно как и все фигуры Большого каскада Петродворца.

Перейдём к лексическому обеспечению свойства среды, предопределившего сан и ответственность человека в живом. Его описывают, помимо метафоры “плуг разума”, существительного “различение” и количественного числитель-

ного “два”,rudименты двойственного числа в русском языке — собирательные числительные “оба” и “пара”. Изучение руин двойственного числа начнём с морфемы “пара”. В словаре В.И. Даля пара — “два предмета почему либо взятые вместе, заодно”. За “почему либо” явно скрыта широкая область отношений. Лексическая единица “пара” во многом обязана своим появлением такой составляющей этого математического пространства, как закономерности сосуществования фаз. Чаще всего словарная пара упорядочена, то есть представляет собой два элемента, размещённые в определённом порядке. Примером такой пары служит неосторожное обращение с огнём и пепелище. Математик увидит в примере суперпозицию функций, когда одна служит аргументом другой. В сказках это узда и конь, клетка и жар-птица, ошейник и собака, клубок пряжи и верный путь, вода в следе копытца и превращение сделавшего глоток братца в козлёнка, в Писании — съедение плода райского дерева и изгнание из рая и другие такого рода соответствия.

В сельской идиллии российской традиции восприятия неотразимым обаянием обладает не построение “сосредоточение — понимание — движение”, не функциональная цепочка Корана “различать — проповедовать — предопределять”, а такое незатейливое парное отображение как телёнок на верёвке. Оно распространяется как на представление о значении понятия “переменная”, так и на описание фазового состояния среды. Образ хорошо иллюстрирует истину подконтрольности нашего мышления о фактах образу — чистому состоянию, вершине предельной абстракции и архетипу.

В корзине меры “владычество” морфема “пара” скординирована и с регуляторами фазового состояния более широкого спектра действия, нежели плуг, распутица, ошейник, уздечка, меч-кладенец, огонь пастей Змея Горыныча, кухонной плиты или родительского назидания. Она связана с сущностью таких подателей жребия, как только что оживший в идиллическом образе компаратор⁴² ментальности субъекта познания (категориальный аппарат его умоустройства, орудие верного восприятия реальности); относящееся к Святому Духу (Параклит); пряха Параскева Пятница; как супруга Парвати (Шакти) бога Шивы, выполняющая при нём функцию инициирующего взрывчатого вещества, и добропобедная пряха Афина Партенос. В языке эпоса о Гильгамеше морфема “пара” — заставная часть слова parakku, означающего возвышение для трона. “Будет у меня завтра; а что — не скажу; ухитрись-ка, царевич, да принеси моему незнаемому своё под пару”, — говорит Елена Прекрасная об условии успеха сватовства к себе в сказке “Вещий сон”. Цена ошибки та же, что и в истории народного существования, — жизнь.

Имени “Параскева” фонетически близко “Paraskeie” — название стадии, фазы подготовления, послушничества в пифагорейской школе Платона. Значение имени святой девы, данного родителями в предзнаменование иного фазового состояния, календари дают в технологическом значении “приготов-

⁴² Com-rāgo, лат. — приготавливать; приобретать; устанавливать; сравнивать, сопоставлять.

ление". Ближе к родительскому замыслу и критериальному признаку "дух пророчества" множества "братство имеющих свидетельство Иисусово", к которому принадлежит святая, было бы истолкование "предвосхищение", точнее — "предвозвещение". К нему ближе и значение "Предвидящий" одноначального с Параскева имени Пародарш птицы из ритуального кодекса в своде зороастрийской Авесты.

Часовни в честь Параскевы Пятницы не так давно осеняли разветвления российских дорог. В сказках и на картине В.М. Васнецова, написанной в 1882 году, после убийства царя Александра II, распутье встречает витязя не часовней священной предзнаменовательницы, а камнем-предзнаменованием. Преткновенный эквивалент как понятия участи и тверди, так и светозарного образа Великой Панагии славян, несёт на себе письмена о будущем героя. Утверждиться в том, что богатырь находится в стихии числа "два", нам помогает не только являемый камнем набор парадигм, одну из которых ему надлежит избрать, но и соразмерность лексических отображений речений. В немецком языке ветвь и ответвление называются *der Zweig*, а двойка — *die Zwei*.

Об изменении фазового состояния свидетельствуют не только закалка стали, предлоги "над" и "под", таяние льда, этапы жизненного пути виноградного сока, творога и бабочки, результаты взрыва, перепряжение свободы глупости в свободу зла, смена правления в "Истории села Горюхина", досадный факт вступления на неверный путь, горечь ига порабощения или знаменующееся обрядом расплетения одной косы на две замужество, о коем просят избавительницу от всякого злого обстояния Параскеву, отгоняющую, как и Шива, демонский мрак. Фазовый переход — это и преобразование питания в энергию движения, и включение лампочки, и первая вибрация мысли, приведшая к рождению божества, и Калинов мост смены знака в демаркационной точке зимнего солнцестояния, и возглас: "Поехали!" Ю.А. Гагарина, первого космонавта Земли. Его фамилия мистично производна от названия водяной птицы.

В евангелической картине мира событиями, принадлежащими множеству фазовых превращений, являются богооплещение и Воскресение Христа. Богооплещение восстановило твердь критерия различия в замысле Бога о человеке и человечестве. Факт Воскресения — неоспоримый аргумент функции их спасения. Евангелие указывает, что горница, где ученики различают подлинную суть происходящего, находится на втором этаже здания. Двукратны обращение и явление Иисуса оставшимся одиннадцати ученикам. (Иоанн. 20. 19...29.)

В связи с линией тока свидетельств выражения верховной власти и идеограммой передачи воды жаждущим нельзя не остановиться на сюжете об исцелении Христом больного, за тридцать восемь лет (редуцируется к числу "два") не имевшего того, кто опустил бы его в купальню по целительном возмущении в ней воды (Иоанн. 5.1...9.). В сюжете выражена великая мысль об изменении фазового состояния с помощью замены обусловливающей переменной, аргумента в функциональной цепочке. По своему философскому значению сцена эта столь же важна для организации работы сознания, сколь равномощный ей миф Ину (Гелиополь) о вос-

существовании первого божества вселенной в результате осознания самого себя. Их отношения типа равенства совмещаются с единосущностью глаголов “пасти”, “спасать” и с утверждением о природе Мессии: “И Он есть прежде всего, и всё Им стоит”. (Кол. 1.17; Иоанн. 1.1...2; 8.58; 17.5, 24; Откр. 1.17; 2.8; 22.13).

В психологии и социологии аргумент, властный обуславливать восприятие действительности, поступок, поведение, состояние и участье, именуется где ментальностью, т.е. умоустройством, где категориальным аппаратом, где установкой сознания. О нём не всегда помнят при чтении стиха 29 главы 12 Евангелия от Матфея. Стих содержит слово самого Христа: “Или, как может кто войти в дом сильного и расхитить вещи его, если прежде не связает сильного? И тогда расхитит дом его”. Иногда сильный сам опутывает себя сетью (Матф. 13:14; Ис. 6:9,10) или перестаёт различать хитро накладываемые на него путы. Как обложившее разум облако, либо верёвка на шее телёнка, установка сознания не раз оказывалась ментальным оружием противника во враждебных завоеваниях. Аллегорией действия настройки сознания служит падение стен крепостей, как в случае Иерихона, наружу. Общеизвестен пример с конём, которого ликующие жители Трои втащили во врата Илиона, неуязвимые стены коего сложили боги Аполлон и Посейдон. Несколько столетиями позже, осенью 539 г. до Р.Х., во время праздника во дворце Валтасара (Набонид в прославлении Кира), войсками царя зороастрийцев Кира, вторгшимися за неприступную оборонительную стену и в город по осущённому руслу Евфрата, был взят Вавилон. Из тех же рассказов Геродота о войнах царей Персии известно о том, что сыну Кира Камбизу⁴³ удалось захватить Пелузий (Син), крепостные врата Египта, открывшие путь к завоеванию страны в 525 г. до Р.Х., когда он разместил перед своей армией священных животных, против которых египетские воины не могли обратить своего оружия. Обладающая человеком установка сознания решила вопрос жизни и смерти цивилизации индейцев американского континента, сначала ожидавших, когда их боги разгневаются и покарают пришельцев, а затем всей армией опустивших оружие при виде своего знамени в руках Кортеса с горсткой авантюристов. Установки сознания противника были учтены Генштабом девятнадцатилетнего государства Израиль в победоносном нападении на арабские силы в 1967 году. Параметр слепой и ограниченной веры в будущее, обратившийся в неразличение характера того, что делается в стране и на сопредельных пространствах Ближнего Востока, стал роковым для Шумера. На отеческой почве предопределенющий фактор настройки сознания нашёл отражение в трагедии А.С. Пушкина “Борис Годунов”. Предок автора Гаврила Пушкин говорит воеводе царя Бориса о причине успеха самозванца:

Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?

⁴³ Камбис (Местиура). XXVII династия (персидская). 530/525...522 годы до Р.Х. Поздний период.

*Не войском, нет, не польскою подмогой,
А мнением; да! мнением народным.*

Морфема “пара” приведёт нас и к иным проявлениям закона сосуществования фаз и граням магического кристалла конструктивного механизма различения. Например, к связующему звену “спарша” (санскр. — соприкосновение) закона координации деятельности дхарм (пратитьясамутпада, санскр.). Разговор о гранях остановим на самой малой. На сопоставимой, по свойству существовать лишь в воображении, с математической точкой и прямой мере параманы. Парамана — “атом различия” в сознании буддиста и наименьшая мера в каноне индуистского храмового искусства. Она настолько мала, что место царственного престола её действующего начала трудно вообразить находящимся не в голове художника.

В массиве прошлого, гораздо более мощном, чем срез цивилизации, мысль и формула стараются приблизиться к математическому описанию закономерностей. О движении к решению этой задачи говорится и в “Слове о полку Игореве”:

*Боян бо вещий,
Аще кому хотяше песнь творити,
То растекашеся мысью⁴⁴ по древу,
Серым волком по земли,
Шизым орлом под облакы.*

Заставная часть существительного “Боян” и собирательное числительное “оба” (старинн. “обое”) образованы общим корнем. Только “Боян” ближе к задаче извлечения сущности, а “оба” — к итогу этого извлечения. Образ волхва Бояна станет рельефней от знания о передаче на той хронологической глубине таких понятий, как “явление”, “откровение”, “духовное видение” знаменья старинным существительным “обавление”. “Обавление Ианна еуаггелиста” (ἀποκάλυψη) — название замыкающей книги Нового завета в 1073 году. Боян, понимая песнь ли, побасенку ли притчу, как общее достояние и ориентир в сфере духа, ищет образ или модель — чистое состояние, обращаясь выковывающим народ молотом, окидывая для этого взором и мыслью всю мироколицу. Формуле народной мудрости “Ведуны обилие держат” фольклорного духовного свода равновелика учётная форма “Колдун (Обоян, старинн.) несёт богатыря” вступления к “Руслану и Людмиле” А.С. Пушкина. Вторая часть имени Боян происходит от глагола “яти” в таком ответвлении от “обладать”, как “обнимать, охватывать разумом”. Она же служит корнем имени двуликого привратника Януса, владыки римской мифологии, неизменного члена клуба “Открыватели путей”, избирающегося самими римлянами и его председателем.

Собирательное числительное “оба” охватывает знакомое не только по сказкам отношение, когда оба элемента в сочетании, образуют элемент тре-

⁴⁴ Белка.

тъего множества, мерой которого служит уже иная суть. Слагатель гимнов говорит об этом:

«Тяжело главе без плеч могучих,
Горе телу без главы разумной». Горе телу без главы разумной...
И земле так горько было Русской
Без удала Игоря, без князя...⁴⁵

Обыденные примеры сочетаний — химическая реакция двух веществ с третьим в её итоге, ум и нрав, слитно образующие дух (В.И. Даль), игла и нить, писец и глина, разум и слово, пушки и паруса, копьё и его ратовище-древко, идея и проповедник, семя и почва, учитель и ученик, источник и приёмник сигнала, вода и плотина, внешние обстоятельства и внутренние условия, им препятствующие или содействующие. В обойме смысла “оба” находятся структура и функция, развитие и понимание; понятия “святые отцы церкви” и “церковное Предание”, а также построения от функции промыслительной. Они видны в паре “юная Татьяна и с ней Онегин” строфы L главы восьмой романа А.С. Пушкина; в стихе 5 главы XIX Евангелия от Матфея: “Будета оба (муж и жена) въ плѣть едину” (*oi δύο*), в знакомых уже единородных точках полуустава Евангелия от Марка (рис. 1.10) и узорной вязи аятов Корана (рис. 1.9). Обозначая общую суть, числительное “оба” служит выражением важных для функции различия отношений преемственности, генетической связи, и такого слагаемого отношения типа равенства, как принцип транзитивности: “Я и Отец одно” (*Иоанн. 10.30*), “Видевший Меня видел Отца” (*Иоанн. 14.9*).

Для полноты исследования предопределяющей функции различия важно однородное с “оба” древнее существительное “обло”. Оно применялось для обозначения сферы, шара, выражая заодно и результат созерцаемых оком и разумом чудес единой вещи и нетленной сущности и причинной обусловленности Бытия. Суть “обло” родственна смыслу “обведено общей чертой”, передаваемому собирательным числительным “оба”. В сегодняшней речи исток старинного “обло” определяет смысл гидронима “Объ”, слов “обет”, “оболочка”, “свобода”, “обозначение”, “обаяние”, “образ”, “обои”, “область” и “обладать” а также название “облучок” капитанского мостика колесниц. Два предпоследние рассмотрим чуть подробнее.

“Обладать” — синоним глагола “владычествовать”, что в рамке нашей темы значит “держать на себе направляющее начало”, например, начало различия поискового признака, канала связи с высшим знанием или грехов мира, начало распределения орошающей землю воды, руль, вожжи, меч, мегафон, аргумент или иное средство руководства. Восприятие синонимов “владыка” и “обладатель” делается полнее, распространяясь на каждого человека, от переноса смыслового ударения на корень “дать”. Тогда владычество человека ли, субъекта ли познания в более ёмком плане, — не

⁴⁵ А.Н. Майков. Слово о полку Игореве.

что иное, как восприятие действительности, диктуемое умоустройством и производной от него функцией различения облечение в сан, “датие” обстоящему места, сферы полномочий и ответственности. Эти обуславливающие, “наделяющие” действия индивидуального сознания, его раскрепощающие или закрепощающие, отражены Гомером в суде Париса и его итогах, Софоклом — в части “Днём — на двух” загадки Сфинкса, а Е.А. Баратынским в строчках:

*Мужайся, не слабей душою
Перед заботою земною:
Ей исполинский вид даёт твоя мечта;
Коснися облака нетрепетной рукою —
Исчезнет...*

В статье “Область” “Толкового словаря” такого “подносчика корзин”, как В.И. Даль, для пояснения бытийно первенствующего значения этого тоже производного от “обло” слова, приводится вопрос ко Христу о его праве верховной власти: “Кою областю сіє твориши” (*Матф.21:23*). В системе символов православного храма на сферу оной самодержавной и верховновластной области указывает шар в основании венчающего купол, маковку или шатёр креста. И шар, и лодочка иероглифа “Неб”, сообразующаяся и с ладьями наосов египетских храмов, находятся между собой в отношении типа равенства с точностью до преобразования, оба имея общие как естественное основание и причинную обусловленность, так и жизненную значимость аллегории родомыслия о назначении народного существования. Символы — код механизма гармонии с замыслом о творении, спасения и объединяющей мощи. Иногда они горят золотом вместе, Луной и Солнцем обозначая названную небом твердь Истины и независимую переменную творческого начала. Его выражением служат и не всегда приметные, как полёт комара или шмеля, процессы включения. Олицетворением представлений об их значении является образ их родоначальницы Макоши. На полотне кисти Леонардо да Винчи она, только что оставив крылья, она озаряет нас улыбкой Джоконды.

Впору упомянуть, опираясь на постулат египтян о связи имени и сущности его обладателя, слово “обелиск”, имеющее с существительным “обло” общие корневые смыслонесущие согласные. Изначально обелиски были символами Первозданного Холма, положившего начало миру в безопорном водном просторе. Видоизменение этого их значения обнаруживается в мифе о рождении богиней Лето Артемиды и Аполлона на острове Делос, в который преосуществился, утвердившись на столбах, поднявшихся со дна вод, носившийся по волнам остров Астерос.

Форму вершины обелиска, образуя цепочку взаимосвязанных отображений, повторяют египетские пирамиды, элемент карты-фриза “Виллы Мистерий” Помпеи (рис.3.14) и ритуальное творожное блюдо, одноимённое с Пасхой. Как праздник перемены фазового состояния, весть Пасхи соотносит человека с тем же, что иероглиф “неб”, верховенствующим началом Бытия, с

его благосененным метафизическим сигналом. Блюдо же из творога, продукта фазового превращения молока, сочетается с мыслью о закономерности связи фаз, то есть состояний ментального и социального устройства, метафорически дублируемых и образами теста и кулича.

В сфере ландшафтной, без образов которой не обходятся теогонические и

Рис. 3.13. Пирамидальная Абараш-Баш (Голова Пророка) — вершина метафизического ландшафта Южного Урала. Вид на хребет Аваляк с вершины горы Большой Иремель.

космогонические мифы, форму, служащую рельсами к идеи геометрически правильной пирамиды, имеет вершина “Абараш-Баш”, “Голова Пророка”, хребта Аваляк на Южном Урале в косом свете заходящего солнца (рис. 3.13). Ассоциативные свойства корней оронимов позволяют утверждать, что это сочетание названий — самое древнее и долговечное из пророчеств о Мессии. Корень оронима “Абараш-Баш” — тройка БРШ. В древнейшем языке зороастрийской Авесты она образует наименование “барешнум” главного омовения жреческого ритуального кодекса Видевдат. Гнездо можно узнать в названии пророка “авараг” такой горной страны, как Дагестан, в именах “брахис” священной травы, “Браhma” божества верховной триады индуизма и “Пуруша” — образа древнеиндийской мысли, работающего в статусе понятия о космогоническом принципе и духовном начале вселенского порядка. Пересечение с общей метрикой, смысловой размерностью корня БРШ, прослеживается в таком связующем миры звене, как категория “барака”, и слове “берешит”. Последнее, открывая Тору, соразмерно “искони” Евангелия от Иоанна.

В карте русской речи со всем корнем и словообразовательным гнездом БРШ пересечены слово “барыш”, старинное название яства “брашно” и имя “боярышник” долголетнего целебного ягодного деревца. В Великобритании за-

цветающую ветку боярышника в утро Рождества доставляют в Букингемский дворец из Гластонбери. Берут её от куста, выросшего, по преданию, из капли крови Христа. Воздействие на чувства, подобное небесному восторгу от омовения “барешнум” и цветущего боярышника, способна вызывать действительность, отображаемая существительным “барышня”. Оно происходит от той же основы, что авестийское *вərəxšda* — “дорогой”, “желанный” и сопоставимо с мечтой, утопией и именем Брисеида драгоценной награды Ахилла, отобрannой у него Агамемноном. Синонимичное слову “дева” со значением “небожительница”, “барышня” легко ставится и в соответствие образу богини Макоши.

Свообразие лексических карт метафизических ландшафтов таково, что соразмерность с причинным метафизическим планом корня БРШ обретает и название “берёза”. Происходит это благодаря ассоциации его корнеслова с названием “барсман” ритуального пучка прутьев в литургии зороастрийцев и латинскому названию *Betula* российской лесообразующей породы. Существительное “*Betula*” латыни тождественно арамейскому со значением “дева”. При создании Септуагинты, перевода на греческий язык Пятикнижия в III веке до Р.Х., слова “бетула” (дева) и “алма” (скрытая) были замещены греческим словом “партенос”. В Новом Завете эта характеристика перешла на Матерь Христа, пришедшую на смену Великой богине славян — олицетворению представлений об огниве универсальной воспламеняющей жизнь космогонической функции. Одним из естественных оснований её изображения на вышивке (рис. 3.1) могло служить поверье о произрастании под берёзами галлюциногенных грибов. Таковой же была качественная определённость действия зороастрийского ритуального напитка хаомы, ведийской сомы.

Названию Авала як самого горного хребта сообразны имя “*Monsieur l'Abbé*” в значении “глава братства”, тюркские слова “аваль” со значениями “начало”, “раньше”, “прежний”, “древний” и обращение к старшему брату и мужчине “абый”. Древнеиндийское “ява” со значением “зерно”, “ячмень”, подходит для выражения представления о действии аргумента. Термином “авлий” ислам обозначает самую высокую степень приближения к Богу, а называнием “вали” — ставшего святым. В сказках “1001 ночи” “вали” наименование градоправителя. “Ав” — ассирийское наименование месяца, совмещающегося с господством созвездия “Овен”, под чьим знаком звучит Благовещенье о Спасителе. “Авель” — имя первомученика, пастыря, родившегося вторым. Арамейским словом-палиндромом “Авва” Иисус выражает свои отношения с Отцом, обладающие свойством единственности. Вместе с корнесловом имени Тал форма работает в дважды четырёхбуквенном названии Тель-Авив идеологического центра мира.

Метафизическая составляющая в сочетании названий хребта и его вершины 1291,9 — пример транскрипции в топонимах учения о передаче воды жаждущим. Его аллегория — пост священного месяца Рамазан, в который Пророку и мирам ниспослан Коран. Выраженное в возгласе Христа: “*кто жаждет, иди ко Мне и пей*” (*Иоанн. 7.37*), оно изоморфно учению о спасении с союзной ему функцией различения. О последней соразмерности свидетельствует Святой Апостол Павел. Говоря о том, что Бог хочет, чтобы все люди спаслись, он указывает путь спасения в словах: “*и в разум истины*

пришли” (1 Тим. 2.4). С острова Аваллон, святилища, близкого к понятию омфала, центра мира, в мифологии кельтов должен возвратиться со спасительной миссией король Артур.

Оронимы Абараш-Баш и Аваляк горной цепи Урала координируются и со значениями составных частей названия Рабиу⁴⁶ ль-Авваль⁴⁷ (Рабиг ал-авваль) месяца, двенадцатого числа которого Авараг Мухаммат предстал перед Аллахом Тааля, закончив своё земное служение по сопряжению божественного замысла с реальным бытием. Благодаря первому слову названия месяца, созвучию деяния Посланника в славянском духовном своде можно различить в образованном от корня РББ слове “раббат” со значением “госпожа”. От него происходит имя курочки Рябы из общеизвестной сказки. За несущей таится предельная абстракция, образ Макоши с тюркским слагаемым “птица” в имени. Значение “виола” корня РББ позволяет распространить на название месяца Рабиу ль-Авваль в календаре ислама, равно как и на пару оронимов Урала, смысл словосочетания “первая скрипка”. Рабаб, виола, — эпитет суфийского певца в произведениях поэтов-суфиев, стремившихся передать людям умение составлять верное представление о скрытом мироустройстве образами физического мира.

Видоизменяя переменную, мы найдём, что аллегорией служения Пророка могут являться и вода для напоения жаждущих, и поднявшийся со дна изначальных вод холм, на котором возвысились древо ивы и “смоковницы благословенной” исламской цивилизации. О том же созидательном общественном предназначении, что календарь и географические названия, Иисус пророчески говорит с самарянкой у колодца: “А кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нём источником воды, текущей в жизнь вечную” (Иоанн. 4.14).

Уральская ландшафтная транскрипция — побудительное начало цепочки имён и образов эпосов и верований. Будучи материнским хранилищем, ландшафтное отображение открывает географические координаты древнейшего сакрального центра, первообраза карты с ленты фриза “Виллы Мистерий” Помпеи (рис. 3.14).

Пирамidalная вершина 1291,9 Абараш-Баш (рис. 3.13) обозначена на плоскости стены так же, как и на листах современных карт, линиями равной высоты. Её можно увидеть в сияющем треугольнике церковного убранства и в записи глаголицей священного сокращения Господнего имени Иисус.

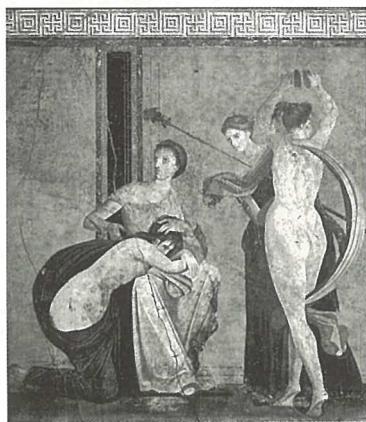
В обозначающей метафизическую данность свастике парного пирамиде и, очевидно, водного изображения нетрудно различить многое и на лице земли. Во-первых — обозначение перекрестием корня СЛБ и его смысла “извлекать

⁴⁶ Арабск.: Рабб — Бог, Господь, Мастер. Рабба — собирать, управлять людьми, иметь авторитет.

⁴⁷ Арабск. Аль-Хавалид — горы, скалы, опоры. Не может истолковываться не в соответствии с первой частью, на уровне более низком. Указывает на изумруд смыслового ядра корня ХЛД, общего гнезда понятий “вековечность”, “душа”, “мысль”, “рай”, “неизменность”, “ум”.

Рис. 3.14. Помпеи. Парное изображение фриза-карты Виллы Мистерий

Рис. 3.15. Фриз и фреска
“Виллы Мистерий”.
Помпеи.

сущность”; во-вторых — обозначение перекрестием точки и центра, чemu поныне учат на кафедрах инженерной графики; в-третьих — исток оросительной системы из четырёх райских рек; в-четвёртых — место слияния двух морей, к которому стремится Муса, и в-пятых — диаграмму хода шахматного коня. Мы знаем, что жеребец, в чей образ любил преосуществляться древний Крон — древнейший символ предопределения, породивший как понятие, так и фонетическое обозначение жребия.

Остановимся бегло на слове “второй”, тоже обслуживающем задающую меру функционального пространства числа “два”. Созвучное со “второй” греческое слово “фтеорей”, в Евангелии от Иоанна употреблённое в описании того, что увидел Пётр, вступив в пустую гробницу Христа, имеет отчётливые признаки

исследования. Во времена А.С. Пушкина вместо “теория” звучало “феория”.

Мы практически никогда не связываем лексическую форму “второй” со словом “вторгаться”, т.е. входить силой или обманом, примеры чего приведены в описании такой оболочки, как установка сознания. В повести М.А. Булгакова “Собачье сердце” профессор Ф.Ф. Преображенский напоминает о равенстве между иноплемёнными вторжениями, опустошениями и бедами, вызванными кадровыми катастрофами, и настройкой сознания в изречении “Разруха начинается в головах”. Но не будем задерживаться на Авесте, где Друг — имя мира лжи и хаоса; на мифах о проклятии потомков Пелопа, победившего хитростью и подкупом в состязании колесниц царя Энемая; о смертном сыне Гелиоса Фаэтоне, по маломыслию взявшемся за вожжи квадриги бессмертного отца, чем едва не испепелил Землю. Используем слово “вторый” Писания лишь как пример работы буквы-освятительницы “В” с числовым эквивалентом “два” в качестве протезы упорядоченной пары ТР смыслонесущих согласных количественного числительного “три”.

Нам осталось выяснить происхождение графического знака числа “Два” и ответить на вопрос о соразмерности, (изоморфности, сообразности, совместности, соответствии) свойств обозначения и обозначаемого. Мы убедимся, что эквивалентное отображение собственной, атрибутивной функции дейс-

твительности, названное Кантом природной склонностью, а Незнайкой — правдой, может существовать и в виде цифры. И уже знаем, что в этом случае знак становится высказыванием математического содержания и элементом проводящей сети высшего знания.

Первообраз формы цифры “2” — кобра, знак высшей защиты с короной египетских богов и царей. Её каноническое вверенное предназначение — различать и испепелять врагов.

По названию одной из форм короны, — платка “немес”, что общеизвестен по погребальной маске царя Тутанхамона (рис. 3.8), получила имя Немезида, богиня неотвратимого возмездия греческой мифологии. Нетрудно заметить, что отношения изоморфизма связывают прообраз знака всевидящей двойки и служение стражи острова Крит великана Тала. “Die Kobra” — название отряда особого назначения Германии, выполняющего защитные функции высшего ранга. В Великобритании то же название имеет чрезвычайный правительственный комитет. Сочетание золотой и аспидной полос гвардейской георгиевской ленты (слово “лента” происходит от “елан”, тюркск. — “змея”) имеет своим первообразом чередование галсов движения тела могучего древнего оберега. В её цветовой символике золотая дорожка изоморфна отношениям неподвижности. В цвет чёрный обращена мудрость, видение скрытых связей. Гвардейская георгиевская лента — блестящее семантическое переоформление древнейшего священного знака высшей защиты.

Кобра-урей (египетск. иарт) впервые появилась на царственном лбе бога Атума, воссуществовавшего из среды Океана Нуна в гелиопольской космогонии. В змею-охранительницу Атума и грядущего миропорядка преосуществилось его Око, посланное на поиски детей бога, затерявшихся было в водной пустыне по причине отсутствия не созданного ещё света. Вернувшись с детками, Око нашло своё место занятым новым Оком. Вспыхнувший опасный гнев прообраза Солнца, прототипа лазеров, приборов ночного видения и воплощения важной для первого представления о действительности функции распознания тайного был унят возложением на него уже описанной великой миссии.

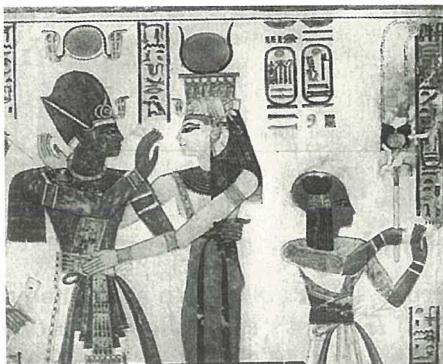

Рис. 3.16. Кобра-урей на коронах царя Рамсеса III и богини Исиды. (XX династия, 1184..1153 г.г. до Р.Х.)

Содержание 3-го выпуска

Конфуций и другие.

стр. 3–13. **Разговор о грязи, вечерней заре и духах.** Разговор редактора с В.П. Васильевым, который объясняет, как отличать мудрость от глупости.

стр. 14–40. **Изречения Конфуция.** Главы 9–12.

Уваров и другие.

стр. 41–68. Имеет ли отношение Данте к уваровской триаде? Лекция А.В. Осипова, в которой разговор об одной из частей уваровской триады переходит в обсуждение проблем языка и народного красноречия.

стр. 69–82. Лекция П.А. Плетнева «О народности в литературе».

Родословная чисел.

стр. 83–171. Трактат А.Л. Неучева. Начало разговора о таинственном происхождении чисел. Первая часть книги, посвящённой исследованию связи числа и слова, происхождению символов, имён и скрытого смысла чисел.